

**Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Российское общество социологов

Южный федеральный университет

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

**Южнороссийский филиал федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук**

**Крымский филиал федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук**

**СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
КРЫМА В РОССИЮ**

**Материалы Первого социологического форума
Симферополь, 27-29 мая 2018 года**

Часть I

Ответственные редакторы

Ю.Г. Волков

Чигрин В.А.

Симферополь
КФУ имени В.И. Вернадского
2018

УДК 061.3

ББК 63.3

Б-79

Редколлегия:

Хриенко Т. В.	д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Щербина В. Н.	д-р социол. н., проф., Институт культурологии НАИУ (Киев)
Волков Ю. Г.	д-р филос. н., проф., ИППК ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Шоркин А. Д.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Щербакова Л. И.	д-р социол. н., проф., ЮРГПУ им. М. И. Платова (Новочеркасск)
Силласте Г. Г.	д-р филос. н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва)
Глузман А. В.	д-р пед. н., проф., акад., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Редькина Л. И.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Горбунова Н. В.	д-р пед. н., проф., ИППиО ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Шушара Т. В.	д-р пед. н., доц., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Заслуженюк В. С.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Яценко Т. С.	д-р психол. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Пономарева Е. Ю.	канд. психол. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Калина Н. Ф.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Черный Е. В.	д-р психол. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Якса Н. В.	д-р пед. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Дорожкин В. Р.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зябкина И. В.	канд. психол. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Серигов А. В.	канд. социол. н., ИСР ЮФУ (Ростов-на-Дону).

Б-79 «Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию»: Материалы Первого Крымского социологического форума (27029 мая 2018 г.), Часть I / отв. ред. Ю.Г. Волков, В.А. Чигрин; сост.: В.О. Вагина, Н.Н. Гонтаренко. – Симферополь: Издательство, 2018. – 210 с.

ISSN 2413-1709

В сборник включены материалы Первого Крымского социологического форума «Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию», посвященные проблемам реинтеграции Крыма в Россию, социально-экономического, политического, социокультурного развития крымского сообщества. Адресуется социологам, политологам, экономистам, студентам регионоведов, всем, кто интересуется проблемами реинтеграции Крыма в Россию.

Статьи публикуются в авторской научной редакции. Позиции авторов не всегда совпадают с позицией редакционной коллегии.

ISSN 2413-1709

© Авторы, 2018
© КФУ имени В.И. Вернадского, 2018

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Горшков Михаил Константинович,

председатель Оргкомитета Первого Крымского социологического форума, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академик Российской академии наук

Актуальность проблемы реинтеграции Республики Крым в экономическое, политическое и социокультурное пространство России заключается в том, что Крым, находившийся в составе Украины с 1954 г., вошел в ее состав сравнительно недавно, и почти четверть населения Республики Крым помнит его особый статус при СССР.

Крым всегда относился к числу миграционно-активных регионов. Процессы депортации ряда этносов Крыма и их возвращения на родную землю, процессы заселения Степного Крыма выходцами из других регионов Украины, стремление потенциальных пенсионеров, особенно военных из числа россиян, дослужить в Крыму и остаться здесь навсегда – все это не могло не повлиять на динамику этнического состава населения Крыма.

Социально-демографическая структура населения полуострова, в которой едва ли не полмиллиона человек составляют пенсионеры с особой исторической памятью, предполагает смещение спектра межэтнических отношений «влево», к временам «единой семьи народов».

Кроме того, территории Крыма существенно различаются по целому ряду признаков – людности, демографической и этнической структуре, характеру занятости населения, включая «сезонную безработицу», природно-климатическим условиям, степени урбанизации и т.п. Все это предполагает сложности процесса реинтеграции РК в экономическое, политическое и социокультурное пространство России, а, следовательно, нуждается в качественном социологическом мониторинге и анализе.

Именно поэтому Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН и было принято решение о создании Крымского филиала, который объединил бы в своих рядах ведущих социологов полуострова.

Перед коллективом филиала была сформулирована сложная исследовательская цель, которая включала в себя разработку методологической и методической модели цикла исследований

этносоциальной, этнокультурной и социально-демографической специфики региона, анализ институциональных и неформальных политических и экономических практик в системе межэтнических отношений, анализ исторической памяти молодежи в контексте формирования гражданской идентичности в полиэтничном и поликонфессиональном регионе и т.д..

Важным аспектом работы филиала должно стать обобщение результатов исследований в рамках социологической экспертизы региональной политики Республики Крым и формирование массива эмпирических данных по Республике Крым за период 2018 – 2021 гг.

Учитывая сложности вхождения Крыма в полиэтничный социум Большой России, достижение цели, сформулированной выше, предполагает решение следующих задач:

1. Мониторинг вхождения населения Республики Крым в политико-правовое пространство России; анализ формирования электорально-правовой культуры крымчан; изучение и развернутая характеристика электорального поля Крыма (в целом и по регионам) в преддверии выборов 2019 года.

2. Анализ адаптации экономически активного населения Крыма к новым экономическим условиям хозяйственной деятельности.

3. Анализ гуманитарной политики Республики Крым, в контексте которой предполагаются:

- маргинализация, культурно-политическая изоляция и социальная нейтрализация дестабилизирующих элементов, спекулирующих на этнических и языковых проблемах;

- ускоренная интеграция нейтральных слоев крымскотатарского и украинского населения Крыма во все аспекты жизни населения России;

- включение заинтересованных граждан украинской и крымскотатарской национальности в совместное историческое творчество Российской государственности.

4. Мониторинг обновления образов исторической памяти крымскотатарского народа, других народностей Крыма, формирование современных элементов крымской культуры под лозунгом «Наше единство в многообразии».

5. Социологическое сопровождение социальной стабилизации Крыма через обеспечение культурной гегемонии со стороны носителей идеологии современной российской государственности. При этом данная гегемония не

должна подаваться как гегемония «старшего брата», поскольку с 1954 года крымский полиэтнический социум впитал в свой менталитет стереотип «свой ↔ чужой», и вряд ли будет исключен из психологии крымчан, которым придется выстраивать новую систему отношений триады «Россия ↔ Крым ↔ Украина».

6. Участие в выработке технологии управления информационно-коммуникативным пространством через индивидуализацию воздействия, активную режиссуру событий в противовес рефлексивно-реакционной, иницируемой Украиной. Специфика современной социальной среды предполагает конструктивно-созидающий характер аналитики управляющего субъекта – поэтому имеет смысл развивать элементы новой коммуникативной культуры в среде крымских интеллектуалов и лидеров общественного мнения.

7. Экспертная деятельность в подборе и подготовке кадров для управляющих структур различного уровня (Совет Министров, Министерство информационной политики, Министерство труда и социальной защиты и др.).

8. Анализ контекстов различного уровня (мониторинг общественного мнения) вокруг отдельных виртуальных событий и работа с ними.

9. Инициирование и проведение семинаров, конференций, рабочих групп, с привлечением профильных специалистов из разных сфер общественной жизни. Привлечение к работе таких форумов молодежи и, в первую очередь, молодых работников сферы образования.

Формулируя основную цель и задачи, которые мы ставили перед Крымским филиалом ФНИСЦ РАН, мы понимали, что никакая социальная проблема не существует сама по себе, а предусматривает своего носителя — определенное социальное сообщество. Объект исследования характеризуется количественно, структурно и с точки зрения его пространственно-временной определенности. В нашем случае – это Республика Крым, как пространственное, экономическое, социальное, политическое и социокультурное образование.

Учитывая сложный этнический и конфессиональный состав населения Республики Крым, необходимость преодоления перекосов, доставшихся в наследство от пребывания Крыма в составе Украины, а также принимая во внимание геополитический аспект расположения Крыма, его пограничный статус, назрела необходимость получения оперативных научных данных по самым разнообразным вопросам жизни полуострова.

Речь идет о межэтнических и межконфессиональных отношениях в Республике Крым, о природе возможного возникновения конфликтов, о факторах проявления экстремизма и о других важных и актуальных темах и

направлениях, результаты анализа которых могут стать аргументированной основой принятия управленческих решений, научной базой для решения многих социальных, политических, экономических и социокультурных проблем Крыма.

Еще раз обращаю Ваше внимание на то, что за весь «украинский» период Крыма, несмотря на наличие мощных вузов, располагающих высококвалифицированными специалистами, в регионе не было подготовлено ни одного социолога, ни одного социального работника, а все исследования отдавались на откуп киевским «варягам». А ведь российскоцентричный Крым был буквально занозой во лбу украинских националистов.

После исторического выбора в 2014-м году общество Крыма вступило в новый период своего развития, и в силу исторических обстоятельств сталкивается с необходимостью решения множества разноуровневых практических проблем и решения задач дальнейшего развития. Решить эти проблемы может полномасштабная реализация Федеральной целевой программы развития Крыма. Это понимают наши противники и пытаются самыми различными методами – от экономических диверсий до использования «черной пропаганды» – затормозить выполнение программы, обеспечивая отрицательное отношение к ней части населения Крыма.

Понимая, что выполнение Федеральной целевой программы не может ограничиваться сугубо материальными или экономическими показателями, мы убеждены, что параллельно с этими процессами должно происходить качественное обновление взаимодействия различных социальных групп в контексте новой для Крыма политической и социальной модели, представляющей в пространстве Российской Федерации целостное уникальное социально-историческое образование.

Задача реинтеграции социума, несколько десятилетий находившегося в составе другого государственного образования, предполагает актуализацию социальных связей в сообществе народов России, нахождение своего места в братской семье исторически сложившегося «большого социума» страны.

Задача, стоящая перед Крымом на уровне международных отношений, предполагает стабилизацию, сохранение и обновление традиционных связей имеющихся между различными социальными группами Крыма (прежде всего этническими общностями) и культурно близкими сообществами других государств, где проживают народы – исторически и культурно им близкие. Социально-культурные связи крымских татар, армян, греков, болгар, других национально-этнических групп, требуют не только сохранения, но и изменения и обновления в контексте новых национально-государственных и международных реалий.

Все эти социально-практические задачи делают актуальными и требуют решения целого ряда проблем, которое возможно только на базе создания полноценной базы первичной социологической информации.

Таким образом, еще раз подчеркну, что сегодня Крыму нужна своя социология, представленная вновь созданным Крымским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Первым масштабным мероприятием, проводимым филиалом, должен стать Первый Крымский социологический форум *«Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию»*. Организаторами форума выступают: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российское общество социологов, Правительство Республики Крым, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южнороссийский филиал Федерального социологического центра Российской академии наук и Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

По окончании форума, 29 мая – 2 июня 2018 года будет организована и проведена *Школа молодого социолога «Изменяющаяся социальная реальность и жизненные практики россиян в посткризисном обществе»* под руководством профессора Волкова Ю.Г.

За четыре года, прошедших после воссоединения Крыма с Россией, на Крымском полуострове состоялось немало значимых мероприятий и событий. А совсем недавно на глазах крымчан и граждан всей России, а без преувеличения, можно сказать, и мирового сообщества, вслед за воссоединением произошло еще одно событие поистине исторической значимости: открытие Крымского моста через Керченский пролив. Это – не только эпохальное событие, вызвавшее у всех россиян чувство гордости за страну, но и событие, которое имеет огромное социально-экономическое значение для Крыма, для его интеграции в материковую структуру.

Но, как мы знаем, есть мосты дорожные, инфраструктурные, а есть – духовные, коммуникативные, в том числе работающие на связку научного взаимодействия и сотрудничества. И в этом отношении мы очень надеемся, что Первый Крымский социологический форум станет мостом, скрепляющим и консолидирующим профессиональное социологическое сообщество России.

На Форуме, в котором принимают участие социологи, политологи, историки, экономисты и представители других отраслей социогуманитарного знания из многих регионов страны, предстоит обсудить ключевые проблемы интеграции Крыма в Российскую Федерацию, пути и средства консолидации

крымского сообщества в целях его динамичного социально-экономического и социокультурного развития.

В работе форума и Школы молодого социолога принимают участие более 200 социологов из Российской Федерации. Представлены ученые сообщества Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Томска, Ялты, Керчи, Евпатории и других городов нашей большой Родины. В работе Форума участвуют исследователи из Алма-Аты (Казахстан), Киева (Украина), а иностранное участие представлено делегацией из Чехии (Прага) и Польши (Пшемьсл).

В заключение хотел бы пожелать Форуму плодотворной работы, творческих успехов, научных открытий и находок, которые послужат дальнейшей интеграции Крыма в Россию.

ДИСКУРС ПОНИМАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ

Волков Юрий Григорьевич,

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Социокультурная интеграция Крыма в российское политико-правовое и социокультурное пространство является основной стратегической задачей обеспечения устойчивого развития России в контексте внутренних и внешних вызовов, стоящих перед страной. В послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин сказал: «Мы обеспечили устойчивость и стабильность практически во всех сферах жизни. А это критически важно – для нашей огромной многонациональной страны со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях»¹. В суждении руководителя страны содержится квинтэссенция задач, которые могут считаться приоритетными в контексте достижения стратегических целей развития российского общества.

Действительно, Крым как регион с трудной историей и сложным настоящим реализовал вековую мечту, став неотъемлемой частью российского государства. Однако акт вхождения Крыма в состав России, имея огромное историческое значение и для судеб населения Крыма, и для российского общества в целом, знаменует начало социокультурной интеграции – процесса, в котором основным показателем является обретение крымчанами российской идентичности.

Российский многонациональный народ – это не только политико-правовой конструкт, но и новая социальная реальность, основанная на чувстве принадлежности и согражданственности народов России российской государственности, российской истории, российскому будущему. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что, рассматривая проблемы социокультурной интеграции как теории и практики в контексте обретения Крымом статуса

¹ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

российского региона, встает вопрос о том, каким образом может формироваться российская идентичность в Крыму, какие методы, способы, цели способствуют преодолению различий между «материковой Россией» и Крымом, что необходимо сделать для того, чтобы население Крыма ощущало свое единство со страной не только на основе налаживания транспортных коммуникаций, энерго- и водоснабжения, создания единой налоговой и финансовой системы, судебных органов, но и на уровне общественного сознания, массовых настроений, воспринимая себя российским народом.

В полиэтнической и поликонфессиональной России о национальной идентичности можно говорить как о конструкте, выполняющем функцию консолидации российского общества как необходимого условия социокультурной интеграции². В связи с этим важна согласованная позиция государственных, региональных структур власти, общественных ассоциаций и политических партий в вопросе о том, какие маркеры, смыслы, значения должны присутствовать в российской идентичности, чтобы крымчане в ближайшем будущем стали гражданами России не только по правовому статусу, но и по самоопределению, самопричислению, социальной и личностной категоризации.

Это далеко не праздный вопрос, так как вхождение Крыма в состав России, как бы ни оспаривался и ни ставился под сомнение этот исторический факт противниками России, являлось добровольным выбором, характеризующим историческое стремление основной массы крымчан вернуться на Родину. Однако позиция возвращения «домой» имела, и до сих пор имеет, различающиеся причины и основания. При том, что основная масса населения Крыма, отторгая политику украинизации, крайне негативно относилась к попыткам лишить Крым статуса автономии и была настроена против политики евроинтеграции и вхождения в НАТО, следует осознавать, что образы России, отношение к России связывалось с несовпадающими ожиданиями.

Определенное значение имело влияние предшествующего опыта уже исчезнувшей в России «советской» идентичности, когда для определенной части крымчан Россия воспринималась как «новое издание» Советского Союза и, как результат, обретение принадлежности к государству с идеологией единства и социальной справедливости. Нужно отметить, что сформировалась и «негативная идентичность» как реакция на ущемление

² Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта : монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М., 2016. С. 53.

прав и свобод русских и других этнических групп в сфере образования, культуры, политической карьеры. Украинское государство с истоков своего зарождения стало государством этнонационализма, доминирования украинской нации, дискриминации других этнических групп.

Это оказало существенное влияние на восприятие России как защитницы прав русского населения, как общества, в котором неукоснительно соблюдается право народов на политическое и культурное развитие. Вместе с тем следует отметить, что в массовом сознании, в силу насаждения информационной изолированности Крыма от России, порой бытовали упрощенные схемы российских реалий, сопряженные с эффектом повышенных ожиданий от вхождения Крыма в состав России.

Таким образом, крымское общество, демонстрируя солидарность в принятии исторического выбора, различается по позициям относительно того, какой является и какой может быть российская идентичность, что важно для крымчан в контексте сохранения этнической, региональной, конфессиональной идентичности. В связи с этим переход Крыма к периоду интенсивной социокультурной интеграции в российское общество имеет свои особенности. Во-первых, актуальным является синхронизация усилий региональных структур власти, общественно-политических ассоциаций с процессом упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа России. Это означает, что для крымского общества необходим запуск механизмов формирования гражданского самосознания и гражданской активности, интеграция крымских общественных ассоциаций в общероссийское пространство, создание региональной программы гражданского воспитания молодежи. А также, и это уже делается, – сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Крыма.

Во-вторых, возникает чувство неисполненного гражданского долга по отношению к народам Крыма со стороны российской научной, интеллектуальной и культурной элит по реальному участию в процессе формирования российской идентичности. В нынешней ситуации явно недостаточно ограничиваться демонстрацией патриотических чувств по поводу воссоединения Крыма с Россией, хотя полезно напомнить, что среди претендующих на статус «властителей» общественных дум и настроений есть и скептики, и те, кто, придерживаясь безупречной, на их взгляд, позиции защиты международного права, сомневается в будущем Крыма в составе России, вольно или невольно становясь в позу борцов за историческую справедливость, навязывая российскому обществу тревоги по поводу изоляции России в контексте якобы «аннексии» Крыма.

Поэтому есть общественный запрос на расширение культурно-просветительской и информационной деятельности, направленной на

укрепление чувства согражданственности крымчан в российском обществе, создание атмосферы общей судьбы народа Крыма и России. В этом смысле востребованными являются: организация акций крымского форума, деятельность российских научных и культурных ассоциаций в Крыму, переподготовка работников образования, культуры, СМИ в общероссийских профессиональных центрах.

В-третьих: ни одна из заявленных задач не может быть успешно реализована вне формирования дискурса понимания в публичном пространстве и сфере повседневности. Имеется в виду, что, следуя формуле «кто контролирует язык, тот контролирует мысли и действия», мы ощущаем необходимость выработки позиций договоренностей и согласия относительно норм, ценностей, регуляторов формирования общероссийской идентичности, ее маркеров, определяющих отношение крымчан к прошлому, настоящему и будущему Крыма в составе России. Дискурс понимания интеграции Крыма в составе России испытывает немалые деформирующие воздействия, так как, с одной стороны, безусловен авторитет института президентства, задавшего последовательный курс на развитие Крыма в составе России, с другой – в российском обществе, где ощущается влияние ценностно-мировоззренческих конфликтов, где до сих пор ведутся споры о специфике национального пути развития России, понимание проблем Крыма, их влияние на настроения в российском обществе характеризуются «позиционным диктатом», нежеланием достижения оценочного компромисса, расхождением в принятии оптимальных управленческих решений. Очевидно, что дискурс понимания как совокупность коммуникаций, связей между различными общественными и общественно-политическими силами, заинтересованными в успешности процесса социокультурной интеграции Крыма в общероссийское пространство, требует концептуального и социально-практического изучения.

Методология исследования

В настоящее время в российском обществе не стихли дискуссии о путях нациестроительства, формирования российского народа как нации. Эти дискурсы проецируются и на перспективы формирования общероссийской идентичности в Крыму. При том, что большинство исследователей исходят из необходимости создания единой политической нации, а это означает укрепление в общественном сознании Крыма понимания процесса сближения народов Крыма в политической сфере, выработку консенсуса по основным приоритетам развития полуострова, особое внимание следует уделить тому, что сильным влиянием обладает позиция «развитие нации – государства и этноса – нации», что находит отражение в сохранении и упрочении формулы этнокультурного и религиозного многообразия.

Актуальной становится проблема межрелигиозного и межкультурного взаимодействия на основе общих духовных ценностей. Реализуемый проект формирования общероссийской идентичности требует понимания всеми заинтересованными сторонами политической надэтнической природы российской идентичности, в чем задействована сила и авторитет российского государства. Мы являемся очевидцами колоссальных усилий федеральных государственных структур не просто наладить нормальную жизнь в Крыму, преодолеть негативное влияние антироссийских санкций и агрессию соседнего государства, но и вселить уверенность населения Крыма в то, что российское государство является гарантом стабильности, порядка и безопасности, что вопрос о Крыме не подлежит обсуждению, не предполагает иных сценариев, кроме: Крым есть Россия.

В этом контексте актуализируется дискурс понимания российского этатизма как лояльности к государству, включенный в идентификационную матрицу, поскольку россияне достаточно ясно проводят границу между верой в государство как идеальный конструкт и чиновниками – «профессиональными управленцами», формирующими «лицо» государства. Сложность нынешней ситуации заключается в том, что в Крыму реализуется ФЦП «Социально-экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»³. Здесь следует учитывать не только необходимость скоординированности действий федеральных и республиканских властей, но и понимание целей и способов реализации программы, очередности задач и ответственности федеральных и региональных властей.

Для населения Крыма, которое в украинский период ощущало деструктивную политику Киева, ориентированного на «сделать Крым заштатной украинской провинцией», российское государство ассоциируется и с державностью, и с суверенностью, и с заботой о своем народе, о том, что Президент РФ характеризует как «человекосбережение». Поэтому исследователи, указывая на этатизм как основу общероссийской идентичности, рассматривают доверие к государству в качестве установления отношений взаимных обязательств между обществом и государством.

³ Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.econo-my.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/-View/2018/429>.

Между тем, как отмечалось в исследовании «Это мир непубличных людей», проведенном в период 2012–2016 гг. совместными усилиями ученых из РАНХиГС, Института социологии РАН, НИУ ВШЭ в рамках качественного анализа, основанного на глубинных биографических интервью с представителями российской государственной и муниципальной властью, «чиновники» теряют общий язык с людьми, не нацелены на поиски общего языка с населением. Иными словами, действуют два параллельных языка: «язык требований и просьб» со стороны населения и «правила казенного обращения» ради получения элементарной услуги⁴. В таком контексте деформируются возможности понимания тех процессов, которые реально влияют на жизнь крымчан. Речь идет о том, что, демонстрируя приверженность российскому государству, что показали результаты президентских выборов, в которых институт президентства воспринимается как символ и гарант российской государственности, в сфере повседневности существует высокий уровень напряженности, связанный с тем, что чиновники делят мир на «своих» и «чужих» и воспринимают собственную управленческую миссию как основание для принадлежности к определенному институту, занятому важной государственной службой, а население ассоциируется у них с просителями и назойливыми клиентами.

Такая конфигурация не сулит ничего хорошего, так как приводит к насаждению ложных демаркаций между властью и обществом, чиновниками и рядовыми гражданами. Очевидно, что формирование гражданско-государственной идентичности в Крыму конструктивно в рамках дискурса понимания как общего языка, основанного на целях и приоритетах российского государства, на логике решений, определяемых реальными нуждами и интересами развития Крыма, а не стремлением отложить проблему «в долгий ящик» или скрыть за «тонной отчетов». В вышеуказанном исследовании констатируется, что оптимальным являлся бы показатель 10% россиян, почувствовавших на себе реализацию ФЦП.

Данное замечание связано с тем, что формирование российской идентичности протекает в условиях мощной и постоянной идеологической и информационной пропаганды киевских властей, мобилизовавших на дезориентацию и дезинформацию населения Крыма и специалистов по психологической войне, и так называемые «диванные войска», работающие для министерства информации в интернет-пространстве с целью распространения фейковых новостей, стимулирования тревог и фобий в

4 Это мир непубличных людей // Огонек. 18 января 2016. №2 (5401). С. 16.

крымском обществе. Необходимо понимать, что Крым находится «на передовой» борьбы за суверенитет России и каждый промах и недочет воспринимается противоположной стороной не только как свидетельство слабости и непрофессионализма, но и как сильный информационный повод для насаждения в крымском обществе, если не открыто антироссийских настроений, то недоверия к российскому государству, интерпретацию бюрократизированности как чуждости федеральной власти нуждам и чаяниям крымчан.

Крым в правовом смысле, юридически, является регионом России, но, вероятно, предстоит достаточно длительный путь социокультурной интеграции, связанной с формированием у крымчан стабильных связей с российским обществом, с преодолением синдрома «украинского анархизма», напоминающего российскую действительность начала 90-х годов XX века, и «островной изолированности», снижающей социальную и социально-территориальную мобильность населения. Это обусловлено тем, что если государственное сознание крымчан можно охарактеризовать как совпадающее с общероссийским, то гражданское сознание предполагает деятельностное измерение государственной идентичности, что опирается на участие социально и экономически активных слоев крымского общества в реализации ФЦП и программ регионального развития.

Как показывает опыт мотивации государственных и муниципальных служащих, 40%, согласно социологическим опросам, государственных служащих уверены в том, что служат государству, но только 15% придерживаются позиции, что они удовлетворяют потребности граждан⁵. В таком контексте возникают трудности с дискурсом понимания деятельности государства и ее результатов гражданами. Очевидно, что служба государству является сферой корпоративного сознания, но в позиции чиновников может возникнуть приоритет интересов государства, понимаемых как деятельность по регламентации указов и программ и приписыванием интересам граждан ограниченности, групповщины и даже противостояния высшим государственным интересам. Разумеется, существуют определенные коллизии в согласовании общегосударственных, групповых и личных интересов, но субъектом российской государственности является ее многонациональный народ, и интересы государства есть воплощение высших

⁵ Исследование государственных и муниципальных служащих в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-1690933-pall.html>.

интересов граждан. Поэтому в дискурсе понимания как диалога между чиновниками и гражданами важно установить три основных правила:

– во-первых, исходить из того, что профессиональные управленцы и граждане имеют чувство сопринадлежности российскому государству, и в этом смысле при ранжировании интересов следует говорить о том, что общий язык заключается в обратных связях, что деятельность по регламентации, документообороту должна иметь следствием укрепление чувства согражданства, что поручения, дела, исполняемые в государственной службе, представляют процесс управления, вне которого труднодостижимо функционирование общества, начиная от коммунальных служб и заканчивая стратегическими задачами;

– во-вторых, дискурс понимания определяется ясным и открытым языком принимаемых решений, конкретикой дел, направленных на улучшение постепенное, «шаг за шагом», состояния по месту жительства, работы. В чем состоит проблема достижения дискурса понимания в этом аспекте? Крымчане поддерживают социальные мегапроекты, которые реализуются буквально на их глазах, но в сфере повседневности, очевидно как и в других российских городах и весях, существуют негативные оценки по поводу состояния дорог, коммунальной сферы, качества государственных услуг гражданам. Если согласиться с тем, что формальные рамки чиновничьей службы не рассчитаны на оказание реальных услуг населению, то мы можем ошибиться. Вероятно, дискурс понимания предполагает перевод формальных норм, формального языка в язык живого общения. Это означает, что государство должно восприниматься не только как идеал, но и как реальность в оценке действий государственной службы;

– в-третьих, укрепление общероссийской идентичности на ее этатистской основе ориентирует на занятие гражданами активной позиции в налаживании диалога с государственными службами для того, чтобы «быть услышанными». В дискурсе понимания формируется язык встречных требований, исходящий из реальной ситуации и из реальных возможностей, из разделения ответственности граждан и ответственности государства. К сожалению, сложилась ситуация, когда на государственные службы возлагают вопросы, которые могут быть решены на уровне схода граждан, соседской взаимопомощи (благоустройство территории, поддержание норм социального общежития).

Таким образом, дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности означает двуединый аспект: государственный и гражданский. В связи с этим можно согласиться с утверждением, что гражданско-государственная идентичность может обеспечить равновесие между

гражданским обществом, этнической идентичностью и государством⁶. Однако следует учитывать, что в Крыму сложилась специфическая ситуация, которая отличается от других регионов России тем, что гражданское общество сформировалось как сообщество защиты патриотических организаций, отстаивающих идею российского Крыма, противостоящих планам натовской экспансии и насильственной украинизации Крыма. В нынешней ситуации важной является активизация деятельности гражданских ассоциаций социально-экологической, социально-волонтерской, культурно-просветительской, культурно-исторической направленности. Это важно и в рамках закрепления общероссийской идентичности как национальной гордости за достижения в культуре, в спорте, науке, укреплении национальной безопасности. И, с другой стороны, требуется «выбить почву» из-под деятельности организаций, ориентированных на поддержание внешнего вмешательства в России и Крыму на основе провоцирования вопроса об ущемлении прав этнических групп и меньшинств.

В этом смысле достижение равновесия между гражданским обществом и государством заключается в том, чтобы сформированные в Крыму гражданские ассоциации тесно взаимодействовали с структурами общероссийского уровня, чтобы сложились горизонтальные связи, основанные на взаимопыте и совместном участии в проведении политических, культурных, молодежных акций, имеющих конструктивный смысл в формировании гражданской ответственности и гражданского долга. Так как крымское общество полиэтнично, следует учитывать, что этническая и гражданская идентичность относятся к разным смысловым уровням, действующим в едином политико-правовом пространстве. Из этого следует, что национально-культурные автономии, получившие поддержку со стороны государства и переживающие расцвет, по своей деятельности не могут ограничиваться только вопросами этнического образования и этнической культуры, но, исходя из объединительного потенциала НКА, должны быть объективно заинтересованы и в сохранении этнической идентичности, и в формировании общероссийской идентичности, включающей идею многонациональности, полиэтничности российского общества.

Налаживание дискурса понимания в этой деликатной сфере состоит в том, чтобы интересы этнических диаспор воспринимались крымским сообществом как осуществление политики равноправия, доступа граждан к

⁶ Самина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. №12. С. 59.

общественным ресурсам (образовательным, профессиональным, карьерным) вне зависимости от этнической принадлежности. И вместе с тем на уровне этнических диаспор оптимальным является позиция общероссийского патриотизма, чувство сопринадлежности к региону, к России в статусе граждан «державы», способной обеспечить безопасность и стабильное развитие народов, сохранение их культуры, языка как маркера самобытности и реального вклада в развитие крымского общества.

Констатируя позитивные сдвиги в удовлетворении культурных и языковых потребностей этнических групп, не следует забывать о том, что межэтнические коммуникации граждански ориентированы, формируя в обществе взаимоуважение и согласие на основе бережного отношения к историческому прошлому, нравственности, духовности народа. В этом контексте значительна роль института образования, когда этнические и региональные стандарты реализуются в рамках общероссийской идентификации, соотнесения истории этнической группы и региона с историей страны, с ее настоящим и будущим.

В налаживании дискурса понимания, таким образом, общий язык есть язык консолидации, патриотизма, готовности к коллективным действиям. Данное положение имеет долгосрочную перспективу, так как одновременно требуется решение накопившихся в предыдущий период проблем недоверия и напряженности в межэтнических коммуникациях и формирование идентификационных доминант, когда этническая идентичность значимо трансформируется, становится символическим ресурсом гражданского развития этнической группы. В дискурсе понимания требуется и чуткое отношение к этнокультурным правам граждан, и поиск объединяющих начал на основе гражданской общности. Другими словами, развитие в Крыму межэтнических коммуникаций как отношений между народами, населяющими Крым, связан с проецированием позитивной оценки на установление рамок социокультурного диалога. Благоприятные возможности для развития этнических групп лишены рисков этнической напряженности, если их доминантой выступает идеология гражданской идентичности, когда ресурсные и статусные места в региональном социуме занимают согласно гражданским и профессиональным качествам.

В принципе мы являемся свидетелями того, что руководству Крыма удалось достичь пропорционального и справедливого представительства народов Крыма во властных структурах, в сферах экономики, образования, культуры. Но актуальность дискурса понимания выражается в том, что в обществе исчезли опасения относительно представления предпочтений по этническому признаку, соответственно есть необходимость преодоления духовной разобщенности, понимания единства и жизнеспособности общества в рамках воспроизводства духовного и культурного потенциала

народов Крыма, когда возможно эффективное развитие на основе высоких качественных характеристик (образования, профессионализма, социальной мобильности, социального творчества).

Хотелось бы подчеркнуть, что приоритетным в формировании российской идентичности является отношение к ней как к гражданской ответственности и долгу и как к выбору развития личности, удовлетворения ее социальных и культурных интересов, принятия объединяющих россиян ценностей (государство, территория, культурное наследие, патриотизм, справедливость, равноправие). Все вышеизложенное подтверждает, что дискурс понимания относится к обоим (государственному и гражданскому) уровням формирования общероссийской идентичности, становясь общим делом и государственных служащих, и граждан.

Согласно социологическим исследованиям, в целом 18% российских государственных служащих являются «реформаторами», ориентированными на инновации, прогресс, позитивное восприятие и поиск творческих управленческих решений⁷. Таким образом, в государственной службе сложилась достаточная масса для принятия «прорывных» решений, естественно при поддержке и содействии гражданского общества. Очевидно, что в контексте формирования общероссийской идентичности в Крыму следует говорить о том, что успешное развитие Крыма в составе России укрепляет исторический выбор крымчан, их сопричастность к российскому государству и обществу. Понимание как нахождение общего языка социальных действий, взаимного восприятия и обратных связей катализирует данный процесс, снижает издержки недоверия и апатии.

В нынешних условиях, когда реальной становится задача социальной консолидации российского общества, а отношение к вхождению Крыма в состав России перестало быть «чрезвычайным событием» и стало мерилom общественной консолидации, есть необходимость, в рамках социального созидания в Крыму, настроить российское общество на позитивную социальную мобилизацию. При этом последствия воссоединения России и Крыма воспринимаются позитивно большинством россиян, и в этом контексте санкционная политика и информационная война, развязанная против России, нивелируется формированием нового образа страны, уверенно строящей свое будущее⁸. Это свидетельство того, что, не ожидая, когда санкции «рассыпятся сами по себе», российское общество сохраняет

⁷ Исследование государственных и муниципальных служащих в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-1690933-pall.html>.

высокую степень практического патриотизма, готовности и делом, и самоограничением поддерживать социальное самоощущение путем идентификации со страной.

Заключение.

В целом можно констатировать, что строительство керченского моста, знаменуя логистический прорыв, позволяет сказать, что на очереди – политика наведения социальных и культурно-символических мостов. Речь идет о том, что концептуальное осмысление данной проблемы связано с практическим решением, то есть российская идентичность как практический патриотизм формирует запрос на масштабные управленческие решения и социальные действия. Во-первых, дискурс понимания проблем развития Крыма основывается на принятии формулы «одна страна – один Крым», означающей, что в российском обществе пройдена «точка невозврата» к так называемой крымской проблеме, а это означает, что необходимо сосредоточение и на федеральном, и на региональном уровнях усилий по социально-экономическому и культурному развитию региона при всей важности отпора информационной агрессии со стороны нынешнего украинского руководства и их зарубежных союзников.

Во-вторых, конкретизируя это положение, следует сказать, что актуально налаживание плотного взаимодействия в сфере образования, культуры, науки с соседними регионами (Ростовская область, Краснодарский край), что включает постоянный, по аналогии с Европой, режим «взаимного обмена» студентами, профессорско-преподавательским составом, что очень важно для снижения уровня региональной замкнутости, для повышения социально-территориальной мобильности молодежи Крыма и укрепления чувства общероссийского патриотизма. В-третьих, актуально создание «гражданского форума Юга России», имеющего экспертно-консультативный статус на межрегиональном уровне. В-четвертых, дискурс понимания как общий язык между государством и обществом в контексте специфики Крыма нацеливает на повышение готовности разделить принятые ценностные и программные установки, рассматривая данную проблему как содержащую возможности для совмещения службы государству и интересам общества.

Литература:

8 Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М., 2015. С. 88.

1. Исследование государственных и муниципальных служащих в РФ. URL: <http://textarchive.ru/c-1690933-pall.html>.

2. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта : монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. 422 с.

3. О чем говорил Президент: важнейшие тезисы послания Путина Федеральному собранию – 2018 // Инфореактор. 01.03.2018. URL: <https://inforeactor.ru/137181-o-chem-govoril-prezident-vazhneishi-e-tezisy-poslaniya-putina-federalnomu-sobraniyu-2018>.

4. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/e-vents/president/news/56957>.

5. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.

6. Самина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. №12. С. 57–66.

7. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/-View/2018/429>.

8. Это мир непубличных людей // Огонек. 18 января 2016. №2 (5401). С. 16.

УДК 316.22

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ

Лубский А.В.,

д. филос. н., профессор, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Особенности ментальных программ и моделей социального поведения в Крыму рассматриваются в контексте социальной интеграции региона в российское общество. Результаты сравнительного социологического исследования показывают, что в Крыму, как и в российском обществе в целом, доминирует государственно-либеральная модель социального поведения. Однако в этой модели наблюдается «консервативный сдвиг» в сторону большей значимости этатистско-патерналистских установок, чем в моделях социального поведения в других региональных сообществах на Юге России.

Ключевые слова: ментальные программы, социальное поведение, либеральная модель социального поведения, консервативная модель социального поведения, либерально-государственническая модель социального поведения, государственно-либеральная модель социального поведения.

После возвращения Крыма в Россию одним из актуальных стал вопрос о социальной интеграции Крыма в российское общество. Социальная интеграция Крыма предполагает включение регионального сообщества в социокультурное и ментальное многообразие российского социума. Каковы возможности социальной интеграции Крыма в российский социум? Ответ на этот вопрос позволяет дать сравнительное социологическое изучение ментальных программ и моделей социального поведения в Крыму и в России в целом.

Ментальные программы представляют собой совокупность когнитивных, аксиологических и конативных структур, определяющих социальное поведение тех или иных социальных групп в обществе. Социальное поведение – это особый вид социальных практик, выступающих следствием ментальной интерпретации социальной ситуации и приписывания ей значений и смыслов в определенном социокультурном контексте [1].

В 2016–2017 гг. рамках реализации проекта по гранту РФФИ «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе» [2] на основе эмпирических результатов социологических исследований удалось выявить особенности ментальных программ различных социальных групп и сконструировать модальные модели их поведения в современном российском обществе. Представители одной из этих групп ориентируются на либеральную, а представители другой – на консервативную (государственническую) модель социального поведения. Кроме того, существуют социальные группы, представители которых ориентируются на гибридные модели социального поведения либерально-государственнического или государственно-либерального характера.

В ментальной программе либеральной модели социального поведения базовыми ценностями являются: 1) в экономической сфере – частная собственность, ее правовые гарантии, рынок, материальное благополучие как основной стимул трудовой деятельности; 2) в социальной – гражданское общество, человек как свободный индивид, заботящийся сам о себе, проявляющий гражданственность и социальную инициативу, восприятие социальных неравенств как социальной неизбежности; 3) в политической – государство как «наемный менеджер», демократия как форма правления, ассоциирующаяся с политическими правами, политическим плюрализмом и

свободными выборами; 4) в правовой – права человека, правовое государство, обеспечивающее верховенство закона, независимость судебных инстанций; 5) в духовной – индивидуализм, свобода как возможность ответственного выбора, прагматизм, приоритет материальных ценностей, свобода совести и вероисповедания.

В связи с этим для либеральной модели социального поведения в российском обществе, присущи такие установки, как: активность, инициативность, мобильность, экономическая рациональность, экономическая самодостаточность и предприимчивость, ориентация на жизненный успех, личные достижения, готовность прикладывать большие усилия для достижения достойного уровня благосостояния, высокого социального статуса и получение престижного образования, стремление соблюдать законы, уважать права других, принимать активное участие в переменах в стране. В современном российском обществе представителей либеральной модели социального поведения примерно 2% – в экономической сфере и около 10% – в социальной, политической и правовой сферах.

В ментальной программе консервативной модели социального поведения базовыми ценностями являются: 1) в экономической сфере – государственная собственность и государственное распределение материальных благ, труд как удовлетворение базовых потребностей и моральное удовлетворение; 2) в социальной – социальная справедливость, негативное восприятие социальных неравенств, социальная стабильность; 3) в политической – этатизм, сильное государство, патернализм, справедливая государственная власть, долг которой заботится о благе народа и поддерживать порядок в обществе, независимость от Запада; 4) в правовой – верховенство государства над правом, права народов над правом человека; 4) в духовной сфере – коллективизм и приоритет духовных ценностей, особый путь национального развития.

Поэтому для консервативной модели социального поведения характерны такие установки, как: ориентация на необходимость реприватизации, укрепление государственной собственности и, соответственно, государственное регулирование экономических отношений, в том числе в сфере распределения материальных благ; надежда на сильное социальное государство и патерналистские социальные ожидания, антиличностные интенции, устремленность в будущее, потребность в духовном самовыражении. В современном российском обществе консервативной модели социального поведения придерживаются в экономической сфере около 13% россиян, в социальной – примерно 20%, политической – 5%, правовой – 10%.

Таким образом, либеральной и консервативной моделей социального поведения в российском обществе придерживаются в настоящее время

примерно от 15 до 30% россиян в зависимости от сферы их жизнедеятельности. Для 70% россиян характерны гибридные модели социального поведения, в ментальных программах которых присутствуют когнитивные, аксиологические и конативные структуры как либерального, так и консервативного характера.

Ментальные программы гибридных моделей социального поведения, носящие в российском обществе антиномичный характер, постоянно диверсифицируются в зависимости от складывающейся как внутренней, так и международной ситуации. В ментальной программе либерально-государственнической модели социального поведения сочетаются идеи рыночной экономики и сильного государства, и поэтому пути развития российского общества связываются с укреплением государственной власти как необходимого условия проведения реформ, направленных на экономическую либерализацию и интеграцию общества сверху на стабильной социально-экономической, политической и правовой основе. В настоящее время представителей либерально-государственнической модели социального поведения в российском обществе примерно 25% – в экономической сфере, 10% – в социальной, 25% – в политической, 30% – в правовой.

Большинство россиян в настоящее время придерживаются государственно-либеральной модели социального поведения. В ментальной программе этой модели не отвергаются идея частной собственности, которая, однако, сочетается с представлением о необходимости вернуть государству всю приватизированную в 90-х гг. собственность. Для этой модели характерно, с одной стороны, стремление иметь собственное дело, с другой – негативное отношение к деятельности российских предпринимателей. В сфере трудовой деятельности представители этой модели предпочитают быть наемными работниками и получать стабильную зарплату за работу, смысл которой они видят не только в деньгах, но и в самореализации и общении с людьми. Они признают, что для улучшения своего материального благополучия люди должны предпринимать собственные усилия, однако при этом считают, что в российском обществе государство должно заботиться о людях, обеспечивая достойный уровень их благосостояния.

В ментальной программе государственно-либеральной модели социального поведения ценностью является также демократия, но особая, соответствующая национальным традициям, обеспечивающая не только равные права граждан, но и их материальное благополучие. При этом идеи демократии сочетаются с представлениями о необходимости в России «твердой руки», способной навести порядок в стране. Представители этой модели заявляют о том, что уже не откажутся от политических прав и свобод,

но предпочитают ими не особенно пользоваться. Признавая ценность права, они считают, что государство вправе принимать законы в зависимости от ситуации, для них сейчас важнее порядок в государстве, а не соблюдение прав человека. В настоящее время представителей государственно-либеральной модели социального поведения в российском обществе в экономической, социальной и политической сферах примерно 60%; в правовой – 50%.

Летом 2017 г. в рамках гранта РНФ «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе» было проведено мультидисциплинарное социологическое исследование ментальных программ социального поведения на Юге России методом личного анкетирования в шести субъектах Российской Федерации на Юге России[3]. Всего было опрошено 3900 чел., проживающих в Ростовской области (900 чел.), Краснодарском крае (950 чел.), Ставропольском крае (600 чел.), Республике Адыгея (400 чел.), Кабардино-Балкарской республике (500 чел.), Республике Крым (550 чел.). Социологическое исследование было направлено на выявление содержания рефлексивных структур (представлений, ценностей и установок) ментальных программ социального поведения на Юге России и конструирование его модальных моделей социального поведения в различных сферах жизни регионального социума.

Сравнительный анализ ментальных программ и модальных моделей социального поведения на Юге России с аналогичными программами и моделями поведения в российском обществе в целом позволил эмпирически верифицировать особенности их проявления на региональном уровне. Анализ и интерпретация эмпирических данных показали, что содержание ментальных программ модальных моделей социального поведения на Юге России по целому ряду позиций не обнаруживает существенных отличий в сравнении с общероссийскими показателями. Так, на Юге России (в скобках в России в целом) либеральной модели социального поведения придерживаются в экономической сфере примерно 2% (в России – 2%), в политической – 10% (в России – 4%), в правовой сфере – около 12% (в России – 10%).

Исследование позволило эмпирически выделить регионы, население которых демонстрирует в большей степени элементы либеральной модели социального поведения – это население Кабардино-Балкарской республики и Ростовской области. В Крыму процент респондентов, придерживающихся либеральной модели социального поведения, примерно соответствует общероссийским показателям. Консервативной модели социального поведения в экономической сфере придерживаются около 15% (в России – 13%), в политической – 25% (в России – 20%), в правовой – 20% (в России – 10%). Консервативные представления, ценности и установки больше

выражены у населения Ставропольского края, Республики Адыгея и Республики Крым.

Либерально-государственнической модели социального поведения на Юге России придерживаются в экономической сфере примерно 23% (в России – 25%), в политической – около 15% (в России – 14%) в правовой – 23% (в России – 25%). В Крыму процент респондентов, придерживающихся либерально-государственнической модели социального поведения несколько ниже общероссийских показателей.

На Юге России, как и в России в целом, доминирует гибридная государственническо-либеральная модель социального поведения. На Юге России этой модели придерживаются в экономической сфере около 53% (в России – 60%), в политической – 68% (в России – 62%); в правовой – 50% (в России – 55%). Однако государственническая и либеральная составляющие этой модели социального поведения на Юге России по-разному выражены в различных регионах. В рамках этой модели консервативно-ориентированные установки больше выражены у населения Республики Крым, Республики Адыгея, и особенно Ставропольского края.

В частности, население Крыма выбирает работу на государственном предприятии, а не предпринимательскую деятельность. Это значительно выше, чем в других регионах. Сильная государственная власть в приоритете у жителей Ставрополя (58,3%) и Крыма (40,6%). На Юге России именно жители Ставрополя (37,3%) и Крыма (37,5%) лидируют по удельному весу тех, для кого независимость России от Запада в политике и экономике является приоритетом. Это соответствует общероссийским показателям (37%), тогда как жители остальных южнороссийских регионов демонстрируют более умеренные консервативные позиции по этому вопросу. Социальную справедливость самой актуальной и главной ценностью считают жители Ставропольского края и Республики Адыгеи (50,0% и 45,1%), что довольно существенно превышает общероссийские показатели (36%). Приоритетность стабильности и порядка в обществе поддерживают большинство жителей Ставрополя (52,0%) и Республики Крым (55,6%), что несколько ниже общероссийских показателей (63%). В политической и правовой сферах консервативные ориентации в большей степени также больше присущи жителям Ставропольского края и Республики Крым. Жители Ставрополя и Крыма, а также Кабардино-Балкарской Республики и Краснодарского края в большей степени придерживаются консервативных ориентаций в сфере образования и здравоохранения. Крым также оказался наиболее «коллективистским» регионом: свыше 54% его населения стараются «быть как все», «не выделяться на работе, в общественной жизни и на публике».

В рамках государственно-либеральной модели социального поведения либерально-ориентированные установки в большей мере выражены у населения Кабардино-Балкарской республики и Ростовской области, прежде всего в экономической сфере. Это обусловлено тем, что в этих регионах более развит частный, предпринимательский сектор экономики, включая малый и средний бизнес, фермерские хозяйства, индивидуальное предпринимательство. Жителям Ростовской области в большей степени присущи либеральные ориентации также в политической и правовой сферах, образовании и здравоохранении. Для населения Краснодарского края в большей мере характерна индивидуалистическая составляющая государственно-либеральной модели социального поведения. Чуть более половины этого населения (51%) испытывают стремление «показать себя, выделиться из массы» и «не быть как все».

Результаты сравнительного социологического исследования позволяют сделать вывод о том, что ментальные программы и модели социального поведения в Крыму примерно такие же, как и в России в целом. В регионе, как и в России, доминирует государственно-либеральная модель социального поведения. Однако в этой модели в большей степени выражена государственническая составляющая, что обусловлено разными факторами: социально-экономической и политической ситуацией, и исторической памятью, и «надеждами» населения Крыма. «Консервативный сдвиг» в сторону большей значимости этатистско-патерналистских установок в государственно-либеральной модели социального поведения населения Крыма связан с особенностями ментальности его жителей, большинство из которых составляет русскоязычное население. В исторической памяти большинства этого населения сохранились воспоминания о жизни в большом и сильном государстве. Кроме того, это население ощущает российское государство «своим», и поэтому, демонстрируя высокий уровень поддержки государства как гаранта стабильности и безопасности, сохраняет надежду на социальную поддержку с его стороны.

Полученные результаты сравнительного социологического исследования имеют не только научное, но и практическое значение. Оно заключается в возможности использовать эти результаты, во-первых, в профессиональной деятельности управленцев при разработке и реализации региональных социальных проектов; во-вторых, законодателей – при принятии региональных законов, учитывающих ментальное своеобразие полиэтнических сообществ; – в-третьих, предпринимателей – деловая успешность которых во много зависит от понимания специфики региональной трудовой активности населения, обусловленной их ментальными программами; в-четвертых, общественных деятелей,

обеспокоенных состоянием межэтнических отношений в регионе; в-пятых, преподавателей – заинтересованных в создании культурно-образовательного пространства, обеспечивающего духовное развитие личности и высокий уровень гражданской культуры.

Литература

1. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559.
2. Лубский А.В., Атоян Ш.М., Беспалова А.А., Вялых Н.А., Колесникова Е.Ю., Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Сериков А.В., Терещенко А.А., Чернобровкина Н.И. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 366 с.
3. Лубский А.В., Беспалова А.А., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Зайцева А.А., Колесникова Е.Ю., Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Сериков А.В., Чернобровкина Н.И. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКО- УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

Маркин В. В.,

д.соц.н., профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии, г. Москва

Постановка вопроса пространственного развития России: новые вызовы и социальные смыслы, я бы сказал, не только в региональных, но и в федеральных политико-управленческих практиках, связан с значительным, так сказать, призывом, содержащимся в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018г. – разработать масштабную программу пространственного развития России и, даже, так сказать, предложил удвоить расходы на осуществление мероприятий по этой программе. Буквально цитирую: «...такой масштабный проект – это новый экономические и социальные перспективы для людей, современная среда для жизни, для культурных и гражданских инициатив, для малого бизнеса и стартапов – все это послужит формированию в России массового деятельностного среднего класса. Вопрос о среднем классе, который у нас время от времени возникает и так сказать, затухает, и был поставлен в этот ряд и сакцентирован Президентом РФ. Вместе с тем, как показывает анализ политико-управленческих практик, я здесь не буду оригинален и скажу что политико-управленческие практики – это совокупность политико-ориентированных воздействий, направленных на развитие макрорегиональных и собственно, региональных субъектов Российской Федерации, соответствующих административно-территориальных образований и социальных общностей, предполагающие включение их в общероссийское пространство на основе взаимодействия структур всех органов власти, бизнеса, гражданского общества и самого населения. Так вот, анализ этих практик и прежде всего, таких как: стратегирование, варьирование, программирование, бюджетирование, и собственно организация выполнения поставленных каких-то ориентиров и конкретных мероприятий, или, мониторинг – вот основные примеры практик, ориентированных в этом направлении, на мой взгляд, показывает, что направление преимущественно у них узкоэкономическое, более того, присутствует инерционное понимание выдвинутого проекта, недостаточное социальное осмысление его целей, задач, вызов пространственного развития, причем, как внутреннего так и внешнего характера. Именно на эти моменты было обращено внимание участников круглого стола в Совете Федерации 29 марта, буквально на прошлой неделе, куда я был направлен директором для

участия в деятельности этого круглого стола. Оно было посвящено обсуждению проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации представленного Министерством экономического развития Российской Федерации. Вот, в этом проекте, приводится цитата: «... пространственное развитие Российской Федерации определяется как эффективное освоение использования территории Российской Федерации, направленное на обеспечение устойчивого экономического роста, научно-технологического развития РФ и повышение качества жизни населения. на воспроизводство человеческого капитала, преодоление диспропорции в социально-экономическом развитии регионов...». То есть, вообще-то говоря, получается Минэкономразвития РФ социологизируется, в том числе и с нашим участием, потому что мы сотрудничаем с этим министерством и даже делегировали туда нашего старшего научного сотрудника, который так или иначе предлагает, так сказать, социальный смысл. Но, тем не менее, главной целью оказывается экономический рост. Не качество жизни, которое ушло куда-то на задний план, что стало, так сказать, полуавтоматическим следствием этого экономического роста, и даже не развитие человеческого капитала, а именно экономический рост.

Потому, мне захотелось сразу поразмыслить: что есть рост и что есть развитие. В какой-то мере, конечно разработчиков этого проекта оправдывает то, что формировался текст до Послания Президента Федеральному Собранию, и что занималось им одно ведомство, а не министерство планирования какое-нибудь. Здесь всё: и стратегическое планирование, и прогнозирование социально-экономического развития Российской Федерации – и всё это делается этим министерством, причем, не разделяя деятельность: и конечно, очень сложно в такой ситуации, делать прогнозы, какие-то разработки стратегий, аналогично и со стратегией социально-экономического развития. Но совершенно ясно другое, что само понятие пространственного развития, его наполнение социальным смыслом, реализация этого смысла посредством инструментария этих практик, вопрос, так сказать, теоретико-методологического характера. Если в этом плане мы не определимся, или каким-то образом не выйдем на непосредственных разработчиков, я думаю, что вот это цитата, которая здесь есть, в принципе, остается направленной на рост, а не на пространственное развитие. Потому что само понятие пространственного развития возникло ещё в прошлом веке в Чикагской школе, где было разделено на: “social space” и “public space”.

Первыми региональными политическими практиками стали: образование округа Торонто в Канаде, далее появления термина охватило Европу и Америку, я не хочу углубляться сейчас в историю, но и в России тоже пространственное развитие, так или иначе, возникло в начале 20-го века, особенно в направлении “public space”, которое возглавил профессор

Вернадский, а “social space”, в рамках которого проявлялись пространственные разработки и стратегия развития производительных сил, и, к сожалению, очень неудачная стратегия расселения населения возглавила Российская академия наук. Уже в 2000-х годах, РАН приняла активное участие, инициированное академиком Алексеем Ивановичем Грамбергом, в создании первых фундаментальных программ пространственного развития Российской Федерации. К 2011 году более 30 институтов приняли участие в программах стратегии развития социально-экономического и природного потенциала 2012-2014 года. Более 50 институтов Российской академии наук, где есть такие программы, это еще и разработка проблемы социального моделирования России. Множество монографий и статей было по этому поводу выпущено, в поддержку президентской инициативы, выделением социальных аспектов из этих программ. Но, тем не менее, и анализ теоретико-методологических основ и особенно, анализ политико-управленческих практик, очень часто смешиваются и смешивают такие понятия, как «пространственное», «территориальное» и «региональное». Прежде всего, по «пространственному», оно наиболее широкое, и характеризует естественную или искусственную среду жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и личного пространства, социальных групп и глобального уровня. В социальном смысле, оно наполняется предметно-субъектным содержанием, сослаться я могу на Лурье, в этом вопросе, который предложил следующие поля: позиции и диспозиции. Самое главное – это акторы, которые разворачивают свою деятельность на том или на поле в пространстве – это власть, бизнес-группы, объединённые гражданские и социокультурные общности, и более или менее структурированная часть населения, локализованное на этих территориях. Каждая из этих групп акторов, имеет свои специфические интересы в использовании пространства, которое одновременно выступает и полем деятельности данной группы, и ее ресурсом. Естественно, что власть стремится контролировать ту или иную часть этого пространства. Бизнес старается выжать из этого пространства всё больше прибыли. Институты гражданского общества и общественные объединения представляют интересы отдельных гражданских групп. Ну и наконец, население, которое заинтересовано, прежде всего, в какой-то жизни в этом пространстве. Естественно, что, имея такую обширную территорию как наша страна, существуют группы, которые имеют свои интересы и пытаются контролировать эту территорию, соперничая друг с другом, иногда в самых острых формах, но иногда и сотрудничают. В этом и есть проблема. Учёные развивают решение её, в целях рациональной, экологической безопасности. Развиваем мы её для достижения лучшего качества жизни населения в целом и на отдельных её территориях. В этом как раз и есть смысл государственной политики пространственного развития территории и

управленческих практик. Надеюсь, что это просто развитие, а не стремление к власти. Что касается плана территориального развития, то этот план, прежде всего, выступает физико-географическим основанием в размещении и трансформации пространственных объектов и локализованной жизнедеятельности населения. Именно на территории, складываются поселенческие структуры, образуя территориально-социальный каркас.

Вот так примерно сейчас выглядит территориально-социальный каркас пространства, с сочетанием городов, агломераций, коммуникаций и ареалов. Именно здесь, собственно говоря, и находятся главные внутренние вызовы пространственного развития России. Потому что, как известно больше чем на 17 000.000 км² территории находятся всего лишь 146 млн. человек. Сейчас, конечно с Крымом и Севастополем немножко побольше плотность населения – 8 чел. на км². Специалисты считают, что для функционирования необходимо 20 чел. на км², а для развития – 50 чел. на км². И поэтому интересна такая вот поселенческая структура. Она, можно так сказать, сосредотачивается, во-первых, в европейской части России, где мы получили большинство мегаполисов, самая крупнейшая агломерация – это Московская, связанная с областями-соседями. В этом же тренде, Северо-западный мегаполис с Санкт-Петербургом. А вот что касается других: в восьмидесятые годы – прорвался Уральский мегаполис с Челябинском. Сейчас же можно сказать, что его формирование прекратилось. Сейчас активно развивается Южнороссийская агломерация, пока ещё сложно говорить о перспективах данного мегаполиса. Ну во всяком случае, Волгоград, Ростов-на-Дону, и часть Воронежской области – развиваются, а у остальных мы наблюдаем, так сказать, съёживание, сужение, превращение в депрессивное пространство. Отличным показателем этого является приграничная 300-километровая территория Дальнего Востока, где входу не доллар, а юань и связано это с ростом Китая. И конечно пространственное развитие геостратегических приграничных территорий должно проходить с осторожностью. Что касается регионального каркаса, то конечно субъекты Российской Федерации испытывают, как было уже сказано, весьма диспропорциональное развитие. Конечно, существуют какие-то подвижки. В частности, мы отслеживали эффективность регионов: в первую очередь, это развитие экономики, развитие социальной инфраструктуры и оценки населения. Теперь о блоках, начнём с экономики: мы рассматриваем инвестиции и до прямого капитала, реально располагаемые доходы, оборот малого бизнеса; социальными показателями выступают – продолжительность жизни, естественная смертность, образовательная сфера и так далее. И сводный индекс, который выделяется из оценок и результатов по опросам населения. Сводный индекс является весомой комбинацией средних годовых значений темпа роста и показателей социодинамики. Вот мы посмотрели, так

сказать, по этим индексам. Значит самый большой, естественно, индекс это 100. Мы разложили на четыре модели, на четыре группы регионы: лидеры социально-экономического развития, ближний круг лидеров – это зеленые, жёлтые – это средний круг, аутсайдеры – это оранжевый круг. Вот у нас получилось вот такая картинка. А чем говорит нам эта картинка? О том, что все-таки кризис 2014-2016 годов большинство регионов всё-таки пережили с какой-то большей или меньшей положительной динамикой. Можем ли мы сказать, что это развитие? Да. Ведь какой-то рост всё-таки есть. Ну, есть ли качественные изменения? Наверно всё-таки этих качественных изменений нет. Пока существует диспропорциональность между регионами и неудовлетворённость жизнью у населения. Подвижки есть у нас в ближнем кругу – это Дагестан, Ингушетия. Средний круг, если можно так сказать, удержал свои позиции. Как приграничные территории, так и внутренние территории остаются в аутсайдерах, в том числе такие области как Кемеровская, Свердловская, Челябинская и так далее. Есть показатели по отдельным регионам в разнице удовлетворённости населения, где больше 60 % населения высказываются, неудовлетворенно о власти и 22 % получается неудовлетворённости у ближнего круга. Их гораздо проще посчитать. Средний круг представлен на слайде в таблице. Я оставлю презентацию, и вы сможете ею воспользоваться, подробно их рассмотреть. Конечно, существует проблема конкурентности между регионами. Ну, существует управленческая практика, так сказать, федерального сотрудничества или федерализма сотрудничества, развития кооперации между регионами. Конечно, чувствительна тема асимметричного федерализма у бывших советских республик и это тоже накладывает свой отпечаток на пространственное развитие. И наконец, характеризуя политико-управленческие практики развития пространства на региональном плане, следует отметить, что они в основном построены на механизмах функционирования. Прежде всего, на вертикали власти, и это связано с неопределенным характером самого функционированного управления, что доказывает печальный случай в Кемерово. В целом так сказать эти механизмы, которые в начале 2000-х годов укрепили социальное пространство, сейчас фактически превратились в тормоз. И речь идёт о разработках, так сказать, новых механизмов, прежде всего основанных на топливно-энергетическом комплексе, растущем агропромышленном комплексе, на государственном и муниципальном частном партнерстве, и особо на малом и среднем бизнесе, что хочется подчеркнуть, очевидно, так как эти виды бизнеса оставляют меньше незаполненных ниш, начиная от благоустройства территории и кончая утилизацией мусора. Если говорить по большому счёту, по самому большому счёту, то условия успешности этих политико-управленческих практик и разработка новых механизмов развития, связаны, прежде всего, с осознанием

социальных аспектов и эффективным управлением пространственным развитием, учитывающим как интересы общества в целом, так и социо-территориальных общностей. И в этом плане, конечно, сворачивание тех фундаментальных программ, о которых я говорил в начале, связанных в первую очередь с реформированием РАН, требует восстановления продолжения фундаментальных и прикладных исследований, и соответственно заинтересованность сторон власти и бизнеса, институтов гражданского общества и самого населения региональных территорий.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Скворцов Н.Г.,

д. социол. н., профессор, декан факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, г. Санкт-Петербург, Россия

Пусько В.С.,

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э.Баумана

Одним из важнейших факторов социокультурной интеграции Крыма в Россию является развитие социально-гуманитарного образования в высших учебных заведениях Республики. Однако это задача не только крымских университетов: это широкомасштабная задача государственного значения и в ее решении которой должны участвовать и другие университеты страны. Университеты не существуют отдельно от социума, они являются неотъемлемой частью локальной, национальной и глобальной общественных систем. Сложный региональный социально-экономический и политический контексты, в рамках которых формируется и функционирует университет, обуславливают необходимость выработать стратегии своего развития с учетом решения ключевых задач, стоящих перед регионом и территорией.

На университеты, высшие учебные заведения возлагается особая миссия в реализации программ социокультурной интеграции Крыма. При этом особую роль в этом призваны сыграть социально-гуманитарное образование, социальные и гуманитарные науки.

В настоящее время на территории Республики Крым находится 12 высших учебных заведений, в которых в 2015 году обучались 42,3 тыс. чел. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.08.2014 в Республике Крым создано федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». В качестве базы для создания и развития Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского утвержден перечень из 7 государственных образовательных организаций высшего образования, в том числе их структурных подразделений, и 7 научных организаций.

Роль и значение современного университета не сводится к выполнению им двух своих традиционных функций – образовательной и научно-исследовательской. Университет вовлечен в экономическую, социальную, культурную жизнь своего города, региона - а в случае

федерального университета и всего федерального округа - и в этом качестве выполняет то, что принято называть «третьей миссией», «социальным участием» университета и т.п.⁹ Иначе говоря, наряду с реализацией образовательных программ и выполнением научно-исследовательской работы, университеты призваны выполнять ряд важнейших задач по развитию территории, к которой он принадлежит и на которой находятся.

Участие» в жизни региона или округа как функция современного российского университета осуществляется по ряду важнейших направлений. Университеты участвуют в экономическом развитии территории через реализацию своего научного потенциала – инновационные разработки, трансфер технологий, создание и функционирование технопарков, малых инновационных предприятий, бизнес-инкубаторов, организация патентной деятельности, оказание консультационных услуг для бизнеса и т.п. Благодаря этому вносится вклад в решение проблемы занятости населения: появляются новые рабочие места, расширяется спектр возможностей на рынке труда – в первую очередь, для молодежи. Университеты способствуют развитию человеческого капитала региона или федерального округа не только удовлетворяя потребности молодежи в получении высшего образования, но и формируя рынок образовательных услуг в сфере дополнительного и непрерывного образования. Университет благотворно влияет на социальную обстановку (участие научно-педагогических работников и обучающихся в программах здравоохранения, добровольчества, благотворительности и т.п.). Наконец, крупные университеты, как правило, принимают участие в формировании стратегии развития территории, региона, округа.

Всё это, повторю, характеризует выполнение университетами, вузами не только образовательной и научно-исследовательской миссии, но и своей «третьей миссии» - реализацию задач социального участия в развитии региона или целого округа. «Третья миссия» крымских вузов в первую очередь связана с решением проблем социокультурной интеграции Крыма.

В рамках настоящего выступления я хотел бы обратиться к роли и использованию *социально-гуманитарного знания* для решения задач социокультурной интеграции. Как развитие социально-гуманитарного образования может способствовать скорейшей интеграции Крыма в единое российское культурное пространство? Что могут инвестировать социально-

9 См.: Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. №1 (32). С. 133-144.

гуманитарные науки, социально-гуманитарное образование в создание и функционирование интеграционных механизмов?

Флагманом социально-гуманитарного образования в Крыму является КФУ им. В.И. Вернадского, здесь сосредоточены главные силы гуманитариев и обществоведов. Поэтому, чтобы ответить на поставленные вопросы, следует обратиться в Программу развития Крымского Федерального университета, обратив особое внимание на поставленные в ней задачи, связанные с социально-гуманитарными аспектами интегративных процессов.

Мне уже доводилось под этим углом зрения проводить анализ программ развития других федеральных университетов России. Можно определенно сказать, что указанные в них приоритетные направления развития университетов напрямую связаны с актуальными потребностями регионов (округов) и сориентированы на их удовлетворение, в том числе – в социальной, культурной и гуманитарной сферах. При этом программа каждого федерального университета отличается своими акцентами, своими особенностями. Для сравнения:

- **ЮФУ:** гуманитарные технологии и модели развития человеческого капитала и толерантных социоэкономических сообществ в полиэтническом регионе России.

- **Сибирский ФУ:** развитие человеческого капитала, социокультурные исследования проблем сохранения северных этносов.

- **Балтийский ФУ:** социальные изменения и социально-гуманитарные технологии.

- **Дальневосточный ФУ:** развитие программ подготовки высококвалифицированных экономистов, менеджеров, юристов, педагогов и формирование центра компетенций по обучению русскому языку, восточным языкам и межкультурным коммуникациям.

- **Северо-Кавказский ФУ:** конфликтология; кавказоведение, культуры и традиции народов Северного Кавказа; этнодемографические процессы.

- **Северо-Восточный ФУ им. М.К. Аммосова:** Направление «Сохранение и развитие культуры народов Арктики» - языки и культуры, формирование практики междисциплинарных гуманитарных исследований и создание культурно-образовательной среды для арктических циркумполярных территорий.

- **Уральский ФУ имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина:** социально-политические и гуманитарные исследования и технологии.

- **Северный (Арктический) ФУ:** социально-гуманитарная сфера Европейского Севера России и Арктики.

Обращение к программе развития Крымского федерального университета – позволяет понять, какие задачи в части содействия социокультурной интеграции региона ставит перед собой университет и как

мы – представители социально-гуманитарного профиля из других университетов и регионов - могли бы совместно участвовать в их решении.

Как заявлено, «Программа развития ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» на 2015-2024 годы» призвана способствовать решению стоящих перед регионом важнейших задач, среди которых:

«- содействие *интеграции* населения в единое научно-образовательное и культурное пространство Российской Федерации,
- создание эффективной системы межкультурного и межконфессионального взаимодействия в регионе» (<http://cfuv.ru/programma-razvitiya-2>)

Стратегическая цель развития КФУ определяется как «использование ресурсов и научно-образовательного потенциала университета для формирования единой системы непрерывного образования, *интегрированной* в общероссийское научно-образовательное пространство и способной решать практические задачи развития региона в стратегическом партнерстве с органами власти регионального и федерального уровней, академическим и бизнес-сообществом».

Университет предполагает интеграцию научной и образовательной деятельности в рамках проведения исследований по приоритетным научным направлениям. Отметим, что в число этих направлений входят, наряду с другими, **«гуманитарные, этнокультурные и педагогические исследования»**.

Программа ставит задачу «формирования активной гражданской позиции у обучающихся в университете, ориентированной на принципы исторической общности, патриотизма, обеспечения прав и свобод граждан, их интересов в условиях исторически сложившегося многообразия культур, равноправного развития государственных языков и других национальных языков в регионе, взаимообогащения и межнационального согласия, обеспечит условия для устойчивого развития региона». И это естественно: Республика Крым представляет собой многонациональный и поликонфессиональный социум, проживающий в пределах уникального историко-культурного региона, сформировавшегося в результате длительной и богатой истории. Сочетание данной особенности с глубокой историко-культурной памятью местного населения является крепким базисом для сохранения и развития российской и крымской идентичности жителей Крыма.

Следует отметить, что отраженные в программе развития КФУ задачи гармонизации межэтнических отношений соответствуют основополагающим положениям проекта «Концепции социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года», ставящей задачу разработки эффективных

механизмов обеспечения межнационального согласия, сохранения гражданского мира в Республике.

Очевидно, это фактически сформулированные задачи для таких направлений социально-гуманитарного образования, реализуемого в КФУ, как: история, лингвистика, археология, этнография, психология, педагогика, а также социология и политология. Подготовка грамотных, квалифицированных специалистов в этих областях, осуществляемая в тесной связи и на материале территории проживания, позволит интенсифицировать процессы социокультурной интеграции Республики Крым в Россию.

Формулируя задачи в области гуманитарных исследований Программа развития отмечает: «Комплекс гуманитарных исследований университета обеспечит сохранение и популяризацию истории и культуры всех народов Республики Крым и г. Севастополя. Традиции многообразных форм научных и культурных коммуникаций создадут в университете постоянно действующую площадку для проведения международных выставок, научных съездов, симпозиумов, конференций, научно-практических семинаров и летних школ».

Наконец, на социологическом форуме нельзя не сказать о роли социологического знания и социологического образования в интеграционном процессе. Представляется, что весьма целесообразной и желательной была подготовка на базе КФУ профессиональных социологов. Мне кажется, что и Крымский федеральный университет мог бы приложить усилия для открытия программы по социологии, чтобы готовить профессиональных социологов на своей базе. В период решения чрезвычайно сложных проблем интеграции и вопросов социального, экономического и культурного развития необходимо опираться на знание, которое может дать именно социология. Вот только некоторые из задач, сформулированных в «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года», требующих участия специалистов-социологов: анализ демографической ситуации, демографически прогноз, мониторинг мер осуществления политики демографической стабилизации, переход на систему управляемой миграции, поддержка аграрного расселения, обеспечение занятости населения в соответствии с потребностями экономики и личными мотивациями, разработка эффективных механизмов обеспечения межнационального согласия, сохранения гражданского мира в Республике Крым, предупреждение и оперативное урегулирование конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, создание системы мониторинга состояния межнациональных отношений и раннего предупреждения межнациональных конфликтов, предусматривающей возможность оперативного реагирования на конфликтные и предконфликтные ситуации в Республике Крым и т.д. (<http://rk.gov.ru>).

Уже только перечисленные задачи говорят о необходимости участия социологов в решении программ интеграции, при этом социологов, понимающих специфику региона, живущих и работающих здесь. На самом деле, задач, решение которых требует социологической экспертизы, гораздо больше. Поэтому я говорю о необходимости подготовки социологов в Крыму – здесь, на базе КФУ. На сегодняшний день в стране из 10 федеральных университетов 9 занимаются подготовкой социологов, т.е. имеют образовательные программы по социологии. Я думаю, что пришло время подумать и о социологическом образовании в Крыму, на базе КФУ.

Наверное, особенно на первых порах, потребуется методологическая, учебно-методическая и научная помощь и поддержка со стороны крупных центров социологического образования страны – Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга и др. городов. От имени социологов СПбГУ, а также от имени Федерального учебно-методического объединения, заместителем председателя которого я являюсь, заверить, что мы готовы принять самое активное участие в становлении социологического образования в Крыму.

Предлагаю в итоговый документ, который будет принят по итогам работы Первого Крымского социологического форума включить пункт об открытии в КФУ образовательной программы по направлению «Социология».

УДК 304.2

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сулейменов И.Э.,

д.х.н, к.ф.-м.н., проф., Алматинский университет энергетики и связи,
Алматы, Казахстан

Фалалеев А.П.,

д.т.н., проф., Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия

Аннотация. Показано, что сугубо монетарные методы стимулирования инновационной деятельности в современных условиях заведомо не являются и не могут являться достаточно эффективными. Стимулирование инноваций на том уровне, который требуется в настоящее время, может быть обеспечено только за счет немонетарных инструментов, связанных с изменением положения в обществе тех социальных групп, деятельность которых связана с перспективными исследованиями и разработками. Уникальное геополитическое положение Крыма может рассматриваться как один из ресурсов при разработке таких инструментов.

Ключевые слова: стимулирование инноваций, производительность капитала, индивидуальные риски, монетарное стимулирование, социальные группы

Проблемы стимулирования инновационной деятельности в текущей литературе, как правило, рассматриваются преимущественно с точки зрения экономики [1,2]. Подробно анализируется производительность капитала, вкладываемого в перспективные исследования и разработки, вопросы, связанные с рентабельностью стартаповских компаний и т.д.

Однако, как показывает текущая практика, проблема стимулирования инноваций обладает также и выраженным социологическим измерением [3]. Особенно наглядно это прослеживается на важнейшем примере, связанном с вовлечением молодежи в любую из форм деятельности, так или иначе связанную с инновациями [4].

Инновационная деятельность представляет собой, что общепризнано, область высокорискового вложения капитала. В текущей литературе, соответствующие риски рассматриваются преимущественно с

позиций инвестора, точнее в основном рассматривается только финансовый аспект рисков, связанных с инновациями. Однако, существуют и риски иного характера, анализу которых пока не уделялось достаточного внимания.

В частности, молодой человек, избирающий основой своей будущей профессии и карьеры именно инновационную деятельность, выражаясь метафорически, часто ставит на карту свою дальнейшую судьбу. Вероятность того, что на этом пути его ждет выраженный жизненный успех (если говорить только о финансовой стороне вопроса), невелика (принято считать, что из 10 стартаповских компаний «выстреливает» только одна), в то время как усилия, необходимые для получения должной квалификации и собственно создания инновации более чем значительны [5]. Во всяком случае, эти усилия значительно меньше тех, что необходимы для обеспечения успешной карьеры во многих других областях деятельности. (Нужно принять во внимание, что в современных условиях инноватор фактически должен обладать не только квалификацией в конкретной предметной области, общей технической и естественнонаучной культурой, но и квалификацией экономиста, причем с хорошими навыками делопроизводства и знанием действующего законодательства.) Следствием такого положения дел является отчетливое падение престижа специальностей, так или иначе связанных с инновационной деятельностью, наблюдающееся в последние десятилетия, равно как и общеизвестный характер предпочтений абитуриентов (доминируют экономические, управленческие и юридические специальности).

Несложный экономический анализ [6,7] однозначно показывает, что решить рассматриваемую проблему сугубо монетарными средствами невозможно в принципе. Во-первых, расходы, которые придется выделять на компенсацию фактических персональных рисков инноваторов, повысят общие издержки до неприемлемого уровня, делая вложения в инновации еще более рискованными (в финансовом выражении). Во-вторых, уровень издержек, необходимых для преодоления наблюдаемых негативных трендов в сложившихся исторических условиях будет существенно завышен – уже в силу механизмов, связанных с сугубо социологическими факторами, в первую очередь со стереотипами, сложившимися в молодежной среде.

А именно, в отношении инновационной деятельности, особенно применительно к вопросу о вовлечении в нее молодежи, более чем отчетливо проявляется такой фактор как диктат среды [3]. Современная молодёжная среда устойчиво воспроизводит вполне определенную совокупность норм поведения, ценностной ориентации, а главное – систему критериев жизненного успеха и его оценки в глазах сверстников. В этой системе, к

сожалению, практически нет места любым достижениям, связанным с успехами на поприще инноваций. Современная молодежная среда, рассматриваемая как системная целостность, к сожалению, не воспринимает интеллектуальные достижения как одну из форм жизненного успеха, во всяком случае, отнюдь не полагает их основными.

Подчеркиваем, что именно этот фактор становится едва ли не основным из препятствующих ускоренному инновационному развитию территорий, в котором столь остро нуждаются постсоветские государства. Сугубо монетарные методы стимулирования инновационного развития (во всяком случае, в требуемых масштабах) заведомо являются неработоспособными в силу чрезмерно высоких финансовых затрат, а от иных методов стимулирования интеллектуального развития молодежи современное постсоветское общество де-факто отказалось. Уместно подчеркнуть, что термины «монетарные методы стимулирования инноваций» и «рыночные методы стимулирования инноваций» отнюдь не являются синонимичными. Рыночная экономика располагает достаточно широким спектром мер воздействия на характер развития общества, и прямое финансовое регулирование является только одним из них. Другое дело, что по историческим причинам на постсоветском пространстве в этом отношении наблюдаются вполне определенные диспропорции, фиксируемые общественным сознанием, которое гипертрофирует роль финансовой составляющей как мерила жизненного успеха конкретной личности.

Коль скоро преодолеть стереотипы, сложившиеся в молодежной среде, используя только финансовые инструменты невозможно (причем именно по сугубо экономическим причинам), необходимо обозначить иные пути, для поиска которых важнейшим является понятие социального капитала.

История развития науки и техники однозначно показывает, что подавляющее большинство наиболее значимых открытий в науке и технике было сделано людьми, которые отнюдь не рассматривали свою деятельность как источник прибыли. Широкую известность имеет высказывание Луи Пастера, который на вопрос Наполеона III о доходности своих научных изысканий ответил, что ученые Франции полагают унизительным зарабатывать деньги подобным способом.

В этой фразе рассматриваемая проблема отражена как в капле воды; профессионализация науки, массовый старт которой приходится на начало 20-го века, в полном соответствии с диалектикой, принесла далеко не только положительные результаты.

Соответственно, представляет насущный интерес вернуться к истокам становления современной науки, причем именно с социологической точки зрения; в частности, понять и переосмыслить, как именно общество стимулировало бурное развитие науки и техники на рубеже 19-го и 20-го веков (исторические данные отчетливо показывают, что в этот период доля государственного стимулирования инноваций была ничтожно малой).

По-видимому, настала пора признать, что с социологической точки зрения, приверженность истинной науке и наличие соответствующей мотивации следует рассматривать, в первую очередь, как основу системы признаков вполне определенной социальной группы, обладающей собственным уникальным социокультурным кодом.

Утрата этой социальной группой тех позиций, которые она занимала еще относительно недавно (на рубеже 19-го и 20-го веков), по-видимому, и является основной причиной резкого снижения производительности капитала, вкладываемого в перспективные исследования и разработки.

Здесь даже дело не в том, что ремесленники от науки не способны получать результаты, сопоставимые по масштабу с теми, что получали их предшественники, которыми двигали куда более возвышенные устремления. В пользу отстаиваемой точки зрения говорят отнюдь не только соображения, связанные с «высокой комедией науки» (выражаясь словами Максимилиана Волошина), но и предельно приземлённые экономические расчеты.

С точки зрения даже не экономики, но элементарных финансовых расчетов, идеологическая мотивация всегда являлась и является на несколько порядков более эффективной, нежели монетарная. Мотивировать человека работать на пределе своих возможностей могут или очень большие деньги, или нечто иное – устремленность к той или иной высшей цели, попытка приобщиться к вечным ценностям и т.д. Упрощая, существует принципиальная разница между ситуацией, когда реализация той или иной программы требует затрат на оплату сторонников, и ситуацией, когда сторонники этой программы сами готовы вкладывать и усилия, и финансовые средства ради достижения цели.

Следовательно, в наши дни наука как никогда нуждается именно в идейной основе, в той системе представлений и ценностей (причем ассимилированной обществом в целом), которая вернет научным работникам то положение, которое они занимали еще сравнительно недавно.

Именно в этом отношении определяющее значение вновь приобретают исследования, нацеленные на изучение науки как

социокультурного феномена, причем именно в исторической ретроспективе. Наука неразрывна связана со своей историей, и чрезмерный акцент на понятии «современность» часто приводит к отрыву от истоков. Значительная часть из представлений, навязанных в настоящее время обществу под маркой «современности», приводит к негативным последствиям. В том числе, это относится к низведению ученых до статуса наемных ремесленников под предлогом «современных тенденций в экономике» и «профессионализации науки».

Уместно подчеркнуть, что отстаиваемая точка зрения во многом коррелирует и с тезисами Ф. Фукуямы, продемонстрировавшего существенное экономическое значение доверия между членами общества. Общность состоит в том, что в обоих рассматриваемых случаях нечто, на первый взгляд, не имеющее отношения к экономике, все же создает для общества более чем значительные конкурентные преимущества.

Предельно упрощая, обществу гораздо выгоднее вознаграждать своих ученых и инженеров «не развязывая кошелек». С использованием современных средств рекламы и пропаганды, пиар-технологий, соответствующий набор представлений может быть эффективно внедрен в общественное сознание, но для этого, в первую очередь, требуется консолидация усилий специалистов, разрабатывающих основы такого рода программ.

По целому ряду очевидных исторических причин Крым может служить именно той «точкой сборки», где могут возродиться традиции, этические и поведенческие нормы, некогда сделавшие науку одним из наиболее эффективных инструментов развития цивилизации.

Использованные источники

1. Мингалева Ж. А. Формирование комплексной системы государственных мер стимулирования инновационной деятельности в России //Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2010. – №. 3 (99).
2. Иванов Д. С., Кузык М. Г., Симачев Ю. В. Стимулирование инновационной деятельности российских производственных компаний: возможности и ограничения //Форсайт. – 2012. – Т. 6. – №. 2.

3. Obukhova, P. V., Guichard, J. P., Baikenov, A. S., & Suleimenov, I. E. (2015). Influence of Mass Consciousness on Quality of the Higher Education in Kazakhstan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 185, 172-178.
4. Suleimenov, I., Guichard, J. P., Baikenov, A., Obukhova, P., & Suleimenova, K. (2015). Degradation of Higher Education in Kazakhstan as an example of post-transitional crisis. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 54, 26-33.
5. Некоторые вопросы современной теории инноваций / И. Сулейменов, О. Габриелян, Г. Мун, И. Пак, Д. Шалтыкова, С. Панченко, Е. Витулёва. — Алматы – Симферополь: Print Express, 2016. — С. 197.
6. Инновационные сценарии в постиндустриальном обществе / И. Сулейменов, О. Габриелян, И. Пак, С. Панченко, Г. Мун. — Алматы – Симферополь: Print Express, 2016. — С. 218.
7. Сулейменов И.Э., Нуртазин А.А., Сулейменова Р.Н., Габриелян О.А., Тасбулатова З.С. Немонетарная мотивация инновационной деятельности //Образовательные ресурсы и технологии. – 2017. – №. 2 (19).

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Узунов В.В.,

доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Говоря о формировании патриотизма, важно учитывать как общие закономерности данного процесса, так и региональные его особенности. Примером здесь, как представляется, может служить крымский опыт, в полной мере учитывающий эти факторы. Сразу оговорюсь: Республика Крым – самый молодой регион в содружестве регионов России, и его опыт сравнительно невелик, но некоторые его особенности стоит учитывать и другим регионам, особенно тем, которые входят в состав Южного федерального округа.

Первая особенность состоит в том, что патриотизм – довольно сложное явление. Можно говорить о его разных уровнях, формирующихся неравномерно, особенно в разных исторических условиях. Например, Крым длительное время (реально с 1954 года) находился под юрисдикцией Украины, испытывая постоянное давление с ее стороны.

Крым, как известно, характеризовался целым рядом отличий, которые выделяли его из общей картины по Украине. Речь идет, в частности, о его геополитически важном расположении, свободном выходе к морю, обеспечивающем прямую связь практически со всеми странами мира, одновременном статусе мировой курортной зоны и одной из мощных военных баз России, сложном этническом составе и т.п.

По большому счету, эти «векторы своеобразия» можно свести к следующему:

Во-первых, Крым вошел в состав Украины, по историческим меркам, сравнительно недавно, и почти четверть населения Республики помнит его особый статус при СССР.

Во-вторых, Крым относился к числу миграционно-активных регионов не только в масштабах Украины, но и в мировых масштабах. Процессы депортации ряда этносов Крыма и их возвращения на родную землю, тщательно скрывавшиеся процессы заселения Степного Крыма выходцами из других, как правило, западных регионов Украины, стремление потенциальных пенсионеров, особенно военных из числа россиян, дослужить в Крыму и остаться здесь навсегда – все это не могло не повлиять на динамику этнического состава населения Крыма.

В-третьих, социально-демографическая структура населения полуострова, в которой едва ли не полмиллиона человек составляют пенсионеры с особой исторической памятью, предполагает смещение спектра межэтнических отношений «влево», к временам «единой семьи народов».

Все это осложняло формирование патриотизма на государственном уровне для Украины и, в конечном итоге, привело к выходу Крыма из ее состава.

Я могу привести данные социологического центра «Социо», которые подтверждают этот вывод. Примечательно, что эти данные были получены в репрезентативном исследовании социологического центра «Социо» еще в 2005 году.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что более важно для Украины и Крыма?»
(N=3250, %)**

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Образовать межгосударственный союз между Украиной, Россией и Беларусью	39,1
России, Беларуси и Украине возродить единое государство	29,3
Упростить или отменить таможенный, пограничный и паспортный контроль с Россией	16,2
Признать для Крымчан двойное гражданство	10,0
Оставить отношения с Россией без изменений, так как это не актуальная тема	3,5
Дистанцироваться от России, держать курс на Европу	1,9

Как следует даже из простой «одномерки», идея одного государства с Россией трансформируется в идею межгосударственного союза с упрощенным пограничным и таможенным контролем. Таким образом, идея патриотизма, рассматриваемого на более высоком уровне, чем «украинский патриотизм» созрела не в 2014 году, а гораздо раньше.

Вторая особенность состоит в необходимости учета этнических особенностей регионов в формировании патриотизма. Обобщая, заметим, что при проведении социологических исследований в Крыму особо следует учитывать сложносоставной характер этого субъекта Российской Федерации. Здесь, по данным этнографов¹⁰, проживают представители более 120 разных этносов. Доминируют три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Таким образом, главной особенностью крымского социума

¹⁰ Народы Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krymology.info/index.php/> (Дата обращения 19.03.2015).

является его полиэтничное многообразие. Кроме того, все три доминирующие группы расселены дисперсно. Первые две из них – русские и украинцы – не имеют четко выраженных мест компактного проживания и в основном равномерно распределены по территории полуострова. Численность русских в Крыму всегда значительно превышала количество украинцев. Около 50% от общей численности русских Крыма и большинство украинцев – около 70% – не родились на полуострове и, по сути, являются укоренившимися здесь мигрантами.

Дисперсное расселение русских и украинцев, особенно в городских населенных пунктах, отсутствие между ними языкового барьера, культурная близость приводят к большому количеству смешанных браков. Многим из тех, кто родился в русско-украинских семьях, трудно определить достаточно четко свою национальную принадлежность. В Крыму, особенно активно в послевоенный период, шел процесс межэтнической миксации восточнославянских этносов. Крымские татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплоченности, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу. Но в языковом плане они демонстрируют примеры бесконфликтного билингвизма.

Тем не менее, при активном действии внешнего фактора (националистические отряды меджлиса, украинские националисты) следует предположить, что:

1. Крымский социум характеризуется достаточно высоким потенциалом возможного этнополитического конфликта. Сегодня относительно взвешенная политика РФ и РК позволяет исключать языковую составляющую из зоны риска.

2. Деятельность социологов в Крыму означает работу в зоне флуктуаций исторической памяти населения. Исследование места и роли разных групп в крымском социуме предполагает выявление и оценку зависимости между взглядами и мнениями респондентов, и рядом социально-демографических характеристик: возрастом, уровнем образования, типом и размером населенного пункта, в котором проживают респонденты, а также состоянием исторической памяти, характерным для каждой из таких групп.

3. В учреждениях системы образования Крыма, коллективах школ, университетов и колледжей Республики Крым, речь должна идти о формировании новой страницы исторической памяти нынешних и будущих поколений крымчан, о воспитании учащейся молодежи Крыма в духе непредвзятых межэтнических и межконфессиональных отношений.

Третья особенность состоит в том, что Крым представляет собой великолепный человеческий полигон (в хорошем смысле этого слова), на примере которого видно, что только взвешенная политика государства в целом и региона, в частности, может достаточно быстро дать положительные результаты, которые характеризуют данные двух исследований, любезно представленные докладчику профессором В.А. Чигриным. Эти данные относятся к концу 2016 – началу 2017 года, т. е. характеризуют изменения, происходящие в сознании крымчан буквально за минимальный временной отрезок.

Так, например, звучит их ответ на вопрос: «Кем Вы лично ощущаете себя в первую очередь?»

Таблица 2

Суждения респондентов исследования

(по заданию Лаборатории «Циркон», Москва)

<i>Суждения респондентов исследования</i>	<i>Процент ответов</i>
Жителем своего города, района, в котором живете	23,2
Жителем своего региона (области, края)	20,4
Россиянином, гражданином России	41,6
Гражданином СНГ, Союза стран бывшего СССР	6,0
Европейцем, жителем Европы	0,4
Гражданином мира, жителем планеты Земля	5,6
Другое	1,6
Затрудняюсь ответить	1,2

Заметим, что у крымчан, в отличие от большинства населения Украины, уровень гражданского патриотизма выше, чем уровень патриотизма сугубо местного. И это несмотря на то, что крымчане, особенно молодые, весьма деликатно относятся к своей территории, к так называемой «Малой Родине». Но это и понятно. Ведь не зря Василий Аксенов (не путайте с Сергеем Валерьевичем Аксеновым) заметил, что «жизнь дается человеку один раз и ее, как минимум, нужно прожить в Крыму».

Но, отбросив в сторону литературные отступления, заметим, что сам факт иерархии общегражданского патриотизма и «патриотизма Малой Родины», дополняющих друг друга, говорит о правильности избранного

пути. При этом, молодые жители Крыма (а это студенты, магистранты, учащиеся техникумов и колледжей и старшеклассники – всего около 4-х тысяч человек) не разделяют расхожего представления о Крыме, как о курорте и только курорте. Вот таблица, которая дает нам представление о мнениях жителей полуострова:

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Скажите, какой вариант развития Республики Крым в ближайшие годы кажется Вам наиболее подходящим, желательным для жителей региона? Какой должна быть главная стратегия развития региона с этой точки зрения?»

<i>Суждения респондентов исследования</i>	<i>Процент ответов</i>
Регион должен развиваться как передовой бастион (форпост, военная крепость) на рубежах России.	3,2
Регион должен развиваться как "свободный порт", "окно", торговые "ворота" (терминал) из России во внешний мир, и из внешнего мира в Россию.	7,2
Регион должен стать большим "технопарком", территорией развития и внедрения передовых технологий, распространения российских инноваций за рубеж, а зарубежных - в Россию.	4,0
Регион должен развиваться как туристическая зона, производитель экологически чистых сельхозпродуктов, как экологический заповедник.	41,2
У региона не должно быть одной доминирующей стратегии развития, надо пробовать развивать разные направления, сочетая их с возможностями местных трудовых ресурсов	40,4
Затрудняюсь ответить	4,0

Пожалуй, главное в том, что респонденты наших исследований видят Крым многосторонне развитым регионом, в котором бок обок мирно и дружно живут люди разных национальностей. Заметим, что крымчане, в том числе и наши респонденты (школьники и студенты), в силу полиэтничности Крыма воспринимают культуры различных народов с заинтересованностью и довольно толерантно. В Крыму привыкли к тому, что на полуостров приезжали на отдых представители разных народов, в крымские порты заходили корабли под самыми разными флагами. Поэтому говорить об активных проявлениях ксенофобии было бы неправомерно. Видимо, не в

последнюю очередь, поэтому молодые респонденты высказывают активное желание познакомиться с народной культурой через поездки в другие регионы (37,2%) и туристические походы с этнографическим сегментом (26,6%). В условиях вхождения в состав Российской Федерации они смогут действительно познать культуру народов, о которой не могли мечтать, будучи украинскими гражданами.

Не отбрасываются респондентами и другие формы знакомства с народной культурой, такие как посещение концертов, народных праздников, музеев, выставок. Мы несколько удивились, когда увидели национальную кухню среди учебных предметов, а не среди аспектов знакомства с национальными культурами. Скорее всего, именно поэтому этот «учебный предмет» был столь популярен среди наших респондентов. Подтверждением нашей позиции было празднование масленицы по русским традициям, проведенное этой зимой в КФУ и вызвавшее ажиотаж среди студентов и учащихся колледжей.

Вообще этот блок ответов достаточно информативен, поскольку показывает, что для учащихся и студентов весьма интересны традиции и обычаи народов, населяющих Крым, история и культура этих народов, география (с элементами этнографии, что в Крыму совершенно естественно). Показательно, что религиозная культура находится «в конце списка», что опровергает утверждение крымскотатарских националистов, будто бы именно она сплачивает крымскотатарское население, выделяя его из «прочих национальностей».

Заметим, что процент «болота», которому не интересны элементы этнических культур Крыма, среди наших респондентов весьма низок (3-4%). И что интересно, это убежденность школьников и студентов в том, что знания народной культуры нужны всем гражданам России.

На характерный для крымчан билингвизм в бытовом общении указали 37 процентов респондентов, а 82 процента отметили, что не испытывают при этом проблем, хотя, как мы отмечали в Дополнении к отчетам, подавляющее большинство крымчан общается на русском языке.

Еще раз отмечу, что подавляющее большинство школьников и студентов предпочитают, чтобы их воспринимали, прежде всего, как граждан

России, а уж потом, как крымчан или представителей отдельных национальностей. Как свидетельствуют материалы исследования, 83 процента молодых крымчан не испытывали по отношению к себе никакой дискриминации в зависимости от языка, национальности или религии. Понятно, что единичные случаи негативного отношения были и, возможно, будут, но такие случаи диктуются, скорее, недостатком культуры обидчиков.

В завершение отметим ответы школьников и студентов на вопрос об их отношении к мигрантам. Здесь важно то, что подавляющее большинство этих респондентов родились в Крыму, 12,1% переехали в Крым из других республик бывшего СССР (в большинстве случаев из Украины и Узбекистана). 5,4% респондентов переехали в Крым из других регионов России.

В последние полтора года (после начала военных действий на Донбассе) в Крыму увеличилось количество беженцев из Донецкой и Луганской областей. Многие из них получили льготные условия поступления в школы, колледжи и вузы Крыма. Понятно, что для крымчан эти молодые люди были конкурентами. Но отрицательное отношение к таким одноклассникам отметили 7,7% респондентов. Большинство (54,8%) относятся к ним нейтрально, а почти 35% - положительно. Более детальные разговоры (интервью) с «нейтралами» показали, что такое их отношение продиктовано высоким уровнем материального положения таких мигрантов, которые «выдают себя за беженцев». Типичного отношения «понаехали тут...» эти интервью не показали.

Резюмируя, отметим, что данная группа респондентов показала высокий уровень толерантности школьников и студентов Крыма к другим этносам, их стремление к познанию национальных культур, традиций, обычаев, к изучению национальных языков народов Крыма. Все это позволяет учитывать в формировании концепции патриотизма пусть и небольшой, но весьма показательный опыт Республики Крым

НАУЧНАЯ МИССИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИОЛОГОВ КРЫМА

Чигрин В.А.,

д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой социологии философского факультета ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Уважаемые представители научного сообщества Российской Федерации!

На обложке программы нашего Форума изображен мост, соединивший Крым с вновь обретенной Родиной. Этот мост стал, и, я уверен, навсегда останется символом реинтеграции Крыма в Россию – социально-экономической, политической, социально-культурной, наконец, научной.

Поэтому я искренне рад, что именно Республика Крым становится новым региональным полигоном Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, полем активной работы социологов, научная миссия которых – всестороннее диагностирование насущных проблем общества и выработка научно-обоснованных рекомендаций его развития.

Учитывая сложный этнический и конфессиональный состав населения Республики Крым, необходимость преодоления перекосов, доставшихся в наследство от пребывания Крыма в составе Украины, а также принимая во внимание геополитический аспект расположения Крыма, его пограничный статус, руководству Российской Федерации в целом и Республики Крым, в частности, крайне необходимо получать оперативные научные данные по самым разнообразным вопросам жизни полуострова.

Речь идет о межэтнических и межконфессиональных отношениях в Республике Крым, о природе возможного возникновения конфликтов, о факторах проявления экстремизма и о других важных и актуальных темах и направлениях, результаты анализа которых могут стать аргументированной основой принятия управленческих решений, научной базой для решения многих социальных, политических, экономических и социокультурных проблем Крыма.

Обращаю Ваше внимание на то, что за весь «украинский» период Крыма, несмотря на наличие мощных вузов, располагающих высококвалифицированными специалистами, в регионе не было подготовлено ни одного социолога, а все исследования отдавались на откуп киевским «варягам». Ведь российскоцентричный Крым был буквально занозой во лбу украинских националистов.

Сегодня Крыму нужна своя социология, представленная возглавляемым Вами, Михаил Константинович, новым федеральным

научным центром. Тем более что в состав филиала вошли представители Крымского федерального университета, Университета экономики и управления и Российского государственного университета правосудия – мощных учебно-научных учреждений Крыма.

После исторического выбора в 2014-м году общество Крыма вступило в новый период своего развития, и в силу исторических обстоятельств сталкивается с необходимостью решения множества разноуровневых практических проблем и решения задач дальнейшего развития. Решить эти проблемы может полномасштабная реализация Федеральной целевой программы развития Крыма до 2020 года. Это понимают и наши противники и пытаются самыми различными методами – от экономических диверсий до использования «черной пропаганды» – затормозить выполнение программы, обеспечить отрицательное отношение к ней части населения Крыма.

Понимая, что выполнение Федеральной целевой программы не может ограничиваться сугубо материальными или экономическими показателями, мы убеждены, что параллельно с этими процессами должно происходить качественное обновление взаимодействия различных социальных групп в контексте новой для Крыма политической и социальной модели, представляющей в пространстве Российской Федерации целостное уникальное социально-историческое образование.

Задача реинтеграции социума, несколько десятилетий находившегося в составе другого государственного образования, предполагает актуализацию социальных связей в сообществе народов России, нахождение своего места в братской семье исторически сложившегося «большого социума» страны.

Задача, стоящая перед Крымом на уровне международных отношений, предполагает стабилизацию, сохранение и обновление традиционных связей имеющихся между различными социальными группами Крыма, этническими общностями и сообществами других государств, где проживают народы – исторически и культурно им близкие. Социально-культурные связи крымских татар, армян, греков, болгар, других национально-этнических групп, требуют не только сохранения, но также изменения и обновления в контексте новых национально-государственных и международных реалий.

Все это требует решения целого ряда проблем, которое возможно только на базе создания полноценной базы первичной социологической информации, выработки научных и практических рекомендаций.

Социологический мониторинг социальной динамики развития Крыма, периодические замеры уровня социальных ожиданий, с одной стороны, и уровня социальной напряженности, с другой, позволяют:

- во-первых, отслеживать эффективность реализации Федеральной целевой программы,

- во-вторых, купировать возможные негативные оценки деятельности органов власти,

- в-третьих, в упреждающем режиме формировать положительный информационный фон осуществления программы по всем основным ее направлениям.

Сегодня разработана перспективная программа работы филиала, предполагающая проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований и разработок по отраслям социологии, имеющим приоритетное значение для Республики Крым и города федерального значения Севастополь:

- социальные и социально-психологические трансформации крымского регионального сообщества, в том числе: социология здравоохранения и медицины; социология профессий и рынка труда; социология города и села; социология права и пенитенциарная социология;
- социологический мониторинг состояния и динамики массового сознания в Крымском регионе;
- социологический мониторинг информационного пространства и региональных масс-медиа;
- социология политического и электорального пространства Республики Крым и г. Севастополя;
- мониторинг деятельности политических партий и общественных организаций в Крыму и Севастополе, региональных политических элит;
- социология национальной и государственной безопасности в Крыму как пограничном регионе Российской Федерации, антитеррористический потенциал общества;
- социология конфликтов, социальные и социокультурные факторы экстремизма, антитеррористический потенциал общества;
- социология многоуровневых идентичностей и консолидации общества в условиях крымского полиэтничного социума и ряд других направлений.

Объект исследования социологии – область повседневного бытия людей, а предмет исследования – модусы социальной реальности, имеющие проблемный характер. Методы социологии – это совокупность принципов, приемов и процедур исследования проблемного объекта. Выбор путей и методов исследования конкретной повседневности определяется предметом исследования и профессиональной подготовкой социолога, его гражданской позицией и гражданской ответственностью.

Для нас – крымских социологов, как, впрочем, и для всего социологического сообщества – проблема гражданской ответственности

стоит столь же остро, как для врача стоит проблема ответственности за правильный диагноз. Тем более что масштабы социальной диагностики у социологов гораздо более широкие.

Как ни парадоксально, но некоторые гонители социологии прошлого века понимали суть такой ответственности. Л.Д. Троцкий писал: «Обнажая все ткани общества, революция бросает яркий свет на основные проблемы социологии, этой несчастнейшей из наук, которую академическая мысль кормит уксусом и пинками... А в социологии больше, чем где бы то ни было, искусство познания есть искусство обнажения».

Социальная ответственность социолога уже с середины 80-х годов XX столетия была предметом широкого обсуждения ученых. Образованное в 1991 году Российское общество социологов, у истоков которого стояли присутствующие здесь М.К. Горшков, В.А. Мансуров и другие коллеги, сформулировало следующие положения нашего Профессионального кодекса: «Социолог отстаивает свои взгляды, идеи и концепции, невзирая на конъюнктуру и авторитеты. Защита своей точки зрения, проявление научной честности и принципиальности требуют от него нравственной твердости и гражданского мужества, способности вступать в спор с общепринятыми взглядами на то или иное явление общественной жизни, с авторитетами в науке. Предпосылками ... являются прочность личного мировоззрения, наличие четкой нравственной позиции. Отношение социолога к другим идеям и людям - авторам или сторонникам этих идей - отличается терпимостью и уважением. Научная критика и полемика как естественные для науки формы ее развития несовместимы с навешиванием идеологических ярлыков и тем более с любыми попытками сведения счетов, расправы с оппонентами.

Повседневную деятельность социолога, его контакты и связи с коллегами характеризуют взаимная поддержка в борьбе за истину, высокая культура чувств, тактичность, общительность и умение вести себя, не роняя достоинства ученого-обществоведа»¹¹.

В заключение отмечу, что учреждение крымского филиала ФНИСЦ будет способствовать дальнейшему развитию данного направления в Республике Крым, обогатит социологическую базу Федерального центра, а наш Форум станет достойным вкладом в развитие российской социологической науки.

Спасибо за внимание.

11 http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=84

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 316.4

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ЮГЕ РОССИИ

Алиев Ш.И.,

к.соц.н., доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бурцев С.А.,

ассистент кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права Самарского государственного экономического университета, г. Самара

Талалаев Н.В.

Аннотация. В статье на примере р. Дагестан исследованы факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий молодежи на Юге России. Автор устанавливает связь между смысловым ориентированием молодежи и локализацией проживания.

Ключевые слова: жизненное проектирование, молодежь, этнокультурная специфика.

Россия, как известно, отличается своей региональной спецификой, а поэтому базовой посылкой в данной работе выступает предположение, что среди факторов, активно участвующих в жизненном проектировании молодежи, особое место занимает регион проживания. В качестве примера обратимся к региону Дагестан, который обладает ярко выраженной этнокультурной спецификой в ряду регионов Российской Федерации, и результатам авторских исследований: социологическому опросу «Жизненный успех в представлении молодежи», в ходе которого были опрошены молодые люди в Махачкале, N=287, Буйнакске, N=181, Каспийске, N=85, Избербаше, N=62, а также к проективному эссе «Мой будний день в будущем через 10 лет» (Буйнакс, N=824, Избербаш, N=59; Каспийск, N=157; Махачкала, N=231).

Но, прежде чем мы перейдем к реалиям дагестанской жизни, необходимо представить наше авторское понимание самого понятия жизненного проектирования, которое рассматривается нами как процесс формирования и изменения жизненного мира индивида посредством конструирования и реализации жизненных проектов. Жизненный проект интерпретируется нами как совокупность задач и средств их реализации, направленных на достижение запланированной жизненной цели (или целей),

а жизненная цель, в свою очередь, – как запланированный результат деятельности индивида, отражающий его видение собственной жизни в проекции «настоящее-будущее».

На жизненное проектирование молодежи значительное влияние оказывает внимание к самой молодежи со стороны общественных и государственных структур и организаций. Невнимание к молодежи – комплексная проблема, включающая в себя вопросы получения профессионального образования, высокого уровня коррупции и криминогенной обстановки, безработицы и проведения досуга. В жизненных стратегиях она скрыто проявляется стремлением в дальнейшем покинуть Дагестан. В каждом третьем проективном эссе молодежи из г. Махачкала и каждом втором из других городов Дагестана выражается желание уехать из своего города. Места назначения указываются самые разные, но чаще всего называются города Москва и Санкт-Петербург.

Например, молодежь из Буйнакска считает, что реализовать свои жизненные планы в своем городе она не сможет (87%). «У нас в Буйнакске негде работать»; «Я хочу заниматься своим бизнесом, но в нашем городе *все* ниши уже заняты»; «Моя мечта – быть востребованным и известным адвокатом. Чтобы быть таким в Буйнакске, необходимо вначале *поработать в этом качестве в Москве или Махачкале*»; «*В Буйнакске молодежи негде отдыхать: нет кинотеатров, всего два кафе. Жить здесь безрадостно. Отсюда надо обязательно уезжать*».

Таким образом, в системе жизненного проектирования представителей молодежи Дагестана в качестве одной из целей позиционируется выезд за пределы своего города или даже республики. И хотя высокая мобильность молодежи в целом может рассматриваться как естественное явление, в определенной степени отражающее ее сущностные свойства; для молодежи Дагестана – это в значительной мере новый феномен, связанный с повышенными рисками. Переезд в регионы России с преимущественным проживанием русского населения – это попадание в совершенно иную культурную среду, зачастую это столкновение с предвзятым к себе отношением со стороны части коренных жителей. Решение об отъезде из своего региона для молодежи Дагестана – решение, детерминированное сложной социально-экономической и криминогенной ситуацией в регионе.

Социально-экономические и социально-политические проблемы усугубляются разрушением традиционных устоев жизни. По сути, современная молодежь Дагестана является первым поколением, социализация которого проходит в условиях коренной ломки традиционных ценностей, что, в свою очередь, усиливает нестабильность ее положения, увеличивает степень рисков. В качестве реакции молодежь Дагестана

интуитивно старается сохранить эти ценности, видя в них необходимые ей жизненные ориентиры. И это находит отражение, как в рамках актуализации проблем, так и в рамках системы жизненного проектирования.

В качестве значимых для дагестанского общества проблем молодежью в нашем исследовании были выделены связанные между собой проблемы нарушения традиций и ослабления нравственности. В разряд важных их отнесли соответственно 17% и 15% респондентов. Экспликация этих проблем и признание их важности связаны с региональной культурой, которая представляет собой надэтническую конструкцию, интегрирующую жизнь народов, проживающих на конкретной территории. В региональной культуре отражаются условия существования людей и определяются формы их существования.

Региональная культура не является простой суммой национальных культур, а представляет собой интегрированную их совокупность, при которой каждая национальная культура сохраняет свою самостоятельность и свое своеобразие. Культуру Дагестана можно представить только через категорию «региональная культура». Республика Дагестан – самый полиэтничный регион России. Только «титульных» народов, языки которых поддерживаются на государственном уровне, в республике насчитывается 14; число же коренных народов достигает 30-ти [1].

Каждый из народов, населяющих Дагестан, имеет свою национальную культуру, а культура Дагестана в целом достаточно сегментирована. Но, во-первых, есть некие единые правила и нормы жизни и поведения, которые все проживающие в регионе должны соблюдать; во-вторых, есть правила и нормы жизни доминирующих национальных культур, которые желателно соблюдать; в третьих, есть традиции и обычаи национальных культур, которых придерживаются их представители.

В жизненном проектировании молодежи отражаются все элементы региональной культуры, но специфику ему, в большей степени, придают национальные культуры. Приобщение к национальной культуре происходит в процессе социализации индивида. Через ближайшее окружение, прежде всего, через семью, человек по мере развития приобщается к специфике национальной культуры, обычаев, традиций. В рамках национальной культуры происходит становление этничности, и под ее воздействием формируется национальный характер.

На наш взгляд, если исходить из понимания национального характера как культурно обусловленной модели поведения, то очевидно, что она существует в рамках одной национальности и обусловлена определенными социокультурными, географическими, природно-климатическими и историческими аспектами. Модель поведения народа заложена в его ментальности [2], а потому можно утверждать, что различия в системах

жизненного проектирования молодежи порождаются неодинаковостью национальных культур. А с учетом того, что в дагестанском обществе и в молодежной среде в том числе важнейшим фактором, детерминирующим национальную культуру, является религиозный [3], мы обратились к нему в контексте изучения проблемы жизненного проектирования дагестанской молодежи.

Проведенные нами исследования показали высокую значимость религиозного фактора в системе жизненного проектирования молодежи Дагестана. Среди респондентов количество молодых людей, относящих себя к верующим, составило 86%. Причем за шесть лет исследований отмечен рост количества верующих на 6%.

В жизненных стратегиях молодежи, прежде всего, нашла свое отражение интегративная функция религии, которая выразилась в установлении религиозной идентичности. Однако следует отметить и то, что религия также может и дезинтегрировать. Объединяя людей одного вероисповедания, религия может породить и противопоставление между людьми, принадлежащими к разным конфессиям. Проведенные нами исследования показали, что деление на «своих» и «чужих» по религиозному признаку проводят 12% респондентов из Дагестана.

Через свою мировоззренческую функцию религия репрезентируется как система ценностей, придающая смысл человеческому бытию. В жизненных стратегиях молодежи Дагестана нашли отражение и те ценности, которые молодые люди непосредственно связывают с религией: *«Мои планы на будущее выполнятся только при мирной жизни. Религия, которую мы исповедуем, призывает к терпимости и толерантности. Она имеет один и тот же корень, что и слово «мир» – ислам»; «В будущем я себя вижу богатым и успешным человеком, который помогает людям, нуждающимся в помощи, и участвует во всех благотворительных акциях, так как со мной Аллах»; «Если мои мечты сбудутся, я половину своей зарплаты буду отдавать на поддержку мечети и в помощь инвалидам».*

Часто молодые люди из Дагестана связывают нормы жизни с требованиями шариата (22% опрошенных), и в жизненные стратегии молодых дагестанцев оказались включены отдельные обряды ислама. Так, 7% респондентов указали, что одной из целей в их жизни является совершение Хаджа.

В целом можно говорить о достаточно высокой степени религиозности молодежи Дагестана, что получило отражение и в их жизненном проектировании. Вся повседневная жизнь дагестанцев тесно связана с исламом. 92% респондентов из Дагестана высказали желание иметь партнером в браке человека той же конфессии; 24% респондентов выразили надежду, что их будущие дети *«будут хорошими людьми и верующими*

мусульманами». Среди респондентов 4 человека высказали даже желание открыть исламские школы, так как *«если будет религиозное воспитание мальчиков и девочек, если с детства будет внушение, что нам этого делать нельзя как мусульманам, что это не наше, и все вокруг будут вести себя, как подобает мусульманам, я думаю, у нас не будет проблем с наркоманией, алкоголизмом и т.п.»*.

Высокая степень религиозности вместе с проблемами в социально-экономической сфере обозначила необходимость выяснения отношения молодежи к ваххабизму и его представленности в ее жизненных проектах. Ваххабизм сегодня в мире, в том числе и мусульманском, воспринимается как идеология экстремизма и терроризма. Однако он имеет поддержку у некоторой части молодежи, которую может привлечь его радикализм и проповеди «чистого» ислама.

В нашем исследовании была также затронута проблема ваххабизма. Более 50% респондентов из Дагестана, говоря о своих жизненных целях и задачах, согласующимися с ценностями ислама, вспоминали о своих знакомых, ставших ваххабитами. Ваххабизм молодежью, участвующей в исследовании, однозначно репрезентируется как бесперспективный путь, как отход от Ислама. Респонденты характеризуют ваххабитов в основном негативно: *«Они стремятся заработать деньги легким путем; их учителя внушают им, что убить человека – это не грех, а наоборот, чем больше неверных убьешь, тем ближе становишься к раю»; «У них совсем иные представления об Исламе; их жизнь – прятаться в лесах, убивать представителей правоохранительных органов, но и этим они не ограничиваются, а убивают мирных жителей, взрывают дома»; «Ваххабизм – это ненависть между людьми с различной верой, разных по национальности. А наш Дагестан – многонациональная республика, и это для нас особенно опасно, это межнациональная война»*.

Проблема ваххабизма и связанного с ним терроризма волнует молодых дагестанцев, прежде всего, потому, что в нем они видят угрозу своему будущему, тем жизненным планам, которые они ставят перед собой. *«Когда видишь, что твой друг или подруга становятся ваххабитами, становится страшно: куда катится мир»; «От ваххабитов никому не будет хорошо и прежде всего их родным и знакомым»*.

То есть, присутствует однозначно негативная оценка ваххабизма респондентами, и он не рассматривается ими как, хотя бы, один из вариантов возможного жизненного пути. С этой точки зрения, жизненные проекты молодежи Дагестана можно оценить как оптимистичные, нацеленные на созидательную жизнь.

Таким образом, основными мезофакторами, влияющими на жизненное проектирование молодежи являются регион проживания,

региональная культура (субкультура) и принадлежность к религиозной конфессии. В данном контексте религия рассматривается как один из важнейших культуuroобразующих элементов.

Литература:

1. Ярлыкапов А.А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // *ВВ: Проблемы политики и общества*. 2012. № 3. С.130-153.
2. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Normative Type of Personality and Mental Matrix of Social Behavior in Russian Society // *Indian Journal of Science and Technology*, 2016. Vol. 9. Iss. 36. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/viewFile/102023/73517>
3. Шахбанова М.М. Религия как доминирующий фактор социальной жизни дагестанской молодежи // В сборнике: Ориентиры самосознания молодежи в условиях глобального экстремизма и терроризма. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 211-217.

УДК 316.347 (477.75)

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМСКОЙ МОЛОДЁЖИ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТАЖНЫХ ОПРОСОВ)¹²

Баранов А. В.,

д.полит.наук, д.ист. наук, профессор, Кубанский государственный университет, факультет управления и психологии, г. Краснодар, Россия

Аннотация: дана интерпретация состояния и перспектив социокультурной интеграции крымской молодежи в российское общество по результатам пилотажных опросов студенчества Республики Крым и г. Севастополь (октябрь – декабрь 2017 г.). Определены особенности

¹² Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

восприятия межэтнических отношений в сравнении молодёжи двух субъектов федерации. Выявлены причины данных особенностей, даны рекомендации по совершенствованию задач и инструментария исследования.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, крымская молодёжь, российское общество.

В условиях воссоединения Крыма с Россией важно укрепить социокультурную интеграцию полиэтничного региона в российское общество. С особой остротой эти задачи стоят применительно к молодёжи. Пилотажный опрос в Республике Крым и Севастополе проведён по единой программе. В Республике Крым опрос проведён под руководством д-ра социол. наук, проф. В.А. Чигрина (октябрь 2017 г.) [1], а в г. Севастополе – канд. филос. наук, доц. Л.Н. Гарас (декабрь 2017 г.).

Цель работы – сравнить степень интеграции молодёжи в российское общество по итогам пилотажного опроса студентов в Республике Крым и г. Севастополе.

Теоретическая основа работы – конструктивистская парадигма этничности, этнические различия осмысливаются как проявления самосознания; этнические границы трактуются как подвижные [2].

Исследование в Республике Крым охватило выборку 85 чел., в Севастополе – 50 чел. Выборки составили бакалавры и магистранты вузов, поровну – по социально-гуманитарным и техническим направлениям. Выборка пропорциональна по гендерному составу, соразмерно представлены студенты всех курсов (возраст 18–22 года). Этническая самоидентификация опрошенных отличается от состава населения г. Севастополя по переписи 2014 г. В выборке русские – 74%, украинцы – 6%, белорусы и крымские татары – по 4%, а 12% не указали этничность. По переписи 2014 г., среди жителей Севастополя 81,1% русских, 14,2% украинцев, 1,5% крымских татар, 1,0% белорусов, не указали этничность 4,9% [3, с. 135–141]. Выборка студентов в Республике Крым пропорциональна по этническому составу. Религиозная самооценка респондентов в Севастополе: православных – 20%, христиан – 22%, атеистов – 16%, не указавших – 34%.

Декларируемая степень значимости этнической принадлежности человека в повседневном общении опрошенных умеренна. Считают этничность значимой (ответ «Скорее, да») 16% респондентов (для сравнения – в Республике Крым 21,2%), не считают (ответ «Скорее, нет») – 74% (в РК – 70,6%), затруднились ответить 10% в Севастополе и 8,2% в РК. В ситуациях, требующих доверия и риска (совместное дело, финансовые операции, лечение близких), значение этнической принадлежности человека повышается до 18% (в РК – до 29,4%) [1, с. 12–13]. Эти пропорции мало различаются по этническим подвыборкам.

Характер межэтнических отношений в г. Севастополе положительно оценивается большинством респондентов (44%) посредством понятий «доброжелательность, мирное сосуществование» (почти не отличается от мнения студентов в РК –43,5%) либо «терпимость» (26% в Севастополе и 30,6% в РК), «доверие» (10% ответов в Севастополе и 7,1% в РК). Напряжёнными межэтнические отношения сочли 20% опрошенных в Севастополе и 17,6% в республике, а конфликтными – никто в Севастополе и 1,2% в РК [1, с. 12–13].

Вероятность реальных межэтнических столкновений в Севастополе оценивается респондентами в среднем на 29,6 баллов из 100 максимальных (опрошенные в Республике Крым дали оценку 36 баллов) [1, с. 13]. Оценка вероятности реальных межэтнических столкновений более высока среди студентов технических направлений подготовки в г. Севастополе (32,3 балла в сравнении с 26,8 в подвыборке студентов-гуманитариев).

Будущее межэтнических отношений в городе воспринимается опрошенными студентами противоречиво. Считают, что через 5 лет характер межэтнических отношений, «скорее, улучшится», 28% респондентов в г. Севастополе и 10,6% – в республике; «не изменится» – 40% в Севастополе и 32,9% в РК; «скорее, ухудшится» – 8% в городе и 18,8% в республике; затруднились с ответом 24% в Севастополе и 37,7% в Республике Крым. Ввиду малого числа украинцев и крымских татар в севастопольской выборке их ответы не репрезентативны. Но характерно, что опрошенные в Республике Крым студенты–украинцы предпочли ответы о неизменности межэтнических отношений в регионе либо уклонились от ответа. В подвыборке опрошенные крымские татары считали, что межэтнические отношения «скорее улучшатся» – 6,7%, «никак не изменятся» – 26,7%, «скорее ухудшатся» – 20%, а затруднились с ответом – 46,6% [1, с. 12–13]. Итак, риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар.

Студенты г. Севастополя и Республики Крым скептически оценивают наличие трудовой конкуренции между постоянными жителями и мигрантами в своём регионе. Признают конкуренцию «скорее, реальной проблемой» 26% опрошенных в Севастополе и 28,2% – в РК. Считают её «скорее, надуманной проблемой» 40% в Севастополе и 35,3% – в республике. Уклонились от ответа 34% в городе и 36,5% – в республике. Причиной терпимого восприятия миграции является относительно сниженный уровень конкуренции на рынке труда Крыма в сравнении с Краснодарским краем. Но в подвыборке крымских татар, опрошенных в РК, степень признания трудовой конкуренции с мигрантами достигает 33,3%, а в подвыборке украинцев – 44,4% [1, с. 12–13]. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов.

В то же время, опрошенные студенты Севастопольского государственного университета разделились поровну в оценке предпочтительной стратегии миграционной политики – нацеленной на привлечение переселенцев или на ограничение их притока. Полагают, что мигранты «скорее, способствуют развитию региона» 24% респондентов, а 20% – напротив, считают, что мигранты «скорее, препятствуют его развитию». Такие распределения оценок делают необходимой просветительскую работу органов власти, учреждений образования и СМИ, коммерческих структур, приглашающих трудовых мигрантов.

Охарактеризованный характер межэтнических отношений связан также с общей оценкой респондентами уровня безопасности в Севастополе и Крыму. Считают, что г. Севастополь можно назвать стабильным регионом, 40% опрошенных молодых людей, а называют город нестабильным 36%. Чувствуют себя защищёнными в аспекте финансовой безопасности 32% опрошенных в Севастополе и 28,2% – в Республике Крым. Ощущают себя в имущественной безопасности 58% в городе и 45,9% – в республике, в физической безопасности – 64% в Севастополе и 51,8% в РК, а в правовой безопасности – только 28% в городе и 24,7% респондентов в республике [1, с. 11]. Иерархия уровней субъективного восприятия безопасности в городе и республике одинакова. В наибольшей мере молодые крымчане ощущают физическую и имущественную безопасность, а в наименьшей – правовую и финансовую.

Доверяют в большей мере российской государственной власти, чем оппозиции, 38% респондентов в Севастополе и 29,4% в Республике Крым. Преобладает нейтральное отношение – 58% в городе и 65,9% в республике. Скорее, оппозиции, чем действующей власти доверяют 4% севастопольских респондентов и 4,7% опрошенных в РК [1, с. 11–12].

Допускают возможность личного участия в массовых акциях протеста против сокращения уровня жизни, несправедливых действий органов власти, в защиту своих прав 10% опрошенных в г. Севастополе и 35,4% в Республике Крым, а не допускают такой возможности 62% в городе и 54% – в республике [1, с. 12]. Важно, что различий установок протестной активности по этническим подвыборкам нет ни в городе, ни в республике.

Сделаем выводы. Итоги пилотажного опроса студенческой молодёжи г. Севастополя и Республики Крым нуждаются в перепроверке после реализации анкетных опросов с массовой выборкой. Целесообразно расширить рамки объекта исследования, включив в выборку работающую молодёжь и старшеклассников средних школ. В анкету предполагается добавить вопросы об иерархии коллективных идентичностей респондентов (национальной, этнических, религиозных, региональной, локальных и др.), а также вопросы о межэтнических дистанциях. Вероятно, необходимо также

проведение одновременного с массовым экспертного опроса в обоих субъектах Российской Федерации.

Установки опрошенной студенческой молодёжи по преимуществу демонстрируют модель избегания межэтнического конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Межэтнические отношения в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Одновременно, наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп региона, их поведения в публичной политике, возможных намерений повысить свой коллективный статус. Риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов. Наиболее позитивно воспринимают трудовую миграцию на полуостров опрошенные студенты – русские, а относительно сдержанно – крымские татары и украинцы.

Восприятие уровня безопасности в Крыму студенческой молодёжью в целом позитивное, но отмечено сниженное восприятие уровня правовой и финансовой безопасности. Это объясняется трудностями перехода крымского регионального сообщества в российское законодательное пространство, а также финансовыми трудностями, вызванными блокадой полуострова.

С учётом таких рисков особого положения, в котором находятся г. Севастополь и Республика Крым, как пограничность, информационная война со стороны стран Запада и Украины, повышенная открытость молодёжи контактам с украинским пространством, можно заключить, что необходима целенаправленная политика реинтеграции молодёжи Крымского полуострова в российское социокультурное и политическое сообщество, направленная на формирование прочной и осознанной приверженности ценностям российской нации. В проведении такой политики социологические исследования и политическая экспертиза призваны стать важным и профессионально реализуемым направлением.

Литература:

1. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 10–14.
2. Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. С. 40–60.
3. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / пред. редкол. А.Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 135–141.

УДК 316.4.066

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

Бедрик А.В.,

Верещагина А.В.,

д.соц.н., профессор, доцент, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия,

Узунов В.В.,

доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН.

Аннотация. Необходимость изучения патриотических практик, реализуемых в полиэтничных регионах Юга России, объясняется стоящими перед Россией задачами консолидации многонационального общества, а также актуальными социальными задачами. Исследование патриотических практик на Юге России предполагает анализ патриотических макроинициатив, связанных с формальными институциональными практиками, и патриотических микроинициатив, раскрывающих особенности повседневных практик различных социальных групп. Такой подход позволяет выявить типы региональных патриотических практик и определить доминирующие факторы влияния на их формирование и динамику развития.

Ключевые слова: патриотические практики, полиэтничное пространство, институциональные практики.

Актуализированный на уровне государственной политики, патриотизм занял центральное место в пространстве общественно-политического и научного дискурса, а также в системе воспитания российской молодежи, став значимым компонентом образовательных программ [1]. На фоне значимых для страны событий (Олимпиада 2014 года, присоединение Крыма), окрашенных в патриотические тона, такая политика принесла свои плоды: уровень патриотизма в России в рекордные по историческим меркам сроки и во всех возрастных группах вырос до невероятных масштабов, особенно, если принять во внимание патриотический нигилизм 1990-х: порядка 80% российского населения, по данным ВЦИОМ (2016 г.) и ФОМ (2017 г.), считают себя патриотами [2; 3]. Высокий уровень патриотизма, хоть и в меньшей степени по сравнению со старшими поколениями россиян, демонстрируется и молодежью в самых разных регионах страны, в том числе

и на Юге страны: в Дагестане [4], в Республике Крым [5], в Ростовской области и др. [6] Но что кроется за этими цифрами и оценками патриотичности? Какие конкретно патриотические практики стоят за столь высоким уровнем патриотизма в стране и в ее регионах?

На этом вопросе мы и остановим свое внимание в данной работе, обратившись к южнороссийскому региону как самому полиэтничному и потому наиболее сложному и интересному с точки зрения практического анализа реалий в области патриотической деятельности.

Анализ патриотической реальности показывает, что самыми распространенными патриотическими практиками в молодежной среде являются мобилизационные (военные), о чем свидетельствует динамика роста военно-патриотических клубов, движений и организаций по всей стране и в южнороссийском регионе в том числе. Такого рода патриотические организации получили распространение в Ростовской области, в Ставропольском крае, республике Адыгее, в Кабардино-Балкарии, в Крыму. Все эти организации носят провластный характер и ориентированы на поддержку политического курса власти.

Военно-патриотические клубы ориентированы на формирование и воспроизводство исторической памяти посредством сохранения и приумножения воинской славы Отечества и ее трансляции в молодежную среду, но доминирование клубов военно-патриотической направленности формирует военизированное, а значит, – агрессивное сознание у молодежи. И в этой связи уже не кажется столь безобидным рост патриотических практик на Юге России, и так отличающегося насыщенностью конфликтов и столкновений, в том числе военных, как в прошлом данного региона, так и в настоящем. А потому, видимо, анализ патриотических практик молодежи и акторов патриотического воспитания, участвующих в организации военно-патриотических клубов, таких, как, к примеру «Рысь», «Пересвет», «Десантник», «Гардемарины», «Разведчик» и др. в Ростовской области и Краснодарском крае [7], в реализации всероссийского проекта военно-патриотического направления под названием «Юнармия» [8], стоит дополнить вопросом – с какой целью это делается и не приведет ли это к милитаризации подрастающего поколения? Нельзя не обратить внимание на стремительно набирающее обороты военно-патриотическое движение «Юнармия», которое в ряде регионов Юга страны стало эпицентром вовлечения учащейся молодежи в патриотическую деятельность. В Ростовской области, в Ставрополье, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Крыму с широким размахом освещаются события, связанные с посвящением школьников в юнармейцы. Созданная по инициативе министра обороны Сергея Шойгу, «Юнармия» ориентирована, прежде всего, на подрастающее поколение и повышение оценки качества подготовки молодого поколения к

армейской службе и организации призыва [9].

Отвечая на выше заданный вопрос о цели такого военизированного патриотического воспитания, можно сказать, что военно-патриотическое направление оказалось самым простым, апробированным в российской истории и очень точно подходящим для современной реальности и решения задач власти, связанных с укреплением выбранного политического курса на реконструкцию общественно-политического порядка, не связанного с демократическими идеалами и ценностями гражданского общества, как бы много об этом ни говорилось сегодня в России.

Для этих целей явно не подходит ни один из типов институциональных патриотических практик, кроме тех, которые укладываются в идеологию государственного патриотизма, основывающегося на принципах мобилизации и готовности защитить страну от врагов, т.е. милитаризации сознания. Державный патриотизм не может быть поддержан иными способами кроме как на основе патриотизма героического типа, и в этой связи эпицентром патриотическим практик стали героические страницы ВОВ и все, что с ней связано. Молодежь организует поисковые отряды, происходит реконструкция военных сражений, проводятся конкурсы военной песни, встречается с ветеранами ВОВ и т.д. И это не может ни в коем случае быть оценено отрицательно с точки зрения важности сохранения памяти о тех, кто боролся с фашизмом и всему человечеству подарил мир без фашизма. В чем же тогда опасность? А опасность таится в самом процессе героизации патриотизма – молодежь утрачивает понимание того, что может составить предмет патриотической деятельности в мирное время, когда нет места подвигу.

Иными словами, в молодёжном сознании патриот – это человек, совершивший подвиг ради спасения Отечества, своего народа, родных, близких и т.д. Естественно, гражданская повседневная жизнь и ее обыденные социальные практики не рассматриваются молодежью в качестве арены патриотических практик. Перспективы перехода к такой логике организации и восприятия патриотических практик возможно только в границах идеологии гражданского патриотизма.

Средой активной трансляции молодым поколением идеологии государственного патриотизма с акцентом на его военно-мобилизационной составляющей становится образовательная среда (дошкольного, школьного, вузовского), в которой реализуются патриотические практики разнообразного плана: от знакомства с народным фольклором, историей родного края, его культурой, обрядами и традициями, организаций конкурсов по истории страны, встреч с ветеранами войны, создания различных музеев, организаций семинаров, конференций, поисковых отрядов до введения в образовательную программу школьников предмета «Основы военной службы» [10].

Образовательные патриотические практики в регионах России и на Юге в частности формируются в рамках нормативных практик, которые также приобретают региональный формат, незначительно отличающийся от федерального, заданного реализуемой на данный момент государственной программой патриотического воспитания граждан. Патриотическая тематика вписана во все нормативные проекты, программы и концепции, связанные с молодежью, с воспитанием, с развитием сугубо региональных исторических движений и культур, на Юге страны связанных с казачеством. Важные позиции в патриотических практиках Ростовской области и Ставрополья, к примеру, занимают образовательные и нормативные практики именно такого, казачьего направления. Серьезный кластер патриотических практик на Юге России представлен волонтерским движением, которое также идеологически и концептуально вписано в патриотическое направление деятельности граждан, что подтверждается также развитием всероссийского движения «Волонтеры Победы» и его региональных отделений [11].

Итак, российский патриотизм на Юге России, построенный, как и в масштабах всей России, на страницах военного прошлого и мобилизации военной мощи в настоящем, проявляется во всем, начиная от нормативно-правовой базы; образовательных программ, оборонно-спортивных летних лагерей и различного рода спортивно-воспитательных мероприятий в школах и вузах; специфики патриотических клубов и заканчивая патриотическими акциями, которые в своем большинстве посвящены Победе в ВОВ (Голос Победы, Знамя Победы, Дневник нашей Победы, Бессмертный полк, Вахта памяти и т.д.), формированию военной подготовки молодежи («Неделя мужества», «Язачитник» и др.). А в условиях конфронтации с Западом и обострения международных противоречий вряд ли стоит рассчитывать на переход к иным (к примеру, гражданским) патриотическим практикам как модальным для формирования патриотических установок у российских граждан. Скорее всего, данная политика патриотизации завершит процесс реинституционализации описанных патриотических практик по российско-советской схеме, что соответствует в целом логике государственного и общественного развития России, но не стратегическим, адекватным вызовам современного времени, целям и задачам, связанным с формированием гражданского общества и гражданской солидарности.

Литература:

1. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Ценности патриотизма в структуре ценностей современной студенческой молодежи // ПОИСК. 2014. № 1. С. 77-87.

2. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход. ВЦИОМ, 2016. Пресс-выпуск № 3136 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>.
3. Патриотизм: динамика мнений [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261>
4. Шахбанова М.М. Патриотизм: специфика формирования и функционирования в республике Дагестан // Успехи современной науки и образования. 2017. Том 1. № 1. С. 205-208.
5. Подъячев К.В. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах Российской Федерации // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4(12). С. 126-136.
6. Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58-76
7. Список военно-патриотических клубов [Электронный ресурс]. URL: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs.
8. Форменный пацан [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/04/06/v-rossii-poiavitsia-novoe-molodezhnoe-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie.html>
9. В Ставропольском крае будут развивать юнармейское движение [Электронный ресурс]. URL: <http://pobeda26.ru/novosti/v-stavropolskom-krae-budut-razvivat-yunarmejskoe-dvizhenie>
10. Современное состояние военно-патриотического воспитания в России [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3285
11. В Ставропольском крае прошел съезд муниципальных координаторов «Волонтеров Победы» [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90abhd2amfbbjcx2jf6f.xn--p1ai/release/6154>

УДК 316+323.22

**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СЕВАСТОПОЛЕ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ, ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕЗАГРУЗКИ И ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ**

Бунецкий Л.Л.,

к. полит.н., г. Севастополь

Аннотация. В статье исследуются вопросы сущностной характеристики и содержания основ феномена – местного

самоуправления, проблемы становления и модернизации института МСУ как основной формы в сфере реализации народовластия в Севастополе. Обозначается, что гармоническое развитие институций и служб в органах МСУ является важным инструментом, обеспечивающим стабильность и единство государственной и муниципальной власти, эффективную реализацию принципов местной демократии. Сформулированы некоторые авторские выводы и предложения по усовершенствованию организации института МСУ, служб и направлений организационно-правового, экономического обеспечения межмуниципального сотрудничества в городе Севастополе.

Ключевые слова: «местное "общественное" самоуправление», «институт местного самоуправления», «публичная власть», «муниципальная власть», «муниципальное управление», «муниципальная собственность», «муниципальное имущество», «внутригородские муниципальные образования», «муниципальный бюджет», «межмуниципальное сотрудничество».

Аллегория вопроса. Уже более трех лет власть, да и народ Севастополя мучаются в поисках ответа на один из местных, но по сути извечных «гамлетовских» вопросов: «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ... в нашем славном героическом городе полноценному МСУ?» (для тех, кто забыл или не знал суть этих трех букв, напомним: это – местное «общественное» самоуправление). И что это? И где это? По-настоящему, так никто и не видывал, и не знает. А не некая ли это иллюзорная идея или, того хуже, утопия, а возможно, извечная платоновская МЕЧТА о демократии? Или, того страшнее, некий призрак – вечно неуловимого «летучего голландца»?.. На первый взгляд, вопросы, по сути, в чем-то для нас даже не риторические и, возможно, где-то в перспективе даже не безнадежные...

Шутки ради классики (не академического, а юмористического жанра) типа Жванецкого, увы, покойного Задорнова и др. обязательно со всей серьезностью и остротой своего сарказма ответили бы утвердительно, подчеркивая количественную меру красоты этого непознанного феномена (с качеством как-то не получилось, видимо, забыли: «дефицит»-то с народом), обязательно добавили бы: если брать именно с его талии или груди – индекс, равный примерно 0,42. Это почти что на половинку, да и того меньше, а с этим уже что-то можно... можно попасть и в самую книгу Гиннеса. Вот такая у нас сугубо «шутливая» особенность местного самоуправления получилась... Но, похоже, интрига еще не закончилась, а только лишь начинается. К

концу статьи, я надеюсь, возможно, мы придем к здравому смыслу, мудрому «соломоновому» пониманию вопроса или же только к его началу...

А теперь давайте попробуем посмотреть на весь этот «вопрос местного характера» академически, то есть с научно-теоретической и практической точки актуальности проблематики.

Если хорошенько присмотреться да и поискать, то и ответ сам найдется, всплывет на поверхность. Безусловно, МСУ у нас, в Севастополе, определено есть. Но оно у нас особое, построенное не так, как в других регионах нашей страны. И начинался этот процесс правильно... по-народному. Что такое политические выборы, граждане Севастополя знают неплохо, опыта, слава Богу, не отнять. Теперь прошло то время, когда голосовать приходилось за гречку и макароны, устраивая выборные «карусели», а народ начал отдавать свои голоса в буквальном смысле «человеку из своего двора». Потому что для этого самого человека проблемы села, поселка, города – его собственные. Другими словами, главная ценность местного самоуправления в том, что оно должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы, без указаний и распоряжений сверху.

В этом отношении, в отличие от государственной власти, местное самоуправление имеет определенные плюсы и преимущества: во-первых, «круг» проблем местного значения лучше всего знаком и ближе всего местным жителям, которые как никто другой заинтересованы в успешной и качественной работе муниципалов и решении этих проблем. Во-вторых, местное самоуправление развивает в гражданах чувство инициативы, самоорганизации, содержит множество элементов прямой демократии, непосредственного участия граждан в управлении, оно непосредственно связано с каждым жителем и является с этой точки зрения важнейшим инструментом развития гражданского общества. *Ведь именно участие граждан в непосредственном принятии решений наполняет местное самоуправление подлинным смыслом.*

Только действуя открыто, демократично, мы сможем обеспечить реализацию ключевых принципов, заложенных в Европейской хартии местного самоуправления, Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, Законах города Севастополя и иных нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы местного самоуправления. Хотя для севастопольцев смысл даже не в этих документах, имеющих большее

значение для чиновников, а в действенной и эффективной работе местной власти.

Краткая ретроспектива вопроса. Очевидно, создано целое эксклюзивное явление в общественно-политической жизни России – некий «феномен Севастополя»: во-первых, опыт Севастополя в построении системы местного самоуправления совершенно уникален в силу особенностей нашей истории и статуса Севастополя как города федерального значения. Все то, что построено за прошедшие годы, как бы банально это ни звучало, сделано было «с нуля»: у нас не было уже «наращенного» опыта и устоявшихся традиций российского местного самоуправления, не было готового ориентира для действий.

Город Севастополь точно так же, как Москва и Санкт-Петербург, представляет собой единый хозяйственный комплекс, в силу чего многие вопросы местного значения в нем более целесообразно решать на уровне субъекта РФ в целом. При этом перечень вопросов местного значения, источники доходов местных бюджетов внутригородских муниципальных образований определяются законами субъекта РФ – города федерального значения Севастополя, исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства.

В этой части город федерального значения Севастополь – скорее исключение, чем правило. В нем, как новом субъекте РФ, практически только начался процесс формирования института местного самоуправления. В условиях децентрализации власти, преодолевая в некоторых вопросах сопротивление институтов власти, можно увидеть явную тенденцию – местное самоуправление набирает полную силу и обороты. Де-юре и де-факто все десять внутригородских муниципальных образований были зарегистрированы в качестве юридических лиц, приняты их уставы, прошли общественные слушания и приняты местные бюджеты, активно начали работу их распорядительно-исполнительные органы – «местные администрации», набран штат сотрудников, разработаны и приняты первоначальные нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность и многое другое.

Во-вторых, как известно, во всех развитых странах мира местное самоуправление создавалось в несколько этапов, и этот процесс носил исторически длительный характер. В силу высоко взятых политических трансформаций у Севастополя времени для «эмпирического анализа» и «глубинных прогнозов» не было, поэтому пришлось строить Рим буквально «за один год». И главными архитекторами были, безусловно, сами главы внутригородских муниципальных образований, муниципальный депутатский корпус, которому впервые как на

практике, так и в теории пришлось решать вопросы развития своих территорий, вопросы местного значения, не имея на это особых полномочий. В итоге уже сейчас, год спустя после проведения первых муниципальных выборов, к реализации своих полномочий в полном объеме приступили сформированные органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления образованных в результате преобразования муниципальных образований.

Безусловно, это был первый этап и первый созыв состава организации и развития местного самоуправления – создание внутригородских муниципальных образований. Безусловно, и профильному управлению Правительства пришлось от «А» до «Я» изучить и разработать всю эту дорожную карту и весь этот процесс развития МСУ в регионах. Нужно признать, немало удалось сделать, специалисты старались работать ответственно в тандеме с муниципалитетами, их главами и депутатами. Безусловно, это был положительный результат и опыт плодотворного творческого взаимодействия исполнительной, законодательной и муниципальной власти, системы местного самоуправления.

Новая власть, новые требования, новые веяния. Но время, как и власть, меняется. Избран новый Губернатор Севастополя, новое Правительство, новые чиновники. Практически весь чиновничий состав прибыл из материковой России. Оказалось, что в славном нашем городе Севастополе нет достойных местных специалистов в области государственного управления. Избраны новые, с опытом региональной практики подходы и модели по развитию МСУ в г. Севастополе. Которые, увы, по настоящее время так и не нашли своего положительного применения и эффективной реализации. Практически проблемы те же, некоторые из них еще в большей степени усугубились и обострились.

И источник проблемы здесь в одном, он, как глубокая постоянно кровоточащая рана, – это проблема поиска оптимального эффективного взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления. Ведь наделение или исключение органов МСУ отдельными государственными полномочиями – это исключительно компетенция органов государственной власти! Именно государственной власти законодательно даны полномочия в отношении МСУ: право местных сообществ граждан на местное самоуправление, компетенцию,

права и обязанности органов местного самоуправления; гарантии политической, экономической и организационной самостоятельности местного самоуправления; формы контроля за местным самоуправлением; минимальные стандарты услуг, оказываемых органами самоуправления населению. Власть следит за их выполнением, гарантируя тем самым определенную защиту населения в случае неэффективных действий или бездействия местных властей и др.

В чем же суть проблемы? Где этот зловещий «камень преткновения»? Проблема в том, где необходимо провести эту четкую границу между функциями системы государственного управления и местного самоуправления, когда местные органы должны эффективно осуществлять «вопросы местного значения» и таким же образом решать определенные задачи и функции, делегированные им государственной властью. *Нужно честно признать: в настоящее время еще не сложилась такая система.* Сегодня она все чаще приобретает противоречивый, даже полярный характер взаимоотношений между государственной властью (губернатором, Правительством) и органами МСУ, где все же последнее слово остается за государством, а не обществом. И сегодня есть немало недопониманий между Правительством, его отдельными структурными департаментами и муниципалитетами, которые можно объяснить и «притиркой» видения некоторых госполномочий, особенно в сфере ЖКХ, а также наличием человеческого фактора в «синих героических мундирах». Главы многих муниципальных округов жалуются, что курирующие департаменты Правительства, в частности городского хозяйства, не всегда торопятся проводить разъяснительную работу с сотрудниками муниципалитетов, порой даже игнорируют проблемы, каким образом и где можно более эффективно и результативно решить вопросы, связанные с осуществлением благоустройства контейнерных площадок, ТБО, ремонта внутриворотовых дорог и др. Соответственно, в Севастополе при таком отношении Правительства не сможет сложиться система единой муниципальной оппозиции и муниципальной элиты как самостоятельной муниципальной власти. И это является одной из причин, когда некоторые главы муниципальных образований занимают конформистскую позицию, понимая ограниченность своих возможностей. Поэтому система МСУ в Севастополе как еще только

формирующийся институт гражданского общества не сложилась и с не меньшей степенью эффективно продолжает подавляться государственной властью, ее статусно-правовыми, финансово-экономическими и др. методами.

И какой же выход из этой ситуации дистанцированного «недопонимания»? Есть ли он вообще? Безусловно, есть! Эта естественная «борьба противоречий» перерастет в «диалектическое единство», когда система коммуникаций между государственной (государство) и муниципальной (общество) системами власти будет строиться на несколько иной модели коммуникационного искусства – **«Модели уважения и партнерства»**, которая рассматривает отношения местных и центральных властей как отношения партнеров и равноправных товарищей, преследующих общие цели и оказывающих необходимые услуги населению. В рамках данной модели МСУ рассматривается, в первую очередь, как органичный элемент самовыражения соответствующего местного сообщества, благодаря которому его граждане имеют возможность самостоятельно организовать в своих интересах необходимые им службы.

В соответствии со ст. 2 Европейской хартии, *местное самоуправление — это основа конституционного строя*, выступающая одним из важнейших принципов организации и функционирования власти в обществе и государстве, которая является необходимым атрибутом любого демократического строя. Это означает установление демократической децентрализованной системы управления, которая базируется на самостоятельности территориальных громад, органов местного самоуправления при решении всех вопросов местного значения. В этой связи органы государственной власти, Департамент территориального развития как профильный орган в первую очередь, не то что должны, а обязаны не только создавать правовые и экономические основы развития системы местного самоуправления, всех органов муниципальных образований, но и активно объяснять населению государственную политику в сфере развития местного самоуправления, способствовать тому, чтобы севастопольцы имели реальную возможность и желание активно участвовать в решении вопросов местного значения, территориальном общественном самоуправлении.

Что же нам всем в таком случае делать? Чтобы в Севастополе система местного самоуправления эффективно заработала и мы все – и чиновники, и общественники, и народ простой

– были счастливы этим «чудом», необходим новый доверительный виток диалога и отношений лидеров государственной, включая законодательную, власти и местного самоуправления **в трех вещах**: расширенный круг полномочий по сравнению с тем, что закреплен сейчас; местный бюджет, наполненный собственными доходами, и муниципальное имущество и собственность.

Первую мечту они вполне способны осуществить самостоятельно, не оглядываясь с опаской в сторону государственной власти. Небольшая ретроспектива: многие севастопольцы помнят «эпопею» с принятием закона 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»: законодательная и исполнительная ветви власти долго согласовывали свои позиции, что завершилось неким подобием «симбиоза» совместного компромисса. Реальных полномочий муниципальная власть так и не получила, но возможность их приобрести все-таки существует, причем несколькими способами: во-первых, муниципальные депутаты могут самостоятельно обратиться к Законодательному Собранию с предложением добавить конкретные полномочия в закон; во-вторых, Правительство Севастополя по результатам деятельности органов местного самоуправления может делегировать часть своих (государственных) полномочий.

В результате вышло эдакое «соломоново решение»: пока неопытные руководители местных органов власти (большинство из которых впервые получили возможность служить народу с депутатского кресла) изучают особенности новой работы, законодатели и чиновники «оберегают» их от опасности совершения ошибок, которые могли бы негативно отразиться на жизни города. Но как только их деятельность принесет положительные результаты в рамках границ муниципальных округов, «круг» вопросов местного значения и полномочий для их решения должен существенно расшириться.

Сегодня представляется целесообразным законодательно наделить муниципалитеты более существенными полномочиями, кроме тех немногих, которые они имеют, например: в сфере благоустройства территорий муниципального округа, озеленения территорий в границах своего округа, содержания мест захоронения (кладбищ), организации ритуальных услуг, транспортного обслуживания населения своего округа, создания условий для обеспечения жителей своего муниципального округа сферой общественного питания, торговли и бытового обслуживания, деятельности муниципальной милиции, муниципальной пожарной охраны (для муниципальных образований сельской местности) и в других важных вопросах. Наделение этими и другими полномочиями муниципалитетов позволило бы им в полной

мере и оперативно решать вопросы развития местного самоуправления в городе Севастополе по качественному обустройству территорий в собственных границах и предоставлению соответствующих муниципальных услуг, а также повысить их ответственность, исключить дублирование государственных полномочий с департаментами Правительства. Безусловно, наделение тех или иных муниципальных образований определенными полномочиями следует проводить дифференцированно. Если для Гагаринского или Ленинского муниципалитета, к примеру, содержание мест захоронения (кладбищ) не является актуальным полномочием, то для Андреевского, Верхнесадовского, Качинского или же Орлиновского муниципалитетов это объективная необходимость. В случае наделения органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Севастополе отдельными государственными полномочиями необходимо внести соответствующие изменения в Государственную программу города Севастополя «Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры города Севастополя на 2017-2022 годы».

В этом году в ведении севастопольских муниципалитетов было десять полномочий – в основном в сфере благоустройства (сан. очистка, озеленение, вывоз мусора, ремонт внутриквартальных дорог). Предполагалось, что сносить незаконные НКО (ларьки) будут тоже районные администрации. Но к осени власти решили, что с этой функцией эффективнее справится управление потребительского рынка и лицензирования.

А со следующего года полномочия на местах расширятся – это депутатам пообещал Губернатор. По прогнозам Овсянникова, в 2018-м районам добавят денег, и финансирование составит 400 млн. рублей, а в 2019-м – порядка 700 млн. рублей. Ожидается, что селам добавят ответственности по дорогам (150 млн. рублей).

И в этом вопросе имеет место диалог, Правительством совместно с муниципалами готовится изменения к законопроекту, в котором предусматривается наделение органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований города Севастополя еще дополнительными отдельными государственными полномочиями в вопросах ЖКХ, административных правонарушений, предусмотренных статьями 5, 9, 11.1 и 11.2 Закона № 130-ЗС; по определению перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы по выявлению и постановке на кадастровый учет бесхозяйного имущества на территории внутригородских

муниципальных образований города Севастополя; по реализации мероприятий по содержанию и благоустройству пляжей и других. С 01 апреля 2017 года в соответствии с законом города Севастополя №314-3С органами местного самоуправления города реализуются 10 отдельных государственных полномочий, 9 из которых в сфере городского хозяйства. Важно другое – чтобы этот перечень госполномочий, включая дополнительный, получил полный обоснованный объем финансового обеспечения. Будем считать, что **первая мечта** о делегировании МСУ в 2018 году переданных государственных полномочий положительно реализуется и скажется на качестве предоставляемых жителям услуг и благоустройстве города Севастополя в целом. А пока мы богаты только надеждой на ЭТО!

Вторая муниципальная мечта – это мечта о собственном местном достойном бюджете. Уверен, и она не останется в Севастополе несбыточной. В принципе, местная казна может иметь несколько источников: местные налоги и сборы (опять же, если это будет предусмотрено в законах Севастополя), прибыль муниципальных предприятий, доходы от муниципального имущества. Вот тут и начинается самое интересное. *Нужно понимать: если муниципальные образования не имеют собственного бюджета, то о реальном местном самоуправлении не может быть и речи.* Поэтому сегодня муниципальные образования активно и настойчиво должны заниматься созданием местных бюджетов через увеличение собственных доходных источников. Доходы местных бюджетов обычно складываются из четырех основных частей: налогов, неналоговых доходов, субсидий и дотаций из центрального бюджета и займов. Одним из наиболее важных источников доходов местных бюджетов являются налоги, которые составляют от 10 % ресурсов местных бюджетов в Италии и Ирландии до 40 % в Дании и Франции. Менее значительную роль в местных бюджетах играют неналоговые доходы. К ним относятся доходы от собственности, принадлежащей местным органам власти, от коммунальных услуг, коммерческой деятельности, продажи недвижимости, штрафов, денежных сборов. Они колеблются от 10 % до 25 % поступлений в местные бюджеты.

Нужно отметить, что реальные полномочия и «живые» деньги на местах муниципалы впервые увидели только в апреле прошлого года – после вступления в силу закона о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Напомним, всего в регионе десять муниципалитетов, совокупный

бюджет которых на 2017 год был равен 155,5 млн рублей. Честно сказать, сумма далеко не астрономическая. Однако к октябрю прошлого года стало понятно: освоение составляет всего 49 % (за девять месяцев было заключено контрактов всего на 76 миллионов). Тогда же на одном из заседаний правительства Губернатор Дмитрий Овсянников возмутился: «дороги не ремонтируются, деверья не высаживаются, детские площадки не строятся и т.п.».

Возникает вопрос: а только ли севастопольские муниципалы виноваты в создавшейся ситуации? Они, впервые в прошлом году получившие финансирование, столкнулись со сложностями при освоении бюджетов. Вначале вообще муниципалы буквально «захлебнулись» с новыми делегированными «государственными» полномочиями и необходимостью работать по 44-ФЗ. К октябрю 2017 г. муниципалы освоили лишь 49 % средств, а после, того как губернатор пригрозил отставками, процесс гораздо но ускорился. Безусловно, в этом деле главное не отчеты с фотографиями (как было и что стало), а результаты работы. «На ковер» Губернатор практически вызывал всех глав ВМО совместно с директором Департамента по территориальному развитию В. Демидовым, поочередно доставалось всем. После разъяснительных бесед объявили аутсайдеров: ими стали муниципальные образования Терновского и Гагаринского муниципальных округов. Лучшими были названы сельские муниципальные образования – Орлиновский и Качинский ВМО.

Следует признать, что с освоением средств бюджета муниципалитетами Севастополя ситуация постепенно выравнивается. На то были и серьезные сложности. Ведь госполномочия распределили муниципалам с первого апреля прошлого года, а это не полный финансовый год. По сути, было мало времени, чтобы урегулировать эти вопросы. Иначе говоря, муниципалитеты готовы и способны учиться и делать выводы. По оценке Правительства, в среднем на 10 % повысился процент освоения средств в «проблемных» муниципалитетах. Показатели в Гагаринском увеличились до 29,7 % (прирост 11 %). Кроме того, там завершены торги на 32 %. В процессе проведения торговых процедур находится 25 % от объема выделенной субвенции. При этом Ленинский район показывает к середине ноября прошлого года прирост только 8,2 %, что в итоге дает освоение 44,8% от плана. В этом случае завершены торги по 49 % от объема выделенной субвенции. Еще один аутсайдер – Терновский муниципалитет – улучшил показатели на 3,4 % (в итоге выполнил 30 процентов программы). В процессе проведения торговых процедур находится 68 % от объема выделенной субвенции. В целом по состоянию на конец

прошлого года процент освоения средств бюджета муниципалитетов Севастополя по исполнению переданных государственных полномочий составляет 59,7 %, что составляет более 92,5 млн. руб. Кроме того, с учетом проведенных торгов данный показатель превышает 75 % от объема выделенных субвенций. Иначе говоря, проблем немало, и с каждым годом их будет только прибавляться. И первая проблема, с которой столкнулись на местах муниципалы, это грамотность и оперативность проведения госзакупок по 44-ФЗ, ведь, по сути, с 44-ФЗ муниципалитеты начали работать впервые. Практика показала, что в большинстве муниципалитетов не успели вовремя сориентироваться и подготовить специалистов, способных оперативно работать с системой контрактов. Но работа в этом направлении во всех муниципальных округах успешно продолжается.

Что же касается третьей муниципальной мечты – муниципальной собственности (имущество, земля), она у муниципалов может появиться только тогда, когда власть в лице Правительства Севастополя, в частности Губернатора, эту же самую собственность и выделит. В настоящее время в Севастополе с муниципальной собственностью совсем плохо. Но справедливости ради нужно сказать, что в Правительстве совсем недавно начались «шевеления» в этом направлении. К примеру, директор ДИЗО (Департамент имущественных и земельных отношений) Р. Зайнуллин предлагает ввести бесхозное имущество в оборот и дать возможность муниципальным бюджетам иметь дополнительный источник пополнения. Заниматься выявлением, оформлением и передачей собственности муниципальным образованиям будет ДИЗО. Как пояснил директор департамента, практически всем муниципальным образованиям Севастополя, а их у нас десять, уже передавалось или планируется к передаче подобное имущество. Правда, не отметив, что на правах не собственности, а только оперативного управления, т.е. в любой удобный момент оно может быть возвращено городу. По обещаниям Р. Зайнуллина, вскоре муниципалам собираются передать в собственность более 90 объектов городской недвижимости.

Вопрос в другом. Нужно понимать, что в соответствии с действующим законодательством муниципальная собственность составляет экономическую основу местного самоуправления и представлена как сочетание трех групп объектов: имущество, находящееся в собственности муниципального образования, средства местного бюджета, имущественные права. Действительно, разграничение собственности в Севастополе на государственную и муниципальную – большая проблема. К тому же отсутствует и

должная нормативная база, которая регулировала бы данные отношения. Особенно это заметно сегодня, в условиях перераспределения полномочий.

Отсутствует единая база данных объектов собственности (каждый объект собственности ведется отдельно в каждой базе). И начать процесс следует, прежде всего, с немалого количества *бесхозного имущества* в муниципальных округах. Там полным-полно заброшенных зданий бывших магазинов, домов быта, коровников, теплиц и прочего движимого и недвижимого имущества, и все это нужно передать в собственность муниципальным образованиям Севастополя. Формально муниципалитетам Правительство уже передало примерно 420 таких объектов. Создана межведомственная рабочая группа по передаче таких объектов муниципалитетам. Правительство обещает, что их список будет готов, а передача имущества должна произойти весной этого (2018) года. Посмотрим, как выполняет свои обещания Правительство. Хотелось бы посоветовать и самим муниципалам не сидеть, сложа руки, а ежедневно действовать в этом направлении.

Нужно учиться практике в других регионах РФ. Так, к примеру, в большей части регионов в муниципальную собственность переданы сотни предприятий, объектов торговли, общественного питания, здравоохранения, культуры, образования и др. В бюджеты городов и районов зачисляется значительная часть федеральных налогов – НДС, налога на прибыль, подоходного налога с физических лиц, акцизы и платежи за пользование природными ресурсами, благоустройство их территорий и мн. другое. В местные бюджеты некоторых регионов поступает большая часть налога на имущество предприятий и налога на нужды образовательных учреждений. Для сельских и поселковых местных администраций приобретает большое количество автомашин, выделяются средства на благоустройство населенных пунктов, на материальную поддержку сельских старост.

Таким образом, вторая и третья мечты тоже имеют все основания сбыться. А счастливый муниципал, как известно, хорошо работает на благо своих избирателей. Следовательно, только когда эти три «вещи» – расширенный круг существенных полномочий по сравнению с тем, что закреплен сейчас, местный бюджет, наполненный собственными доходами, и муниципальная собственность – достойно осчастливят нашего «местного» муниципала, только в таком случае местное самоуправление в Севастополе станет реальным и эффективным!

Межмуниципальное сотрудничество. Несмотря на то, что опыт Севастополя уникален, наше местное самоуправление существует

не изолированно от внешнего мира. Подтверждение тому – активное межмуниципальное сотрудничество между органами местного самоуправления Севастополя и Москвы, Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов России.

Муниципалы в полной мере используют возможность обмена опытом, которую предоставляют коллеги из других регионов. И это действительно необходимо, ведь становление местного самоуправления – это многоэтапный и динамичный процесс, требующий не только исключительного энтузиазма (чего севастопольским муниципалам и так не занимать), но и опыта, специальных знаний и навыков. Мы должны активно сотрудничать. Мы должны четко вливаться в общую систему управления, исходя из принципов эффективности. Если что-то неэффективно, значит, должно быть передано на те уровни, на которых это будет исполняться эффективно. Это в общих интересах, это элементарные вещи.

Краткое резюме. События пары прошлых лет показали, что в центре системы местного самоуправления должны стоять интересы человека, условия для человеческого развития, качество жизни людей. Политическая, социальная и экономическая ситуация в городе федерального значения Севастополе сейчас предоставляет уникальный шанс для того, чтобы придать местному самоуправлению реальные возможности для укрепления политической, административной и финансово-экономической самостоятельности местных сообществ, повышения эффективности и качества предоставляемых услуг, направленных на всестороннее человеческое развитие. И это только начало становления сильного, качественно нового, реально действующего местного самоуправления в Севастополе!

Литература:

1. [Закон города Севастополя от 30 декабря 2014 № 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»](http://sevastopol.gov.ru). Официальный сайт Правительства Севастополя <http://sevastopol.gov.ru>.
2. [Закон города Севастополя от 26 марта 2018 № 408-ЗС «О внесении изменений в Закон города Севастополя от 30 декабря 2014 года №102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»](http://sevastopol.gov.ru). Официальный сайт Правительства Севастополя <http://sevastopol.gov.ru>.
3. [Закон города Севастополя от 26 марта 2018 № 407-ЗС «О внесении изменений в статью 32 Закона города Севастополя от 30 декабря 2014 года № 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»](http://sevastopol.gov.ru). Официальный сайт Правительства Севастополя <http://sevastopol.gov.ru>.

4. [Закон города Севастополя от 25 июля 2017 № 358-ЗС «О внесении изменения в Закон города Севастополя от 25 июля 2014 года № 46-ЗС «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории города Севастополя»](#) [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

5. [Закон города Севастополя от 28 декабря 2015 № 224-ЗС «О внесении изменения в Закон города Севастополя от 14 августа 2014 года № 61-ЗС «Об установлении единых нормативов отчислений от отдельных налогов и сборов в бюджеты внутригородских муниципальных образований города Севастополя»](#). [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

8. [Закон города Севастополя от 20 июля 2015 № 168-ЗС «Об утверждении заключения Договора о побратимстве между городом Бологое муниципального образования «Бологовский район» и городом федерального значения Севастополем»](#). [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

9. [Закон города Севастополя от 17 апреля 2015 № 131-ЗС «О внесении изменений в Закон города Севастополя от 3 июня 2014 года № 25-ЗС «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в городе Севастополе, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов...»](#). [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

10. [Закон города Севастополя от 14 августа 2014 № 61-ЗС «Об установлении нормативов отчислений от отдельных налогов и сборов в бюджеты внутригородских муниципальных образований города Севастополя»](#). [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

11. [Закон города Севастополя от 3 июня 2014 № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе»](#). [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru).

12. Постановление Правительства Севастополя «О внесении изменения в постановление Правительства Севастополя от 16.03.2017 N 208-ПП «Об утверждении Порядка предоставления и расходования субвенций из бюджета города Севастополя бюджетам внутригородских муниципальных образований города Севастополя для реализации отдельных государственных полномочий по выполнению мероприятий в сфере благоустройства». [Официальный сайт Правительства Севастополя http://sevastopol.gov.ru](http://sevastopol.gov.ru)

13. Официальные сайты внутригородских муниципальных образований города. Севастополя. Официальный сайт Правительства Севастополя <http://sevastopol.gov.ru>.

УДК 316.4

**ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: ПРОБЛЕМАТИКА
ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО**

Вагина В.О.,

стажер-исследователь Лаборатории исследования и экспертизы социальных практик на Юге России Института социологии и регионоведения ЮФУ, магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону;

Пантелеев В.Г.

Аннотация. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией существенно повлияло на состояние защищенности национальных интересов нашей страны. Можно констатировать, что в сфере международной политики сформировался так называемый «крымский вопрос», который превращается в один из приоритетных факторов, определяющих уровень национальной безопасности России в XXI столетии. Крым на длительное время оказался в эпицентре интересов главных геостратегических игроков, что привлекает к нему особое внимание мирового сообщества.

Ключевые слова: мировая политика, санкции, референдум, Республика Крым, регион, геополитическая реальность, русский мир, международные отношения, консолидация, интеграция.

Воссоединение Крыма с Россией, которое произошло в марте 2014 года, – событие исторического масштаба. И оно влечёт за собой ряд определённых значимых последствий. В их числе не только восстановление исторической справедливости, увеличение территории и населения страны, сохранение геополитически важной базы русского флота. И последствия не исчерпываются содействием соотечественникам, находящимся в сложном положении. Воссоединение Крыма и России включает в себя все это. Но всё же ключевым остаётся событие возвращения России в большую мировую политику. Теперь уже не на словах, а на деле. И это признали все ведущие мировые игроки.

Санкции США и Евросоюза есть не что иное, как признание нового статуса России. Ведь даже в 2008 году, во время и после кризиса в Южной Осетии, практически никаких санкций не было введено. Хотя в Осетии шли настоящие боевые действия, которые вела российская армия для того, чтобы принудить к миру вторгнувшегося агрессора. В противоположность этому, казалось бы, присоединение Крыма – это первый шаг к воссоединению бывших постсоветских республик и созданию могущественной державы.

Но с другой стороны, именно это событие обострило отношения между Россией и Украиной, а также отношения с мировыми лидерами, такими как США и страны ЕС, что возможно приведет к негативным экономическим последствиям для России. В итоге референдума, прошедшего на территории Крыма, за реинтеграцию республики в состав России проголосовало 96,77 %.

Сегодня Крым – камень преткновения между Россией и Украиной. В этот спор, как мы знаем, вмешались также внешние участники, США и государства-члены ЕС, которые не признают акт воссоединения Крыма с Россией, квалифицируя его как аннексию.

Крым играет особую роль в русской истории, а также является уникальным регионом в исторической перспективе. Полуостров в древности был северным форпостом античного мира. Здесь в VI веке до нашей эры была основана греческая колония Херсонес Таврический. Предки восточных славян поддерживали многосторонние контакты с греками и Херсонес географически был важнейшим связующим звеном в этих контактах. Позднее Херсонес попал под влияние Древнего Рима. Именно через Херсонес, согласно преданию, лежал путь святого апостола Андрея Первозванного, который первым проповедовал Слово Божие в тех землях, на которых впоследствии возникла Русь. Так же в Крыму во времена правления императора Траяна (рубеж I-II веков нашей эры) мученическую кончину принял предстоятель Римской церкви, ученик апостола Петра, папа Климент, который широко почитается русскими православными верующими.

Позднее Крым стал форпостом Византийской Империи в северном Причерноморье. Для русской цивилизации это имело определяющее значение, поскольку именно от Византии Русь, как и многие другие славянские народы, восприняла свет Христовой Истины. По преданию, в Херсонесе были славянские учителя – равноапостольные Кирилл и Мефодий. Наконец, в Херсонесе, согласно церковному преданию и историческим свидетельствам, принял крещение русский киевский князь Владимир, ставший крестителем всея Руси.

Этнический состав населения Крыма всегда отличался особым многообразием. Важную роль в истории Крыма, до момента его вхождения в

состав России в XVIII веке, сыграли греки, готы, хазары, армяне, генуэзцы, татары.

События, произошедшие в конце 2013 – начале 2014 года, стали катализатором ситуации, которая назревала на протяжении двух предшествующих десятилетий нахождения Крыма в составе Украины. Крымчане внимательно следили за событиями в Киеве и делали соответствующие выводы. Было очевидно, что главной ударной силой «майдана» были именно радикалы-националисты. В конце февраля 2014 года возникла ситуация безвластия, когда центральные органы власти и, в особенности, силовые структуры полноценно не функционировали, тем самым предоставив вооруженным радикалам возможность захвата власти путём совершения государственного переворота, в результате которого президент Украины был вынужден спешно покинуть страну и переехать в Россию. Именно при этих обстоятельствах Президент России Владимир Путин принял решение о том, чтобы встать на защиту населения Крыма.

16 марта 2015 года в Крыму состоялся референдум, который прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами. В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. Объявляя о своей независимости, назначая референдум, упомянул в выступлении Владимир Путин, «Верховный Совет Крыма сослался на Устав Организации Объединённых Наций, в котором говорится о праве нации на самоопределение». К слову, и сама Украина, объявляя о выходе из СССР, сделала фактически то же самое. На Украине воспользовались этим правом, а крымчанам в нём отказывают.

Кроме того, крымские власти опирались и на известный косовский прецедент, созданный нашими западными партнёрами, что называется, своими собственными руками: в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, отделение Косово от Сербии было признано легитимным, демонстрируя, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется.

Абсолютно очевидно, что волеизъявление жителей самого Крыма, как и его воссоединение с Россией – торжество исторической справедливости. Верующие православные видят в этом акте проявление промысла Божьего, поскольку подписание указа Президента России Владимира Путина произошло в день поминаения святителя Луки, исповедника, архиепископа Крымского, уроженца и небесного покровителя Крымского полуострова.

Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией существенно повлияло на степень защищённости национальных интересов нашей страны. Можно констатировать, что в сфере международной политики

сформировался так называемый «крымский вопрос», который превращается в один из приоритетных факторов, определяющих уровень национальной безопасности России в XXI столетии.

Можно без преувеличения сказать, что, как и 160 или 70 лет назад, в настоящее время всё внимание России и мировой общественности приковано к Севастополю и Крыму. Легендарный город-герой и, не менее легендарная Республика Крым, в очередной раз встали на защиту русского мира и, по большому счёту, российской государственности. Не подчинившись самопровозглашенному руководству Украины, пришедшему к власти в результате вооруженного переворота, Республика Крым и город-герой Севастополь подняли российский флаг.

21 марта 2014 года по итогам состоявшегося ранее, 16 марта, референдума в г. Севастополе и на территории Республики Крым были образованы два новых субъекта Российской Федерации в составе 9-го федерального округа – Крымского.

В результате сложилась новая геополитическая ситуация. Россия фактически вернулась в акваторию Чёрного моря в качестве полноправного субъекта международных отношений, с мнением и позицией которого придется считаться по всем региональным вопросам, в том числе и вопросам безопасности, экономической деятельности, мореплавания и т.д. Открываются и новые возможности для социально-экономического развития Крымского федерального округа и Российской Федерации в целом, а также для отдыха и туризма, которые должны прийти на смену военному туризму, осуществлявшемуся под эгидой НАТО и, в первую очередь, ВМС США. С этой позиции, конечно же, можно понять едва ли не истеричную реакцию руководства этих структур на воссоединение Крыма и Севастополя с Россией.

Столько сил и средств было вложено по вовлечению Украины в НАТО, освоению ее военной инфраструктуры, созданию положительного имиджа Североатлантического альянса среди украинского населения и другим аналогичным акциям. Курортные зоны Крыма, например, были увешаны билбордами «НАТО + Украина = безопасность». В Севастополе был открыт филиал всеукраинской организации «Содействие НАТО». И вдруг в одночасье перспектива закрепиться в стратегически значимом регионе Черного моря – в Крыму – для США и НАТО превратилась в недостижимую цель.

Социально-политически реальным является то, что самым разделенным (дисперсным) народом в мире оказался русский народ: более 25 миллионов русских проживают за пределами России. При этом в эту цифру не входят наши соотечественники других национальностей, которые в новых

независимых государствах относят к категории русскоговорящих. Из них порядка двух миллионов – в Крыму и Севастополе.

Сама по себе передача Крыма и Севастополя в состав Украины, оформленная решением заседания Президиума ЦК КПСС 25 января 1954 года (п.11 протокола №49), являлась проявлением незаконного, неправомерного решения судьбы жителей этих регионов России. Это был своеобразный «подарок» ЦК КПСС ЦК Компартии Украины в ознаменование 300-летия Переяславской рады, принявшей решение об объединении территории Украины, находящейся под властью запорожских гетманов (Гетманщины) с Россией.

Юридически это было оформлено Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 5 февраля 1954 года.

После вхождения Крыма в состав Украинской ССР и после того, как Украинская Советская Республика, к которой в начале 20-х гг. большевики присоединили несколько русских областей (две из которых после объявления о своей независимости от Киева подверглись вооруженной агрессии ВСУ), стала независимым государством, русские по-прежнему представляли этническое большинство среди жителей Крыма: из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова – почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком, и порядка 290-300 тысяч крымских татар. При этом русское этническое большинство было вынуждено жить под постоянным давлением. Как мы знаем, после распада Советского Союза на Украине последовательно укреплял свои политические позиции этнический национализм, причем зачастую в самых крайних и радикальных его формах. Это обстоятельство усугубило протестные настроения жителей Крыма.

Можно только удивляться, о каком «европейском выборе» Украины может идти речь, когда в этой стране героизируются пособники нацистов, устанавливаются им памятники, а также прославляются организации, повинные в преступлениях против человечности, совершенные в годы Второй мировой войны.

Важно подчеркнуть молниеносный, и даже взрывной характер исторического возвращения Крыма в состав России в знаменитые сегодня на весь мир дни Крымской весны. Все прошло настолько стремительно и без единого выстрела, что никто тогда не думал о трудностях будущей интеграции Крыма в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской Федерации. Более того, абсолютное большинство крымчан восприняли эти события как возвращение домой. А дома, как известно, и стены помогают. Поэтому подсознательно крымчане как бы заранее готовили себя к трудностям переходного периода, понимая их

временный характер. Никто из них не сомневался в возможностях российского государства по выполнению взятых им обязательств перед жителями полуострова.

Собственно, так оно и получилось. Крымчане с пониманием и терпением переносят все трудности переходного периода, не испытывая при этом ни малейших разочарований в своем историческом выборе на Всекрымском референдуме. Это основополагающий вывод, которым нужно руководствоваться при характеристике особенностей и рисков, определяющих процесс интеграции Республики Крым в российское государственное пространство.

Лучшим доказательством к сказанному является высочайший уровень консолидации крымского сообщества вокруг имени Президента Российской Федерации. Все социологические опросы демонстрируют поддержку Владимира Владимировича Путина на уровне не ниже 93-94 процентов опрошенных крымчан. Постоянно высокой остаётся поддержка крымчанами и Главы Республики Крым и Председателя Государственного Совета. Всё это также свидетельствует о высокой степени готовности подавляющего числа жителей Республики терпеливо сносить трудности переходного периода, которые не вступают в противоречие с их историческим выбором в пользу воссоединения с Россией.

Таким образом, Крым на длительное время оказался в эпицентре интересов фигур на геостратегической арене, что привлекает к нему особое внимание мирового сообщества. А также накладывает особого рода ответственность за положение здесь дел, как на Российскую Федерацию в целом, так и, в первую очередь, на руководство Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Не забывая при этом, разумеется, о мере ответственности всего российского общества и его органической части в лице крымского сообщества.

По сути дела Крым превратился в прифронтовую зону особой ответственности в столкновении геостратегических интересов Запада и России, где Украине отведена роль буфера по недопущению их прямого военного столкновения. Во всяком случае, по состоянию на текущий момент. Уже только это придёт Крыму особый статус в продвижении стратегии и темпов его интеграции в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской Федерации. Такой статус, прежде всего, предполагает соблюдение специального режима управления при осуществлении комплексного подхода к реализации комплекса интеграционных мероприятий переходного периода.

Естественно, что такой переходный статус кроме защитной функции крымских интересов несёт также целый ряд сопутствующих рисков при их непосредственной реализации. Большинство таких рисков является

следствием инерционного влияния на психологическое состояние крымчан политико-правовой ситуации на Юго-Востоке Украины в сочетании с инфраструктурной зависимостью полуострова при разрыве сложившихся связей с украинским материком. Всё-таки 23 года пребывания в составе Украины не прошли бесследно для формирования у населения полуострова определенных психологических стереотипов зависимости от украинского государства, которые проявились в навязывании автономии соответствующей этим стереотипам экономической модели в её развитии.

В число таких политических рисков, прежде всего, входит неопределенность развития крымско-татарского фактора. К сожалению, на сегодня ни у федерального центра, ни у крымского руководства нет четкого понимания путей интеграции крымских татар в политико-правовое пространство Российской Федерации. Между тем неприятие новых исторических реалий в крымско-татарской среде не только не смягчается, но и в определённом смысле ужесточается.

Понадобится определённое время, прежде чем в российском Крыму в противовес проукраинской политике прежнего состава межджлиса, бессменными лидерами которого были Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров, сформируется новая крымскотатарская элита, которая сумеет принять новые исторические реалии и выстроить адекватную линию интеграции своего народа в государственное пространство Российской Федерации. Важно чтобы федеральный центр и крымское руководство создали благоприятные условия для практической реализации этой цели. Успех предприятий подобного характера позволит максимально минимизировать риски крымскотатарского фактора.

Следующий «пакет рисков» для успешной интеграции Республики Крым в государственное пространство Российской Федерации лежит в плоскости инерционного влияния инфраструктурной зависимости полуострова от материковой части Украины. Речь идёт о привычных поставках с материка Украины электроэнергии, угля, днепровской воды и продовольствия. К этому также следует добавить блокаду со стороны Украины исторически сложившихся транспортных коридоров, по которым помимо грузовых перевозок осуществлялись перевозки пассажирские. К сожалению, нынешняя ситуация на Юго-Востоке Украины не способствует разблокированию транспортных коридоров, что негативно сказывается на объёмах поставок в Крым многих видов традиционных товаров, а также на снижении прежних пассажиропотоков. Но стоит отметить, что проделана большая работа – Крым уже не зависит от Украины и посредством Крымского моста полностью налажена транспортная связь с Россией.

Стратегической целью пришедших ныне к власти в Украине националистических сил по отношению к Крыму является их неуёмное

желание сделать неподъемным для России содержание полуострова за счет государственного бюджета. Подобная стратегия не лишена определённого смысла и требует от России принятия адекватных сложившейся ситуации ответных мер.

Как бы там ни было, но процесс интеграции Крыма в российское пространство создаёт новые смыслы в поиске ответных мер на внешние вызовы и угрозы, вызванные историческим возвращением полуострова в состав Российской Федерации. Важно, чтобы этот процесс способствовал усилению военно-политической мощи России, а не ослаблял её экономические возможности как внутри страны, так и на международной арене. Именно с этих позиций рассматриваются особенности и риски интеграции Крыма в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской Федерации.

Литература:

1. Чигрин В.А., Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // Вестник Института социологии. 2015. № 4 (15). С. 24–34.

2. Внешнеэкономическая деятельность: Учебник, под ред. Е.Ф. Прокушева. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – 527 с.

3. Роль и значение воссоединения Крыма с Россией. Круглый стол (17 марта 2015 г.) / Под редакцией П.А. Меркулова. – Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015. – 192 с.

УДК 314.145

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ КРЫМА И ЕГО ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕРОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Верещагина А.В.,

д.соц.н., профессор, доцент, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: автор обращается к демографическим проблемам, с которыми сталкивается крымское региональное сообщество, рассматриваются проблемы развития Крыма в контексте его интеграции в общероссийское пространство. Демографическое благосостояние возможно только при консолидированном сообществе и эффективном включении в макространство.

Интеграция Республики Крым в общероссийское пространство актуализирует демографическую составляющую развития Республики Крым как движущую интеграционную силу, определяющую количественный и качественный базис человеческого капитала, выступавшего основой пространственного развития данного региона через показатели воспроизводства населения.

Вместе с тем, показатели последних лет [1] отчетливо фиксируют негативные черты демографической обстановки в Крыму, связанные со снижением рождаемости, ростом смертности, деформацией половозрастной структуры, увеличением в ней численности пожилого контингента, ростом разводов, несбалансированными миграционными потоками. Именно эти факторы под влиянием системного социально-экономического кризиса определили ведущие тренды в социодемографических процессах 80–90-х гг. и детерминируют турбулентное состояние демографической ситуации в Крыму на современном этапе, что негативно сказывается на социальной консолидации крымского регионального сообщества и его интеграции в общероссийское пространство.

Основные публикации последних лет в области демографического развития Крыма связаны с осмыслением неблагоприятной динамики демографических процессов в данном регионе в их связи с самым широким спектром проблем регионального развития: в социально-экономической, политической, социокультурной сферах жизнедеятельности крымского регионального сообщества. Это исследования таких авторов, как Кузнецов

М.М., Нехайчук Ю.С., Нехайчук Д.В., Сидоренко Н.А., Сухарева И.А., Третьякова О.С., Черникова А.Г. [2].

В ряде исследований поднимаются проблемы расселения в Р. Крым, что вызвано влиянием миграционных процессов и изменения в половозрастной структуре и этнической структуре населенных пунктов данной республики (Кучеров А.П., Супрычева Л.И., Засухина В.И., Новосельская В.В., Узнародов Д.И.) [3].

В работах общероссийского характера демографическая ситуация анализируется также с кризисных позиций, что актуализирует в контексте проблемы интеграции крымского регионального сообщества в общероссийское пространство проблему поиска источников демографического неблагополучия в Крыму и в остальных регионах России с целью их устранения, но в рамках общей концепции пространственного развития России, которая обеспечила бы траекторию движения и устранения кризисных факторов в демографической сфере и ее дальнейшее развитие в русле единой стратегии.

Ученые недаром обращают внимание на то, что недавнее возвращение в состав России Крыма с Севастополем свидетельствует о важности изучения и прогнозирования демографической ситуации, характера расселения, специфики национального и языкового состава и связанных с ними этнокультурных и геополитических проблем в приграничных регионах постсоветского пространства [4]. Эта проблема актуализируется тем сильнее, чем значительнее масштаб демографических проблем в общероссийском пространстве страны, многими исследователями связываемыми с трансформацией института семьи и ее демографического поведения [5].

В целом, если проанализировать сложившиеся направления и точки зрения в области исследования демографических процессов в Крыму, то можно выделить в качестве наиболее устоявшихся позиций те, в которых указывается на:

- кризисные факторы в функционировании демографической сферы крымского социума, связанные со снижением рождаемости, ростом смертности, деформацией структуры территориальных поселений (половозрастной, этнической);

- факторы снижения качества населения с точки зрения уровня его физического и духовного здоровья (роста заболеваемости, смертности, снижения репродуктивного потенциала, увеличения числа разводов в семьях);

- трансформация этнокультурной и социальной структуры региона в контексте влияния миграционных процессов и характера взаимодействия двух основных «этнических акторов» – русских и крымских татар.

В целом, можно заключить, что характер демографических проблем, с которыми сталкивается крымское региональное сообщество, во многом идентичен общероссийской демографической ситуации, что определяет значимость широкого спектра теоретических и прикладных работ в этом направлении, однако, прослеживается явный недостаток исследований, раскрывающих специфику демографического развития Крыма в совокупности комплекса влияющих на данный процесс факторов, а также отсутствие работ, рассматривающих демографические проблемы развития Крыма в контексте его интеграции в общероссийское пространство.

А с учетом актуализации вопросов, связанных со стратегией пространственного развития России, в основе которого находится изменение территориальной организации системы расселения и экономики, необходим самый глубокий анализ демографической ситуации в Крыму с целью выявления демографического потенциала данного региона и перспектив его развития в контексте социальной консолидации регионального сообщества, ибо только консолидированное сообщество может не только эффективно включиться в макространство, но и стать источником благополучного сценария его развития на основе понимания общих целей и задач пространственного развития и видения конечного результата.

Важнейшим направлением и принципом пространственного развития страны является полицентрическое развитие, предполагающее формирование и рост числа центров экономического роста с конкурентоспособной экономикой и системой эффективных региональных связей и взаимодействий. Полагать, что экономическая эффективность подобного центра (в данном случае Крыма) может быть достигнута вне наращивания и развития демографического потенциала региона в индикаторах качественного и количественного человеческого капитала, конечно же, невозможно, что определяет высокую научную и социальную актуальность социологических исследований демографических процессов в Крыму как включенных в широкую палитру социальных и культурных процессов.

Такого рода исследования предполагают использование теоретического и прикладного опыта многих смежных дисциплин социально-гуманитарного блока, что становится возможным в рамках методологии мультидисциплинарного социологического исследования. Это предполагает использование аналитических, интерпретационных и диагностических

познавательных процедур, связанных с решением научных задач в рамках предметного поля социологической науки с помощью методологических подходов и методов других научных дисциплин.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики Республики Крым // http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/
2. Кузнецов М.М. Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым // *Общество: политика, экономика, право*. 2015. № 6. С. 30-37; Сидоренко Н.А. Роль миграции населения в социально-демографическом развитии Крыма второй половины XX века // *Молодой ученый*. 2014. №14. С. 229-233; Сухарева И.А. Сравнительная характеристика заболеваемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в Республике Крым // *Медицинский альманах*. 2016. №1 (41). С. 14-15; Черникова А.Г. Влияние крымского кризиса на уровень и качество жизни населения // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. 2014. №1 (138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-krymskogo-krizisa-na-uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya>
3. Кучеров А.П., Супрычева Л.И., Засухина В.И. Типологизация сельских населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения // *Крымский научный вестник*. 2015. №6. С. 169-180; Узнародов Д.И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2016. №3 (191). С. 60-66; Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтничный социум // *Гуманитарий Юга России*. 2016. № 4. С. 84-94.
4. Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. 368 с. С. 9.
5. *Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Кортаев А.В., Шульгин С.Г.* Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // *Социологические исследования*. 2017. № 3. С. 43-50;
6. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: [монография] [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии

РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 2016;

7. Vereshchagina, A., Samygin, S. & Stanislavsky, P. (2015). Family in the context of ensuring demographic security of Russian society: methodological research directions. *European Journal of Science and Theology*, August 2015, Vol.11, No.4, pp. 53-63. Retrieved from http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/53/Contents%2011_4_2015.pdf

УДК 316.4

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К
ИССЛЕДОВАНИЮ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ КАК
ОБЩЕЙ ПЛАТФОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ¹³**

Воденко К.В.,

д.ф.н., профессор, Южный федеральный университет, Институт социологии
и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сергеева Н.Н.,

аспирант, Южно-Российский государственный политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к исследованию духовных ценностей России. Предполагается, что цивилизационный и геополитический подходы могут быть общей платформой конструирования российской идентичности. Установлены основы конструирования российской идентичности в контексте каждого из подходов.

Ключевые слова: духовные ценности России, российская идентичность, цивилизационный подход, геополитические подходы.

Актуализация проблемы формирования российской идентичности обусловлена поиском идеи, способной консолидировать российское общество, которое последние десятилетия развивается исключительно в условиях социокультурного раскола, являющегося следствием затянувшегося социального транзита и проявляющегося в наличии различных, зачастую антагонистических ценностных систем. Отсутствие единой системы духовных ценностей сопровождается развитием и воспроизводством социальной аномии, наличие которой практически равнозначно латентному распаду общества. Такое состояние социума является потенциально рискогенным, поскольку

¹³ Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

препятствует формированию общероссийской идентичности, причем как на личностном, так и на общественном уровнях. Осознание этого факта заставляет политиков, ученых, общественных деятелей обращаться к поиску интеграторов, способных сплотить современное российское общество и стать основой для конструирования российской идентичности [1].

В научной литературе не сложилось однозначного определения российской идентичности. Одним из наиболее распространенных подходов, предлагающим свои основания определения российской идентичности, является цивилизационный подход. В науке, как известно, сложилось две традиции в понимании цивилизации: в рамках первой, акцентируется внимание на социокультурных различиях народов (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби); вторая рассматривает цивилизацию как высший уровень культурного развития общества, как этап в общем векторе мирового развития (К. Маркс, М. Вебер).

Истоки обращения к проблеме идентификации российского общества на основе цивилизационных критериев восходят к дискурсу западников и славянофилов о будущем России. В XIX – первой половине XX вв. именно русская философия становится той формой мировоззренческой и культурной рефлексии, в которой интеллектуалы пытались дать свои «ответы» на новые «вызовы» истории.

Одним из первых мыслителей, предпринявших попытку осознать социокультурные особенности России и определить ее место и роль в общемировой истории, стал П. Я. Чаадаев [2]. Именно он сформировал определенную парадигму в исследовании российской идентичности, утверждая ее принципиальную исключительность, отличающую Россию от Западной Европы, которая задала вектор дальнейших размышлений на эту тему. В свою очередь, славянофилы в качестве культурно-цивилизационных оснований российской идентичности выделили следующие: православно-христианское миропонимание, общинность, иоанновский тип личности, доминирование «правды» над законом (А. Хомяков, И. В. Киреевский). С точки зрения философов-славянофилов, подлинное общество представляет собой единую, гармоничную «соборную личность», для которого абсолютно не свойственны такие качества, как индивидуализм, эгоизм, прагматизм, и характерные исключительно для общества, опирающегося на механические связи между индивидами.

Как отмечают современные российские авторы, «соборность в нашем цивилизационном контексте – это вовсе не общинность в ее локально-местническом и патриархально-заскорузлом смысле, а духовное единство, в пределе объемлющее весь род человеческий» [3, с. 14]. Кроме того, именно

соборность являлась духовной основой российской идентичности как результата осознания единства народа, причем в различные исторические эпохи соборность проявлялась в различных ипостасях (патриархальных, религиозных, светских), которые, однако, не меняли принципиально ее сущность.

Так, по мнению исследователей, основой интеграции и идентификации в языческой Руси была община, в православной Руси-России – Церковь, в советской России – партия, которая действительно «представляла все социальные группы и сословия, все национальности и все территориальные единицы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов – координация всех частей государственной системы» [4, с. 78].

Согласно данному подходу, в основе российской идентичности лежит концепт национальной «самобытности», который включает такие ее специфические черты, как «первоначало русской истории, ее цель и смысл, особый тип личности и соответствующие ему особенности социально-политического устройства, культурно-цивилизационную идентичность и, наконец, общественное сознание, которое должно отразить все перечисленное» [5, с. 143].

В пространстве научного дискурса, наряду с цивилизационным подходом сложился геополитический подход, широко представленный в работах К. С. Гаджиева, А. Г. Дугина, М. В. Ильина, А. А. Кара-Мурзы и др. По мнению исследователей, российская идентичность опирается, прежде всего, на принадлежность к единому географическому и политическому пространству страны, включая в себя такие компоненты, как национальное самосознание, менталитет, историческую память, политические мифы и символы [6].

Более того, некоторые авторы отмечают дуализм российской идентичности, проявляющийся в синтезе цивилизационных и геополитических маркеров, которые на практике способны достаточно эффективно дополнять друг друга. Так, по мнению А. А. Кара-Мурзы, Россия именно тогда переживала свои исторические подъемы, когда ее цивилизационная миссия и геополитические задачи совпадали [7]. В геополитическом аспекте российская идентичность опирается, в первую очередь, на представления граждан о статусе своей страны и её роли в мировой политике.

В последнее время широкую популярность приобретает дискурс о национально-государственном измерении российской идентичности.

В научной литературе исследованию национально-государственной идентичности России посвящены работы В. В. Бушуева, А. В. Лубского, О. Ю. Посуховой, В. В. Титова и др. [8; 9; 10]. Ряд исследователей определяют национальную идентичность как «результат конструирования» социально-политических смыслов и их интериоризации в общественное сознание» [8, с. 85]. В таком понимании национальная идентичность формируется исключительно в рамках государства как политического института, которое собственно и управляет механизмом национальной консолидации общества на основе общих целей, интересов или ценностей.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на роли исторической интерпретации в формировании национальной идентичности, под которой понимается «совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности, которая во многом выступает объектом конструирования политическими и интеллектуальными элитами» [10].

В то же время, ученые отмечают, что «в процессе реализации различных проектов нациестроительства в России стало ясным, что национальная идентичность является результатом не только ее конструирования субъектами, обладающими символическим капиталом власти, но и социокультурной предрасположенности индивидов воспринимать навязываемые представления о воображаемых сообществах в качестве основы этой идентичности» [9, с. 42]. В рамках данного подхода, идентичность, формируя национальное самосознание, органически связана с национальной историей и культурой народа. Поэтому размышления о национально-государственной идентичности не обходят проблему консолидации вокруг единой системы духовных ценностей, которые способны вносить определенность в осознание людьми себя в качестве граждан одной страны с общей исторической судьбой.

Литература:

1. Общероссийская идентичность: незавершенный проект и новая повестка дня: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017.
2. Чаадаев П.Я. Философские письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. Т.1. М: Наука, 1991.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.
4. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до наших дней. М.:

- Эксмо, 2008.
5. Широкова М.А. Славянофилы о русском сознании: исторический и антропологический аспекты // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Том 8. Выпуск 3.
 6. Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М: Экономика, 2011.
 7. Кара-Мурза А. А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М. 1998.
 8. Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. 2011. № 4.
 9. Лубский А.В., Посухова О.Ю. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. № 8.
 10. Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (дата обращения: 07.12. 2017).

**СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ¹⁴**

Войтенко В.П.,

к.ф.н., Южный федеральный университет

Пусько В.С.,

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э.Баумана

Аннотация. В статье проанализированы результаты опроса субъектов образовательного процесса в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, направленного на выявление потребности в этнокультурном образовании. Анализ результатов опроса показал необходимость укрепления в современной системе образования этнокультурного содержания и, особенно, билингвального (русский и национальные языки) образования, а также необходимость корректировки содержания федерального образовательного стандарта с точки зрения концептуализации поликультурности российской истории, литературы и социально-политических процессов.

Ключевые слова: современное российское образование, российская гражданская идентичность, полиэтничный регион, Юг России

В современной политологической теории на аксиоматическом уровне принят принцип необходимости для любого государства «построения общей идентичности и выработка чувства общности среди граждан страны», т.е. построение политического сообщества – нации [1, С. 46]. Это направление политики государства определяется как политика идентичности (identity politics, identitarian politics). По мнению Алмонда Г., Пауэлла Дж., авторов классического учебника политологии, основная функция политики

¹⁴ Материалы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

идентичности (политики нациестроительства) – предупреждение политических расколов, которые могут произойти по этнокультурному, языковому, конфессиональному основанию. Поэтому в качестве универсальной ценностной основы идентичности, укрепляемой государством, выступает современное гражданское право, защищающее гражданские права независимо от специфических характеристик граждан.

Большую сложность для политики нациестроительства представляет конструирование идентичности с политическим сообществом (согражданством), которое рассматривается как воображаемая общность, на что обратил внимание Б. Андерсон [2, С. 11-15]. В отличие от этнокультурного сообщества, характерные признаки которого – язык, специфика ролевого поведения, верования и др., – человек усваивает с рождения, находясь в специфической этнокультурной среде, конструирование идентичности как основы нации, т.е. государственно-гражданской идентичности, требует рациональных усилий, развитого абстрактного мышления и самостоятельного ответственного выбора, т.к. референт гражданской идентичности не обладает такой же очевидностью, как этнос [3, С. 21].

Ситуация осложняется тем, что государственно-гражданская идентичность конструируется в полиэтничном обществе. Здесь политика нациестроительства сталкивается с проблемой выбора модели межэтнических взаимодействий: сохранения многообразия и обособленности культур, их ассимиляцию или унификации культурных различий для того, чтобы сформировать нацию гражданского типа, ориентированную на национальные интересы и доминанту национальной (государственно-гражданской) идентичности. Практическое значение решения этой проблемы трудно переоценить.

В соответствии с образовательным стандартом 1992 г. предметы этнокультурной направленности входили в национально-региональный компонент и тем самым тоже являлись обязательными на уровне субъектов федерации. В комплекс дисциплин этнокультурного содержания включались языки титульных народов, история и культура народов региона, краеведение и ряд других дисциплин. На этот компонент отводилось до 15% учебного времени. Но объем преподавания этих дисциплин мог быть увеличен за счет школьного компонента, на который отводилось еще 10% учебного времени.

Укрепление политической системы России в нулевое десятилетие, выравнивание правового пространства в республиках и областях, сопровождалось также тенденцией стандартизации образования и выравнивания образовательного пространства. По оценкам ряда экспертов «компонентный подход с годами стал непреодолимой преградой на пути создания единых государственных образовательных стандартов»,

производство которых, по Конституции РФ находится в ведении федерального центра [4, С. 177]. В 2007 г. в Закон «Об образовании» была внесена Поправка № 309, которая отменяла деление дисциплин на компоненты и передавала право школе самостоятельно определять вариативный компонент образования [7]. Теперь администрация школы самостоятельно принимала решение о том, какие предметы включать в вариативную часть образования: предметы, которые направлены на дополнительную подготовку к ЕГЭ; предметы, которые формируют актуальные современные компетенции; или предметы этнокультурного содержания, которые направлены на укрепление традиционных ценностей, навыков и норм поведения. В этих условиях этнокультурное образование стало сокращаться в объемах (количестве часов) и сужаться в содержании.

Эта тенденция вызвала негативную реакцию со стороны республиканских политических элит в различных республиках России, лидеров национально-культурных автономий и других институтов гражданского общества. По мнению представителей этих организаций, сокращение объема этнокультурного образования сокращает ресурсы формирования этнической идентичности, возможность развивать интерес молодежи к самобытной культуре, традициям и обычаям предков [4, С. 180-182].

Но, одновременно, в ряде республик (Башкирии, Бурятии, Коми, Татарстане) также возникли альтернативные выступления сообщества родителей и гражданских активистов против сокращения объема преподавания русского языка, а также против навязывания учащимся обязательного изучения государственного языка республики [5]. Эксперты отмечают, что эта позиция имеет достаточную популярность и среди родителей численно доминирующих в республиках этнических групп: «Знание родного языка не помогает его представителям в карьерном росте и не востребовано за пределами национального образования. В начальных классах обучающиеся по региональным программам дети лишаются многих важных познаний и навыков из-за того, что учебный материал подается с точки зрения этнической группы» [6].

Сложившаяся ситуация вызвала обсуждение проблемы этнокультурного образования в Государственной Думе (19.02.2009). В фокусе внимания оказалась проблема влияния предметов этнокультурного содержания на формирование общероссийской гражданской идентичности. Часть депутатов обосновывала тезис о том, что этнокультурное образование тормозит формирование российской идентичности. Представители республик, напротив, вскрывали возможные негативные политические последствия, которые вызовут сокращение его объема [4, С. 191-192].

Вместе с тем, новый образовательный стандарт, отказавшись от понятия «национально-региональный компонент», не изменил цели образования, не упразднил необходимость удовлетворять потребности общества в сохранении этнических культур. Однако передача права принимать решение относительно объемов этого компонента образования на уровень школы, т.е. непосредственным участникам образовательного процесса, выявило недостаточную заинтересованность субъектов образовательной деятельности в изучении предметов этого цикла, и особенно – языков. Поэтому для системы образования актуальной стала проблема формирования *потребности* в освоении предметов этого направления, что не заложено законом в функции школы. Введение указанной Поправки в Федеральный Закон «Об образовании» выявило неготовность республиканских органов власти и институтов гражданского общества активно участвовать в формировании потребности в сохранении этнической культуры, национального языка и в стимулировании изучения предметов этно-регионального содержания в системе образования.

За десять лет, которые прошли с принятия нового образовательного стандарта споры о механизме сохранения и расширения этнокультурного образования сохранились и периодически актуализируются различного рода конфликтами (например, по поводу допустимости в школьной одежде использовать элементы религиозной символики). Не преодолена также и тенденция снижения интереса молодежи к изучению национальных языков. В 2015 г. во всех субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов был проведен опрос субъектов образовательного процесса, направленный на выявление потребности в этнокультурном образовании [7]. В каждом субъекте федеральных округов опрашивалось равное количество учащихся школ и студентов (по 150 человек), 150 родителей, 180 экспертов (100 учителей, 50 преподавателей вузов, 30 – представителей управления, руководителей национальных НКО). В большинстве регионов была обнаружена более высокая ориентация на этнокультурное образование (включая национальные языки) у родителей, чем у учащихся и студентов. В языковом образовании, молодежь больше ориентируется на изучение русского и иностранного языков, чем национального.

Подавляющее большинство экспертов во всех регионах считают, что в их образовательных организациях отсутствуют какие-либо препятствия для преподавания национальных языков и предметов этнокультурного содержания. Однако введение ГИО и ЕГЭ по русскому языку сокращает потребность в изучение национальных языков. По этой причине администрация школ также менее ориентирована на включение в образовательные программы предметов этнокультурного содержания, предпочитая переносить их в систему дополнительного образования для

желающих. Этим объясняется также и тот факт, что основной объем времени для изучения предметов этнокультурного содержания в школах сдвигается на начальную и общую ступени обучения.

Во всех регионах проведения опроса были зафиксированы потребности в освоении предметов этнокультурного содержания у родителей и учащихся. Большой частью они вызваны ориентированностью на сохранение культуры народов. Однако молодежь ориентирована на приобщение к национальным традициям и культуре не в форме традиционного образования, а в практической деятельности – в освоении национальной кухни, ремесел, народных видов искусства, народных спортивных игр, участия в походах по регионам России и др. Такие ожидания молодежи – своеобразный вызов современной школе и учительскому корпусу. Несоответствие этим запросам оборачивается снижением потребности в дисциплинах этнокультурного содержания, тем более, что их освоение не контролируется ЕГЭ или региональным министерством.

Составной частью этой тенденции является снижение интереса к освоению национальных языков со стороны молодежи. Приведем высказывания экспертов из Кабардино-Балкарии [8]: «К сожалению, у нас сейчас не популярны национальные языки. Кабардинский язык очень сложный, и родители сами отказываются от изучения кабардинского языка, потому что это влияет на аттестат». Близкую позицию фиксируют и исследования в Калмыкии. Здесь усилия республиканского правительства по созданию правовой базы преподавания калмыцкого языка, подготовки современных учебных пособий, введения республиканского ЕГЭ по калмыцкому языку, пока не привели к росту заинтересованности молодежи в его освоении [9]. Содержательное изучение функционирования калмыцкого языка в повседневной культуре показывает сужение его объемов, поскольку выпадают целые пласты этнокультурных традиций, которые обслуживались национальным языком. А поэтому молодежь не знает сегодня устного поэтического творчества, традиционных форм коммуникации, песенного фольклора, в котором отражены трудовые и обрядовые стороны жизни калмыков [10].

Возможность, опираясь на хорошие результаты ЕГЭ, поступить в вузы разных регионов страны, корректирует образовательные стратегии учащихся и их родителей. Расширение возможностей образовательных практик в зарубежных университетах в период обучения в вузах России, корректирует также образовательные стратегии студентов, побуждая их осваивать иностранные языки. Рассмотренная ситуация показывает, что основная проблема в поддержании этнокультурного образования и, в частности, обучения национальным языкам, кроется в падении интереса к ним, в связи с сокращением поля функционирования этих языков. Не менее актуальной

является проблема оснащения преподавания предметов этнокультурного содержания инновационными методиками, ориентированными на развитие практических навыков в сфере освоения различных сторон этнической культуры.

Другой стороной образовательной политики в контексте укрепления общероссийской гражданской идентичности является создание условий для повышения компетенции в освоении русского языка. Русский язык рассматривается как государственный язык и язык межэтнического общения. Он обеспечивает формирование общероссийской государственно-гражданской идентичности. Этими функциями русского языка объясняется забота государства о его состоянии и освоении молодым поколением, на что обратил внимание Президент РФ В.В. Путин на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку при Президенте РФ (19 мая 2015 г.). По формальным признакам ситуация с освоением русского языка выглядит достаточно благополучно: по состоянию на 2015/16 учебный год в Российской Федерации в 90,5% школ обучение осуществляется только на русском языке, в 4,4% школ обучение смешанное – на русском и других языках, в 5,1% школ дети обучаются на национальных языках [11, С. 882].

Вместе с тем, в реальности ситуация не столь позитивна. Современные межрегиональные миграционные процессы вызвали отток значительной части русского населения из республик. Особенно ярко сокращение русского присутствия наблюдается в республиках Северного Кавказа, Калмыкии. Потеря значительного количества русского населения – носителей русского языка, которые обеспечивали стихию русскоязычной коммуникации в повседневном общении, сказалась на уровне освоения русского языка населением республик, особенно в сельской местности. Приведем еще одно свидетельство экспертов из Кабардино-Балкарии: «... Городские дети у нас практически не говорят на родных языках, они говорят только на русском языке, а дети из сельской местности очень плохо говорят по-русски, говорят на родном языке, но при этом уровень их грамотности национального языка оставляет желать лучшего»¹⁵.

¹⁵ Фокус-групповые интервью, в которых затрагивалась эта проблема, были проведены в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Нальчике с представителями региональных министерств образования и руководителями национально-культурных автономий в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда, проект № 15-18-00122.

Но даже и хорошее владение русским языком еще не обеспечивает формирование российской идентичности. Изучение идентичности калмыцкой молодежи, например, позволило А. Нуксуновой показать, что при хорошем владении русским языком, и часто не зная калмыцкого, молодежь идентифицирует себя в первую очередь с калмыками, и только потом – с гражданами России. При этом самоопределение «Я-россиянин» в представлениях молодежи размыто и сводится преимущественно к «паспортному» гражданству [12, С. 69-73]. Эти данные подтверждают также результатами исследований Катушовой К.П., Муняновой Б.М., Намруевой Л.В.

Неоднозначная ситуация была зафиксирована при выявлении структуры идентичности у молодежи в Кабардино-Балкарии, где лидирующую позицию занимает северо-кавказская идентичность, которая опережает приверженность к российскому политическому или республиканскому сообществам [13, С. 177]. Конкретизация выбора идентичности через выявление эмоциональной привязанности к социально-территориальному и этническому ее денотатам показывает, что молодежь КБР испытывает сильную эмоциональную связь с населенным пунктом (88,9 %), с северо-кавказским регионом (87,7 %), с этническим сообществом (72,1 %), но значительно меньше – с Россией (57,5 %) и российским народом (46,9 %). Для молодежи Ростовской области, напротив, лидирующие позиции занимает эмоциональная связь с Россией (76,6 %), этническим сообществом (77,9 %), и российским народом (75,5 %). Региональная и поселенческая общности вызывают меньшую эмоциональную привязанность [13, С. 161].

Интересен также и результат опроса студенческой молодежи в республиках и областях Юга России по вопросам, содержательного наполнения российской (гражданской) идентичности. Студентам было предложено выделить ассоциации с понятием «Родина». У двух третей опрошенных студентов Ростовской области понятие «Родины» ассоциировалось с Россией, только 13,7 % – с регионом проживания (Ростовской областью) и у 9,2 % – с городом (локальным сообществом) [17, С. 183]. Понятие «Родина» в восприятии студенчества КБР больше ассоциировалось с республикой (77 %), чем с Россией (56,5 %) или с локальным поселением (37,4 %) [14, С. 190]. Похожие показатели зафиксированы в других республиках Северного Кавказа: ассоциацию Родина с Россией указали 52,4 % студентов в Дагестане; 32,6 % студентов в Ингушетии, 24,3 % – студентов в Чечне [15, С. 101].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что языковая компетентность, бесспорно, является необходимым условием формирования гражданской идентичности. Для полиэтничного государства необходима поддержка развития и укрепления государственного языка, который

обеспечивает функционирование единого коммуникативного пространства. Вместе с тем, наряду с языковой компетентностью конструирование гражданской идентичности требует формирования общих для всего населения страны ценностей. Значимое место среди них занимает ценность культурного многообразия российского государства. Восприятие России как государства, обеспечивающего развитие всех этнических культур и их духовную интеграцию в единую надэтническую общность, – государственно-гражданскую нацию, является основанием формирования ценностного аспекта гражданской идентичности.

Такая постановка задачи свидетельствует о том, что существуют проблемы не только в поддержании этнокультурного образования. Не меньшей проблемой является переориентация содержания федерального образовательного стандарта по гуманитарным дисциплинам на ценности поликультурного общества и формирование ценностного отношения к уникальности исторического формирования России как полиэтничного и поликонфессионального общества. Иными словами, содержание образовательных гуманитарных дисциплин должно быть переосмыслено с позиции освещения в них достижений разных народов в формировании российской государственности, выделение имен великих представителей различных народов в истории России, включения в общую историю России страниц великих подвигов разных народов, а также героические страницы их совместной истории.

Так, А.М. Нуксунова отмечает, что в представлениях калмыцкой молодежи происходит смешение калмыцкого и российского патриотизма: «... гордость за военные подвиги предков, участвовавших во всех войнах России с момента прихода на Волгу, является доминантой в построении самоопределения молодых калмыков как «Я россиянин» [12, С. 67]. Однако важно, чтобы эти героические страницы калмыцкой истории попали в федеральные учебники и учебные пособия; точно также, как военные подвиги других народов, их участие в созидании современного облика страны. В этом случае героические страницы истории разных народов приобретут статус общероссийской истории, станут достоянием молодежи разных регионов России. И тем самым, расширят основу эмоциональной сопричастности с российским государством, укрепят эмоциональный компонент российской идентичности.

Отстаивая необходимость укрепления в современной системе образования этнокультурного содержания и, особенно, билингвального (русский и национальные языки) образования, академик В.А. Тишков подчеркивает: «... в работе по обеспечению единых стандартов в содержании и уровне образования назрела необходимость корректировки: следует согласиться, что *признанное государством разнообразие в образовательной*

сфере и есть её единое пространство» [13, С. 880]. Соглашаясь с этим тезисом, указываем на необходимость корректировки содержания федерального стандарта с точки зрения концептуализации поликультурности российской истории, литературы и социально-политических процессов.

Литература:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор: Учебное пособие / Сокр. Пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N. Y., 1983.
3. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. – 320 с.
4. Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы (ред. Степанов В.В.). Вып. 1. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 223 с.
5. Федеральный закон № 309-ФЗ от 1.12.2007 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта».
6. «Спасите русский язык и межнациональное согласие в национальных республиках России!» Открытое письмо Владимиру Путину, Дмитрию Медведеву и всем представителям власти / Портал «Свободная пресса»/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svpressa.ru/blogs/article/121884>.
7. Осипов Г.В., Дзугцев Х.В. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 96-102.
8. Денисова Г.С., Денисова А.В., Викторин В.М., Намруева Л.В., Шурыгина Е.Г. Состояние этнокультурного образования в регионах Юга России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – Москва: ИЭА РАН, 2016.
9. Денисова А.В. Языковая ситуация в Республике Калмыкия// Теория и практика общественного развития. 2015. № 24.
10. Намруева Л.В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138-141.

11. Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской Академии Наук. 2017. Т.87. № 10.

12. Нуксунова А.М. Формирование идентичности калмыцкой молодежи в условиях постсоветской трансформации калмыцкого общества. Дис. на соиск. ученой степени к. социол. н. Майкоп, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.adygnet.ru/sites/default/files/_Нуксунова_пдф_1%20\(1\).pdf](http://www.adygnet.ru/sites/default/files/_Нуксунова_пдф_1%20(1).pdf).

13. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / Отв. Ред. Ю.Г. Волков – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 2016. – 251 с.

14. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В КОНТЕКСТЕ РЕИНТЕГРАЦИИ В СОСТАВ
РФ¹⁶**

*Войтенко В.П., к.ф.н., Вялых Н.А., к. соц. н., Беспалова А.А., к. соц. н.,
Филимонова М.А., магистрант*

Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье приведен критический анализ современной научной литературы, посвященной различным аспектам здравоохранения в республике Крым. Выявлен ряд вопросов, которые нуждаются в специальном социологическом исследовании. На основе эмпирических данных, полученных в результате авторского исследования, проведенного в шести субъектах Юга России, выявляются ключевые социальные проблемы, связанные с реинтеграцией Республики Крым в состав Российской Федерации. Используются вторичные эмпирические данные, что позволяет рассмотреть данную проблему комплексно и определить перспективные направления исследования.

Ключевые слова: здравоохранение Республики Крым, реинтеграция, социальные проблемы.

Актуальность настоящей работы обусловлена, с одной стороны, большим интересом к проблемам здравоохранения в современной науке, с другой стороны, этот вопрос требует переосмысления применительно к Республике Крым с учетом новых реалий российской действительности.

Цель, которую мы ставим перед собой – выявить возможные социальные проблемы здравоохранения Республики Крым в контексте реинтеграции в состав РФ.

Социальные проблемы здравоохранения уже давно находятся в центре внимания различных научных дисциплин [4]. Можно выделить ряд

¹⁶ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе».

направлений в современных отечественных исследованиях по данной проблематике.

Первое связано с эмпирическим измерением оценок системы здравоохранения населением Республики Крым. Третьякова О. С., Могилевский А. А. среди базовых проблем системы здравоохранения Республики выделяют следующие: «дефицит врачей первичного звена; практически каждый второй (44%) врач пенсионного возраста; низкий уровень оказания медицинской помощи; ослабленная система базовой подготовки медицинских работников; отсутствие непрерывного медицинского образования; недостаточное льготное лекарственное обеспечение населения; неэффективное использование государственных средств» [9]. Кумельский Е.Д., Расулов Н.А., Ганиева Л.С.А. отмечают что множество проблем, связаны с переходом к «новой для Крыма модели организации и финансирования здравоохранения – модели обязательного медицинского страхования». Также среди наиболее актуальных проблем, которые волнуют население, авторы отмечают длительность ожидания приема врача; доступ к сложным аппаратным методам (компьютерная томография, магниторезонансная томография и т.д.) [7].

В рамках второго направления исследований внимание авторов сосредоточено на организации функционирования системы здравоохранения. Авторы сходятся во мнении относительно результативности государственной политики относительно здорового образа жизни и профилактики заболеваний. Можно говорить о совместных требованиях по созданию «единой профилактической среды и продвижения принципов здорового образа жизни, о сотрудничестве государства и бизнеса в этой области» [10]. В. Г. Присенко и З. Р. Махкамова фокусирует внимание на перспективах развития системы управления рекреационной деятельностью Крыма в рамках регионального здравоохранения [8]. Большую помощь в сохранении и увеличении здоровья в различные периоды жизни человека может оказывать такое направление медицины как медико-социальная работа, но таких специалистов нет и их можно готовить в Крыму [2].

С нашей точки зрения наиболее значимым для понимания социальных процессов в Республике Крым представляется направление, ориентированное на изучение кадрового вопроса в сфере здравоохранения. Такие исследования позволяют выявлять и прогнозировать социальные последствия реинтеграции Крыма в состав Российской Федерации. Исследователи единодушны в том, что «в настоящее время существует проблема кадрового дефицита в сфере здравоохранения. Крымские учреждения здравоохранения укомплектованы кадрами на 81%; существует проблема дифференциации оплаты труда, как и в других регионах Российской Федерации» [6]. А.А. Бобошко обращает внимание на высокое

значение не только материально-технического обеспечения оказания услуг в сфере здравоохранения, но и на такие социальные аспекты, как престиж профессии, характер отношений между врачами и пациентами. Автор пишет: «социальный статус врача оценивается по его взаимоотношению с пациентами. С введением системы медицинского страхования пациенты стали более требовательны к качеству лечения, однако мало что изменилось в материально-техническом положении учреждений здравоохранения. Это порождает противоречия мотивационной и материально-технической перестройки сферы здравоохранения крымского региона» [2]. Сохранение системы неформальных платежей, о которых пишет О. Е. Бобров, актуализирует проблему неравенства и рост напряженности [3].

В современной зарубежной научной литературе фундаментальных исследований по данной проблематике немного. Обращают на себя внимание работы американского социолога В.М. Сейджа [12] и книга британского исследователя С. Гранта [11]. Выводы С. Гранта актуальны для сравнительного анализа системы здравоохранения в Крыму в постсоветский период в составе Украины и в настоящее время, после реинтеграции в состав России. Так, автор сравнивает российских и советских медицинских работников, рассматривает их в рамках международной системы, которая бросает вызов традиционным российским представлениям о профессионализме и профессионализации. Интересен подход, в рамках которого ценностные установки и повседневная жизнь рассматриваются посредством анализа врачебной практики, а гендерные особенности выявляются на основе поведения женщин-медицинских работников и пациентов. Подчеркивается наличие общих проблем в международной и российской системах здравоохранения, что актуализирует рассмотрение здравоохранения как предмета международного обсуждения.

На основе изученной литературы можно выделить ряд спорных вопросов и исследовательских лакун. В научных исследованиях особое значение придается выявлению региональной специфики социальных проблем в сфере здравоохранения в Республике Крым. В целом, существенных расхождений в специальных исследованиях, посвященных эмпирическим измерениям оценок системы здравоохранения населением Республики Крым нет. По вопросу организации функционирования системы здравоохранения, авторы сходятся во мнении относительно результативности государственной политики по развитию здорового образа жизни и профилактики заболеваний, особом значении рекреационных ресурсов Республики для обеспечения здоровья населения. Разные точки зрения у исследователей по вопросу кадрового обеспечения в сфере здравоохранения. В зависимости от предпочтений авторов, в качестве наиболее значимых при оценке качества медицинской помощи на передний план выходят такие

факторы как укомплектованность кадрами в медицинских учреждениях, уровень заработной платы, материально-техническое обеспечение, престиж профессии, характер отношений между врачами и пациентами.

В рамках статьи для выявления возможных проблем здравоохранения Республики Крым в контексте реинтеграции в состав РФ, а также направлений развития здравоохранения в Республике Крым с учетом региональных особенностей используются как вторичные эмпирические данные, так и результаты авторского исследования, которое было проведено в июне-августе 2017 г. в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе». Был использован метод личного анкетирования «face-to-face» в шести субъектах Юга России. Всего было опрошено 3900 человек, проживающих в Ростовской области (900 чел.), Краснодарском крае (950 чел.), Ставропольском крае (600 чел.), Республике Адыгея (400 чел.), Кабардино-Балкарской республике (500 чел.), Республике Крым (550 чел.). Репрезентативность в настоящем исследовании достигалась за счет построения пропорциональной стратифицированной выборки [5].

Среди жителей Крыма платная медицинская помощь практически не нашла сторонников.

Таблица 1. Представления жителей о должной форме системы здравоохранения

Какой должна быть, по Вашему мнению, система здравоохранения в России? (%)	Юг России	Республика Крым
Полностью бесплатной для всего населения;	62,5	67,5
«смешанной» (должна быть как платная, так и бесплатная медицинская помощь);	26,6	30,4
Преимущественно платной для трудоспособного населения, но с гарантиями оказания бесплатной медицинской помощи отдельным группам (детям, пенсионерам, инвалидам, больным тяжелыми хроническими заболеваниями);	8,8	2,1
Полностью платной для всего населения	2,1	0,0

Подобные отличия объясняются, на наш взгляд, дифференциацией доходов респондентов по регионам и различным уровнем социально-экономического развития субъектов Юга России.

Важным моментом, отражающим специфику функционирования системы здравоохранения в регионе, являются представления об агентах, несущих ответственность за здоровье человека.

Таблица 2. Распределение агентов, несущих основную ответственность за здоровье человека

На Ваш взгляд, кто несет основную ответственность за здоровье человека? (%)	Юг России	Республика Крым
Работодатель	7,1	1,7
Государство	39,0	44,4
Страховые медицинские организации	9,8	5,2
Лечебно-профилактические учреждения и медицинский персонал	12,5	14,7
Сам человек	31,6	33,9

В Республике Крым восприятие работодателя, как способного нести ответственность за здоровье человека, практически отсутствует. В то время как на Юге России этот показатель значительно выше, в том числе и по отношению к страховым медицинским организациям. Эти данные коррелируют с опасениями ряда авторов по вопросу перехода к новой модели организации и финансирования здравоохранения – модели обязательного медицинского страхования. В массовом сознании преобладают инерционные, патерналистские установки, ориентированные на государство, как гарант обеспечения здоровья человека.

Вместе с тем объем затраченных средств является показателем готовности нести финансовое бремя. Обращает на себя внимание одинаковая доля тех, кто потратил за последний год от 10 001 до 20 000 рублей на Юге России в целом и в Республике Крым. Можно предположить, что такой уровень расходов является оптимальным для жителей указанных регионов, что необходимо учитывать при планировании организации системы платных и бесплатных медицинских услуг.

Таблица 3. Объем годовых расходов на медицинскую помощь

Сколько всего денег за последний год Вы и проживающие с Вами члены семьи потратили на лечение, обследования в медицинских организациях, медицинские услуги? (%)	Юг России	Республика Крым
Денежных средств не тратили	16,8	18,5
До 10 000 рублей	36,2	44,1
10 001 – 20 000 рублей	19,6	19,6
20 001 – 35 000 рублей	12,4	8,4

35 001 – 50 000 рублей	7,5	4,9
Более 50 001 рублей	7,4	4,5

Стоит отметить позитивную динамику в области кадровой обеспеченности медицинских учреждений. В результате мер, предпринятых для оптимизации сети здравоохранения, по итогам 2015 года «число врачей снизилось на 1,8% (с 7329 до 7196), укомплектованность – на 1% (с 75 до 74%); при этом число младших специалистов с медицинским образованием возросло на 4,7% (с 16 123 до 16 888), укомплектованность – на 2% (с 90 до 92%)» [9]. При этом, в системе отношений врач-пациент достаточно широко практикуются неформальные платежи за медицинскую помощь (табл. 4). И здесь мы не даем оценку «хорошо» это или «плохо», а показываем, что это один из ключевых способов адаптации населения к контекстуальным условиям здравоохранения.

Таблица 4. Распространенность неформальных платежей за медицинскую помощь

Приходилось ли Вам или членам Вашей семьи, в течение последнего года, платить за медицинскую помощь неофициально, то есть не через кассу, а лично в руки врачам или медсестрам деньгами без оформления каких-либо документов (чеков, талонов, договоров)? (%)	Юг России	Республика а Крым
Да, приходилось	47,1	37,8
Нет, не приходилось	52,9	62,2

Вызывают исследовательский интерес и формы поведения респондентов в ситуации заболевания. Данные опроса регистрируют достаточно высокий по выборке процент людей, предпочитающих сразу обращаться в платные клиники и/или к частнопрактикующим врачам на Юге России в целом и в Республике Крым (23,5 и 26,2 % соответственно). Более трети опрошенных по Югу России (35,1 %) и около половины по Республике Крым отметили, что когда заболевают – лечатся самостоятельно, не обращаясь к врачам. При этом большинство, все же обращается в поликлинику по месту жительства, что подтверждает сложность перехода к новой системе здравоохранения и платной медицине. Однако, в Республике Крым почти в два раза ниже, чем на Юге России в целом количество тех, кто

при заболевании ничего не делает, все пускают «на самотек» (3,5 и 6,0 % соответственно) (табл. 5).

Таблица 5. Способы поведения в ситуации заболевания (недомогания)

Что Вы обычно делаете, когда заболеваете? (%)	Юг России	Республика Крым
Обращаюсь в платную клинику и/или к частнопрактикующим врачам	23,5	26,2
Лечусь самостоятельно, не обращаясь к врачам	35,1	43,4
Обращаюсь к народным целителям, нетрадиционной медицине	7,7	8,0
Обращаюсь в поликлинику, больницу по месту жительства	54,2	66,8
Ничего не делаю, все пускаю «на самотек»	6,0	3,5

Полученные нами данные в целом корреспондируют с результатами опроса «Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов», проведенного ВЦИОМ 15-16 июля 2015 г. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России (N = 1600 чел.). В случае заболевания большинство россиян (60 %) прежде всего идут в государственные поликлиники, 25 % – лечатся самостоятельно, 8 % – обращаются в платную поликлинику, больницу, 4 % – ничего не делают, все пускают «на самотек» [13]. Что касается данных о частоте самолечения, то результаты опроса ФОМ за 2015 г. несколько ближе к полученным нами цифрам: 46 % россиян при плохом самочувствии предпочитают лечиться самостоятельно и только в крайнем случае обращаются к врачам [14]. А по данным 25-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (репрезентативная выборка – 12554 чел.), 59,9 % опрошенных россиян занимались самолечением в случае возникновения проблем со здоровьем (за 30 дней до проведения опроса) [15].

Подводя итоги, можно заключить, что процесс перехода системы здравоохранения Республики Крым на новую модель носит системный характер, рассчитан на долгосрочную перспективу и сопряжен с изменениями в социальной сфере. Среди населения в целом не отвергается идея платной медицины. Напротив, люди осознают, что они являются главными «агентами здоровья», наряду с государством, и постепенно привыкают к новой модели системы здравоохранения. И все же среди пациентов наблюдается некоторая амбивалентность общественного сознания:

с одной стороны, это стремление иметь достаточно ресурсов, чтобы получить необходимую медицинскую помощь «здесь и сейчас», с другой – отторжение законов рыночной экономики здравоохранения и соответствующих установок, а также склонность перекладывать ответственность за личное здоровье на других агентов. В то же время население Республики Крым демонстрирует низкий уровень позитивной медицинской активности. Здесь речь идет о профилактических обращениях в медицинские организации, распространенности альтернативных поведенческих практик в случае заболевания (самопомощь, обращение к нетрадиционной медицине, либо бездействию).

Перспективным является выявление направлений улучшения системы здравоохранения и распространение единых принципов работы медицинских учреждений в Республике Крым с учетом особенностей регионального социума. Это позволит создать дополнительные связи между субъектами РФ, а также повысить качество жизни населения в регионах.

Литература:

1. Андреева Г.Ф. Инновации социальных институтов образования и здравоохранения Крыма // В сборнике: Проблемы и перспективы инновационного развития экономики материалы научного форума (XXI международной научно-практической конференции). 2016. С. 6-8.

2. Бобошко А.А. Изменение социального статуса медицинского работника в процессе реформирования системы здравоохранения Крыма и Севастополя // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. №12.

3. Бобров О. Е. Система Семашко - советская модель здравоохранения. Пережиток прошлого или система нереализованных возможностей? // Новости медицины и фармации. 2008. 10 марта. С. 20 - 21.

4. Вялых Н.А. Теоретические предпосылки социологического анализа потребления медицинской помощи // Социологический журнал. 2015. Том 21. N 1. С. 46-65.

5. Вялых Н.А., Лубский А.В., Крупеникова Л.Ш., Колесникова Е.Ю., Сериков А.В., Войтенко В.П., Чернобровкина Н.И., Зайцева А.А., Лубский Р.А., Беспалова А.А. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2017, 452 с.

6. Добровольская О.П., Тукан К.С. Анализ проблемы кадрового дефицита в системе здравоохранения Республики Крым // В сборнике: Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей победителей III международной научно-практической конференции. 2017. С. 89-91.

7. Кумельский Е.Д., Расулов Н.А., Ганиева Л.С.А. Здоровоохранение Крыма в оценках участников процесса // В сборнике: Молодая наука сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. 2016. С. 233-235.

8. Присенко В. Г., Махкамова З. Р. Перспективы развития системы управления рекреационной деятельностью Крыма в рамках регионального здравоохранения // Инновации в науке. – 2016. – №. 6. – С. 53-58.

9. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

10. Третьякова О. С., Могилевский А. А. Здоровоохранение Республики Крым: год спустя // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2015. – №. 2 (2).

11. Юриста А.В., Беликов Д.В. К вопросу эффективности реализации государственной программы развития здравоохранения в республике Крым // В сборнике: Молодая наука сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. 2016. С. 290-292.

12. Grant S. Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880-1960. London: Palgrave Macmillan, 2017.

13. Sage W.M. Managed care's crimea: Medical necessity, therapeutic benefit, and the goals of administrative process in health insurance // Duke Law Journal. 2004. 53 (2). pp. 597-651.

14. Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 2919 от 02.09.2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370>.

15. Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. Здоровоохранение // «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d28zd15.pdf>.

УДК: 342.413

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Гетман А.В.,

магистрант первого года обучения, Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности понимания политики в институциональном и обыденном контекстах. Также приведён алгоритм процесса институционализации. На основании исследования институционального дискурса автор обозначает сущностные функции институционализации.

Ключевые слова: политика, политическая институционализация, социальный институт.

Политика – это совокупность социальных практик и дискурсов, в которых реализуются формы и методы управления обществом, общественными группами и их отношениями, связанные с осуществлением власти. В институциональном контексте политика понимается как сфера деятельности, направленная на реализацию власти внутри государства и между государствами. В этом смысле политика нередко отождествляется с деятельностью государственного управления, с принятием решений, социальным руководством, выдвижением и достижением государственных целей. Подобное отождествление коренится в ограничении политики институтами власти и присуще широко распространённому институциональному направлению в общественных науках, однако его правомерность представляется сомнительной, поскольку политическая деятельность характерна для любых организованных социальных групп, а не только для государственных институтов.

В обыденном сознании политика отождествляется преимущественно с борьбой за власть и реализацией власти по поводу распределения внутри общества различных благ [1, с. 85-89].

На сегодняшний день, в процессе институционализации любые социальные отношения обретают форму установленных сводов правил, законов и санкций. Такая форма называется «социальный институт», а соответствующие правила и нормы могут быть оформлены как письменно, так и в устном виде.

Институционализация подразумевает изменение формы отношений в каком-либо сообществе или коллективе таким образом, что спонтанное поведение членов этих формаций становится организованным.

На создание и развитие таких социальных институтов уходит долгое время, иногда на это требуются столетия. В результате стихийное социальное явление трансформируется в полноценное организованное учреждение, в котором все процессы упорядочены и существует четко структурированная иерархия власти.

Сам процесс институционализации проходит в несколько этапов:

- Сначала в обществе возникают определенные потребности, удовлетворение которых возможно только при организации совместных действий;
- Следующий шаг – определение целей, которых необходимо добиться;
- На третьем этапе поведение большинства членов системы все еще стихийное, но постепенно запускается процесс создания норм и правил, а также связанных с ними процедур;
- Далее начинается непосредственно институционализация, то есть официальное принятие и практическое применение сформированных процедур, правил, законов и норм.

На завершающем этапе определяются санкции, а между всеми членами вновь образованного социального института окончательно распределяются и устанавливаются их статусы и роли.

В процессе создания социального института среди его членов формируется не только свод определенных правил и норм, но и своя идеология, появляются определенные традиции и ритуалы, в большинстве случаев вводится определенная символика.

Но основу социального института составляют, прежде всего, его руководители, которые выполняют важные организационно-деловые функции, комплекс учреждений, а также орудия и инструменты деятельности, при помощи которых члены институализированной группы могут выполнять свои функции и обязанности [2, с. 100-111].

Главными признаками институционализации являются:

- Изменение качества деятельности членов группы: в составе института такая деятельность приобретает не просто осмысленный и упорядоченный характер, но и становится профессиональной;
- Распределение ролей в обществе и появление иерархии;
- Возникновение моральных и правовых норм регулирования;
- Появление специальных объектов, зданий и учреждений, необходимых для деятельности членов института;

- Наличие идеологии, которая характеризуется как система идей, не противоречащих и поддерживающих моральные и правовые устои конкретного института.

Вне зависимости от того, к какой сфере или области относится институт, он всегда обладает не только своими специфическими признаками, но и определенными образцами поведения, характерными для институционализации в целом. Институт может обеспечивать самые разные социальные отношения – от политики и экономики до семьи и религии. Однако каждый институт всегда выполняет пять основных функций:

1. Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений;
2. Коммуникативная;
3. Интегративная;
4. Регулятивная;
5. Транслирующая.

Для закрепления и воспроизводства общественных отношений в каждом институте есть свои инструменты: это правила и нормы, регулирующие поведение всех участников. Эта функция играет важную роль, так как обеспечивает устойчивость всей системы.

Коммуникативная функция необходима для обеспечения регулирования взаимоотношений между самими членами социального института, и для этого всегда вырабатываются определенные шаблоны и образцы поведения и общения. Эта же функция способствует получению внешней информации, так как социальный институт – это открытая структура, и ее члены заинтересованы в информации о происходящем в других подобных системах.

Интегративная функция способствует сохранению целостности самого института и укреплению связи между членами всего коллектива. В рамках этой функции происходит и совмещение усилий (консолидация), и использование личных ресурсов членов института для достижения общей цели.

В рамках регулятивной функции института происходит выработка определенных шаблонов и образцов поведения членов системы, в результате чего происходит регулирование взаимоотношений [3, с. 45-60].

Последняя функция – транслирующая. За счет этой функции происходит передача социального опыта внутри самого института, а также происходит приобщение членов системы к общим ценностям, ролям и нормам. Данная функция может показаться второстепенной, однако она незаменима при смене поколений и изменении социальных границ института.

Все эти функции социальных институтов направляют действия их участников в соответствии с определенными устоявшимися стандартами поведения, а люди, которые имеют отношение к определенному институту, стремятся выполнять те или иные социальные роли, которые им отведены. Например, военнослужащий, который носит форму и использует оружие, делает это в первую очередь не потому, что это его личное предпочтение, а потому, что так предписывают нормы и шаблоны социального института, к которому военнослужащий относится.

Термин «институционализация» неразрывно связан с понятием института. Анализируя суть институтов в рамках экономической социологии и организационной теории, социологи находятся в диалоге с приверженцами новой институциональной экономики. Из экономистов данного направления стоит выделить наиболее цитируемых авторов – Коулза, Уильямсона и Норта. При этом социологами «из экономической теории берутся основополагающие предположения об индивидуальном выборе, которым не хватало социологической мысли, а из социологии представления о структуре ограничений индивидуального выбора, которым не находилось места в традиционных экономических рассуждениях. Следуя за новой институциональной экономической теорией, пытающейся осуществить синтез старого институционализма и традиционной неоклассики, новый институционализм в социологии пробует соединить достижения новой институциональной экономики и традиционной социологии.

Однако среди новых институционалистов не существует консенсуса по поводу сути институтов. Экономическая социология определяет институты как реально существующие правила взаимодействия, которые осознаются индивидом и воспринимаются им как собственные нормы и ценности. В такой трактовке у индивидов и групп существует больше свободы в следовании и изменении правил. В организационной теории институты превращаются в образцы поведения, воспроизводимые практически бессознательно. Индивиды оказываются заложниками усвоенных образцов, вынуждающих их действовать тем или иным образом.

После рассмотрения теоретического материала, далее можно более предметно и на примерах рассмотреть тему «Процессы политической институализации на Юге России: опыт сравнительного анализа».

Подводя итоги, приходится констатировать, что богатейший природный и человеческий потенциал Юга России сегодня используется явно недостаточно. Финансовый кризис должен простимулировать и ученых, и чиновников совместно выработать такую политику, которая гарантировала бы стабильность в условиях кризиса и обеспечила бы основу для последующего социально-экономического развития южных регионов.

Литература:

1. Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. СПб., 2006. С. 85-89.
2. Нерсеянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М., 2007. С. 100-111.
3. Черныш А.В. Возникновение организационных моделей: взгляд новых институционалистов // Социологические исследования, 2017, № 4. С. 45-60.

**«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ» КАК ОБЪЕКТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ
РЕИНТЕГРАЦИИ КРЫМА**

Гонтаренко Н.Н.,

магистрант 1 курса Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «информационная война». Дается краткая характеристика современных войн с использованием информационных технологий. Выделяются основные методы их ведения в контексте событий вокруг процесса реинтеграции Крымского полуострова. Делается вывод о восприятии международным сообществом данного события.

Ключевые слова: информационные войны, реинтеграция Крыма, международные отношения.

Когда мы слышим слово «война», сразу возникают такие ассоциации, как оружие, насилие, противоборство. Война – противостояние между политическими образованиями, включающее в себя военные (боевые) действия. Информационная война не предполагает наличия оружия, но также подразумевает борьбу. Противостояние происходит с использованием информационных технологий. Тема «информационных войн» становится особенно актуальной в контексте событий вокруг процесса реинтеграции Крымского полуострова.

Воссоединение Крыма с Россией, которое произошло практически без единого выстрела, показало миру новую сильную и вполне демократическую Россию. Отметим, что новый образ России сформировался благодаря масс-медиа: молодой прокурор Крыма Наталья Поклонская, «вежливые люди» в военной форме, демократические выборы в Крыму, куда люди шли, как на праздник – все это поразило мировую общественность. С одной стороны, это вызвало негативную реакцию зарубежного сообщества. В частности, по мнению «Большой семерки», государств-членов НАТО, Евросоюза, Совета Европы, присоединение Крыма имело характер «аннексии», последовавшей за вооруженным вмешательством России во внутренние дела Украины, переживающей острый внутривнутриполитический кризис. Вследствие распространения этого мнения через различные каналы коммуникации по всему миру, имидж России сместился в сторону образа

«страны-агрессора». Что же касается самой России, то претерпел качественные изменения внутривнутриполитический имидж России. Крым сплотил российское общество, усилил национальную идентичность, повысил национальное самосознание. Согласно опросам Левада-центра, присоединив Крым, Россия возвращается к своей традиционной роли “великой державы”, утверждает свои интересы на постсоветском пространстве» – так считают 80% россиян. При этом 41% респондентов подчеркивают: «Россия имеет на это право, она должна защищать своих» [2]. Из этих данных ясно, что общество в целом поддержало воссоединение Крыма с Россией. Это отмечают и западные журналисты. Примечателен заголовок статьи в американском журнале «Time»: «Америка слаба и колеблется. Россия богата и возрождается – и ее лидера не заботит, что о нем думают» [5].

Причину негативного восприятия России в мировом сообществе следует, как нам кажется, искать в умелом использовании технологий и тактики информационных войн, опыт ведения которых имеют западные страны. Сегодня с помощью бесчисленных каналов коммуникации проводится настоящая информационная война. Проблема информационной войны уже давно начала волновать научное сообщество. Первыми, кто о ней заговорил, были западные исследователи. Среди них можно упомянуть подходы Дж. Стейна и Р. Шафрански [3]. Дж. Стейн в 1995 году определял информационную войну как достижение национальных целей с помощью информации. Главной целью данной войны он видел человеческий разум, преимущественно тех, кто принимает ключевые политические решения. Р. Шафрански в 1994 году считал объектом войны подавление оппонента своей волей. К ее определению близко понимание информационной войны М. Либки как атаки информации на информацию. Во многом сформировал представления американцев о феномене информационной войны Дж. Аркилла, который начинал свою деятельность с разработки американской информационной стратегии. Современную информационную войну он называет, в отличие от «холодной» (cold), «крутой» (cool), так как она имеет иную стратегию и тактику, позволяющую использовать достижения информационных технологий. Таким образом, основные стратегические противники России давно поняли, что информация способна выступать как в качестве объекта, так и в качестве средства особого воздействия. Посредством использования информационной сферы проводятся такие трансформации как: управление социальным поведением сообществ, подчинение воли руководителей стран, свержение власти и изменение политических систем более слабых по уровню информационного оснащения стран. Примерами могут служить события в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии и в Украине. Сегодня упомянутая деятельность составляет основное содержание внешней политики ведущих мировых держав, избегающих

прямых вооруженных столкновений. Как и война с использованием армии и вооружения, информационная война также требует использования особого информационного оружия и обеспечения информационной безопасности. Так, в США были созданы специальные органы власти, обеспечивающие проведение информационных операций и информационно-техническую и информационно-психологическую безопасность граждан. В США организована специальная работа со СМИ. Практически все каналы подконтрольны государству. К числу мощнейших инструментов влияния на общественное сознание относится Всемирная сеть Интернет, которая, как известно, является открытой подсистемой глобальной системы оперативного управления США. В России же вокруг информационной сферы можно наблюдать совершенно иную картину. Она не имеет того статуса значимости, который соответствовал бы современным вызовам и угрозам. Информационные технологии в России сегодня во многом отстают от уровня технологического превосходства ведущих мировых держав [1, с. 23-24].

Учитывая, что США всегда были заинтересованы в ослабленной России образца 90-х годов, при этом усиливали свое присутствие и влияние в мире, инспирируя «цветные революции» и проводя военные операции, крымский референдум был для них весьма неприятным ударом. Спонсируя государственный переворот на Украине США и Европа по итогу получили очередного нахлебника в лице коррумпированной «шайки», пришедшей к власти в Киеве, а Россия только расширила свою территорию и консолидировалась внутри. События пошли не по их сценарию, на поле о себе напомнил серьезный игрок в лице России, напомнив, что у него есть свои геополитические интересы, с которыми необходимо считаться.

Инструментарий, который использовался Западом и Украиной в постреинтеграционный период был прост: США и Европа вводили разного рода санкции против РФ, как секторальные, так и персональные, а украинские функционеры занимались информационно-подрывной и просто подрывной деятельностью. Рассмотрим ее виды и свойства.

Во-первых, это создание образа агрессора в лице России, сравнение референдума в Крыму и воссоединения Крыма с Россией с аннексией Гитлером Судетской области Чехословакии в 1938 году (об абсурдности подобных сравнений мы уже писали). Ярким примером подобной примитивной пропаганды во время событий в Крыму в 2014 году стал приезд в Симферополь украинского бизнесмена Г. Балашова, который больше походил на умалишенного, чем на борца за свободу и независимость Украины. Господин Балашов размахивал бананом и тщетно пытался спровоцировать российских солдат и крымских ополченцев. Образ Балашова очень четко характеризует то, что на сегодняшний день происходит на Украине, и именно в такую Украину крымчане и не хотели.

Во-вторых, размещение в украинских СМИ фальшивок о якобы «притеснении» крымских татар на территории Крыма. Украина и дальше будет пытаться разыграть эту карту на территории Крыма. Представители Меджлиса, ведущие дружбу с российскими оппозиционерами, участвовали в подрыве ЛЭП, по которым электроэнергия поступала в Крым в сентябре 2015 года.

Третьим инструментом стало постоянное напоминание о том, что под гнетом санкций Россия прекратит свое существование и развалится, осталось только немного подождать. В 2014 году украинские пропагандисты прогнозировали «крах России» на 2015 год, но как-то не заладилось, видимо у них, соответственно, они «перенесли» его на 2016-й. При всем этом, сами же деятели украинской пропаганды отмечают уже открыто, что Украина находится под внешним управлением и ровным счетом никаких реформ в стране не произошло.

В-четвертых, активизировалась пропаганда, рассчитанная на российское общество. Ее главным информационным посылом является тезис о том, что руководство России привело народ к обнищанию, кризису и т.п., и если бы не «аннексия» Крыма, то подобного не случилось бы. Представители оппозиции в России активно содействуют западным и украинским медийщикам в распространении ложной информации.

Нужно отметить, что официальная позиция Евросоюза и США относительно Крыма во многом является определяющей для немалого числа государств. На Генеральной Ассамблее ООН 27 марта 2014 г. по вопросу о признании незаконности крымского референдума из 193 государств – членов ООН однозначно «за» принятие резолюции проголосовало 100 государств. Голоса почти такого же количества остальных государств распределились так: «против» – 11, воздержалось – 58, не голосовало – 24. Текст резолюции призвал не признавать вступление Крыма в состав России. Против этой резолюции выступили Армения, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Куба, КНДР, Зимбабве, Никарагуа, Россия, Сирия и Судан [7, с. 34-35].

В целом международное сообщество критически восприняло присоединение Крыма к России, что, безусловно, сказывается на внешнеполитической повестке России, испытывающей постоянные коррективы. Крым сплотил российское общество, усилил национальную идентичность, повысил национальное самосознание. Вплоть до сегодняшнего времени трудно оценить, как долго будет продолжаться существующая конфронтация, осложненная «замороженностью» конфликта на Юго-Востоке Украины и новым витком информационного противостояния Россия-США-Европа на международном уровне в Сирийском конфликте.

Литература:

1. Завражнева М. В. Положительные последствия присоединения Крыма к России / Механизмы развития современного общества: Сборник научных статей по материалам Международной заочной научно-практической конференции. Лаборатория прикладных экономических исследований имени Кейнса. М., 2014. С. 23-24.
2. Левинсон А. 86% ЗА «КРЫМ – НАШ». [Электронный ресурс]. URL: <http://WWW.LEVADA.RU/2018/04/03/86-ZA-KRYMNASH/> (дата обращения 24.04.2018).
3. Почепцов Г.Г. Информационные войны: тенденции и пути развития – 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lybr62.htm> (дата обращения 23.04.2018).
4. Проказина Н. В. Общественное мнение о присоединении Крыма к России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2015. № 4. С. 65-71.
5. Путин в восьмой раз на обложке Time: «Америка слаба и колеблется. Россия богата и возрождается». [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti.dn.ua/details/210259/> (23.04.2018).
6. Соловьев Э. Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4(25). С. 34-35.
7. Alcaro R. West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis. Report of the Transatlantic Security Symposium 2014 / West-Russia Relations in Light of the Ukraine Crisis/ ed. by R. Alcaro. Rome, 2015. P. 65-71.
8. Grigas A. Beyond Crimea: The New Russian Empire. Hardcover, 2016. 332 p.
9. Санкции против России тщетны // The Tribune (Индия). [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20140417/219627832.html> (24.04.2018).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Городецкая Е.Г., к.соц.н., доцент

Аннотация. На материалах социологического исследования показана степень эффективности работы органов местного самоуправления. Определен уровень социального самочувствия, рассмотрены наиболее острые городские проблемы, а также проблемы благоустройства и санитарного состояния города. Дана оценка местной власти, а также выявлены основные источники информации, которые не только формируют, но и влияют на мнение горожан.

Ключевые слова: местное самоуправление, социальное самочувствие, источники информации, мнение граждан.

Оценка эффективности работы органов местного самоуправления проводится различными представителями общественных наук, в том числе большое внимание этому вопросу уделяет и социология. Деятельность муниципальных органов должна быть, прежде всего, направлена на удовлетворение социальных потребностей населения в образовании, культуре, здравоохранении и т.д. С помощью социологических исследований мы можем оценить степень удовлетворенности населения качеством получаемых услуг и эффективность работы местной власти.

В основу настоящей статьи положены данные социологического исследования «Оценка социально-политической ситуации в г. Евпатория». Выборочная совокупность исследования составляла 800 респондентов, среднее отклонение от норм выборки не превышает 3,54%. Количественные параметры выборки были определены в пределах минимально необходимого уровня репрезентативности исследования по параметрам пола, возраста, образования и района проживания. Метод опроса – адресный. [1].

Целью статьи является анализ уровня эффективной деятельности органов местного самоуправления.

Под местным самоуправлением следует понимать право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [2, с. 171].

Первое, на что бы хотелось обратить внимание, – это состояние социально-психологического тонуса населения, иными словами, его

настроение.

Как показывает наш опыт проведения социологических исследований, если люди удовлетворены условиями жизни, уровнем своего материально-финансового состояния, то они настроены позитивно. Если же они не удовлетворены своим положением, то фиксируется повышенный уровень протестности. Рассмотрим состояния социально-психологического тонуса евпаторийцев.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как изменились условия Вашей жизни и жизни Вашей семьи за прошедший год?»
%

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
существенно улучшились	6,7
незначительно улучшились	27,1
не изменились	44,4
незначительно ухудшились	12,9
значительно ухудшились	8,9

Итак, совокупно 33,8% респондентов указали, что их условия жизни улучшились, у 21,8% они ухудшились и у 44,4% не изменились.

Проведя корреляционный анализ, мы установили, что пол опрошенных не влияет на выбор той или иной оценки. Разница между ответами мужчин и женщин здесь абсолютно незначительная.

Зато возрастные параметры повлияли на выбор ответа. Как следует из таблицы 2 двумерных распределений, наиболее оптимистично настроена молодежь. Напротив, наиболее пессимистично, а, следовательно, более отрицательно, настроены представители старших возрастных групп.

Таблица 2

Сравнительная таблица оценок уровня жизни населением (по возрасту респондентов, в %)

Возраст	существенно улучшились	незначительн о улучшились	не изменилис ь	незначительн о ухудшились	значительн о ухудшились
18 – 30 лет	11,0	32,9	46,3	6,1	3,7
31 – 40 лет	8,2	26,5	42,2	15,0	8,2
41 – 50	4,7	26,4	44,2	15,5	9,3

лет					
51 – 60 лет	5,5	28,8	41,1	13,0	11,6
Старше 60	4,7	22,4	46,7	15,0	11,2

Рассмотрим иерархию наиболее острых городских проблем, которая, выглядит следующим образом: **первая группа** – низкие зарплаты, пенсии (65,8%); плохое состояние дорог, тротуаров (62%); низкий уровень медицинских услуг, плохая работа органов здравоохранения (54,9%); высокие тарифы на коммунальные услуги (54,3%).

Вторая группа – необоснованно высокие цены на продукты питания и товары первой необходимости (47,3%); благоустройство населенного пункта (40,8%); трудоустройство населения, безработица (40,3%).

Третья группа – коррупция, плохая работа и произвол чиновников (21,8%); некомпетентность местных органов власти (20,8%); низкое качество жилищно-коммунальных услуг (19,5%).

Именно эти три группы проблем влияют на уровень жизни людей и их благополучие. Если рассмотреть более детально по полу и возрасту, то проблема низких зарплат в равной степени беспокоит молодежь (64%) и людей среднего возраста (64-66%), а пенсии – старшее поколение (67%). Особенно остро проблема зарплат/пенсий воспринимается мужчинами. Возможно, это связано с тем, что 7,5% из них не имеют работы, 5% – студенты, а 22,6% – пенсионеры.

Плохие дороги и тротуары примерно в равной степени тревожат все категории.

Низким качеством медицинских услуг в большей степени озабочены женщины предпенсионного и пенсионного возраста – 64,6%, а среди их сверстников-мужчин таких 61%.

Высокие тарифы на коммунальные услуги в большей степени беспокоят женщин предпенсионного и пенсионного возраста (64,7%), чем мужчин (50%).

Еще одним важным фактором эффективности работы местной власти, является оценка горожанами уровня санитарного состояния города и его благоустройства. Среди проблем санитарного состояния города, которые требуют незамедлительного решения, жители выделили пять основных – это бродячие собаки и кошки (51,8%), уборка мусора, отсутствие мусорных баков, урн на улицах (50,8%), благоустройство зон отдыха, пляжей (21,6%), ликвидация стихийных свалок (19,5%) и заросли растений (13,5%).

Перейдем к рассмотрению наиболее острых вопросов благоустройства города:

Таблица 3

Наиболее острые проблемы благоустройства города, требующие немедленного решения
%

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
ремонт жилых домов, подъездов	38,5
ремонт внутридворовых и придомовых территорий, тротуаров	37,3
освещение улиц, дворов	33,9
создание парковочных карманов во дворах	30,1
оборудование детских площадок	21,9
оборудование спортивных и спортивно-игровых площадок	21,5
реставрация театра, музеев, реконструкция летнего концертного зала	18,5
озеленение населенного пункта	17,0
другие (запишите)	4,3
затрудняюсь ответить	4,0

Полученные данные говорят о том, что ремонт жилых домов, подъездов, ремонт внутридворовых и придомовых территорий, тротуаров, освещение улиц, дворов, создание парковочных карманов во дворах необходимо решать в первую очередь.

Плотность высказанных мнений, их удельный вес – все это служит довольно верным, хотя и косвенным, показателем уровня социального самочувствия [3]. Впрочем, такая ситуация не нова. Если накопилось много проблем, которые не решались годами, то виновных далеко искать не приходится.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «С чем, по Вашему мнению, в первую очередь связаны существующие проблемы городского хозяйства?»
%

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
некомпетентность муниципальных чиновников	53,1
граждане несознательны, зачастую сами наносят вред городскому хозяйству	35,6
средства местного бюджета разворовываются	30,8
некомпетентность главы администрации	24,9
часть предприятий не работает, и не отдает налоги в бюджет	13,4

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
предприниматели не платят налогов, а контролирующие органы неэффективны	9,8
город и поселки ограничены в возможностях	9,8
затрудняюсь ответить	9,5
другое (запишите)	3,1

Из данной таблицы наглядно видно, что респонденты возложили ответственность за городские проблемы на муниципальных чиновников, самих граждан, которые наносят вред городскому хозяйству (бросание мусора на землю, вырывание лавочек, урн и т.д.), коррупцию во власти и на главу администрации города.

Рассмотрим, насколько успешна работа органов местного самоуправления в оценке респондентов:

Таблица 5

Оценка степени успешности решения местной властью городских проблем
%

Суждения респондентов исследования	Решается хорошо	Начала решаться	Не решается вообще	Затрудняюсь ответить
Реконструкция дорог и ремонт внутридворовой территории	2,0	52,4	38,5	7,1
Освещение улиц	15,8	41,6	28,6	14,0
Строительство детских площадок	16,3	52,0	15,5	16,3
Благоустройство дворов, капремонт домов	2,8	24,4	42,1	30,8
Реконструкция сетей канализации и ливневок	2,5	8,0	53,1	36,4
Ликвидация свалок	9,1	24,8	27,0	39,1

Благоустройство зон отдыха, пляжей	20,5	42,0	15,4	22,1
Восстановление скверов, фонтана, стелы	32,1	45,9	7,1	14,9
Ремонт и восстановление детских садиков, школ	16,1	49,3	6,5	28,1
Организация праздников и различных мероприятий	51,8	24,4	2,8	21,1

Нужно заметить, что к числу проблем, которые, по общему мнению, решаются хорошо, относятся важные, но не всегда самые острые проблемы города. То, что на первое место здесь вышла «организация праздников и различных мероприятий», конечно неплохо, но учитывая общую ситуацию в городе, возможно лучше было бы обратить внимание на работу городского здравоохранения, образования. Фонтаны и скверы также хорошо, но если состояние благоустройства дворов, ремонт дорог и тротуаров, канализаций и ливневок вызывает массу нареканий, то лучше было бы переключить внимание администрации и депутатского корпуса именно на эти проблемы.

Касательно «свалок» многие выражали удивление, т.к. они их не видят в своем районе, а вот по «благоустройству дворов, капремонту домов» и «реконструкции сетей канализации и ливневок», респонденты говорили, что если эти вопросы и начали решать, то только на словах.

Что является главным источником информации и откуда жители города ее черпают? Обратимся к таблице 6 за ответом на поставленный вопрос.

Таблица 6

Источники информации о работе местной власти
%

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
из Интернета и социальных сетей	48,3
из телевизионных передач компании	40,9
от друзей, знакомых, родственников	37,6
из статей в газетах	29,6
в основном, по слухам и разговорам	16,3
точно не помню, информация была такой расплывчатой	3,4

В последнее время средства массовой информации, в частности, Интернет и социальные сети, превращаются в действенный механизм, но и телевидение не теряет позиции. Полученные данные являются ярким тому подтверждением. Интересно, что большинство горожан предпочли получать эту информацию от друзей, знакомых, родственников, черпать ее из слухов и разговоров, т. е. из так называемой «маус-рекламы».

На вопрос: «Какой характер, по-Вашему, носила эта информация?» больше половины ответили «насколько положительный, настолько и отрицательный». Совокупно 21,6% респондентов оценивают характер подаваемой информации о работе власти, как положительную против 14,8%, как отрицательную, что демонстрирует определенный баланс мнений.

Проведя корреляционный анализ источников информации и ее характера, мы видим, что местные СМИ (телевидение, газеты), официальные Интернет сайты и социальные сети, наружная реклама в большей степени освещают работу местной власти с положительной стороны, и это неудивительно. А информация от друзей, знакомых, родственников, а также слухи и разговоры носит больше отрицательный характер.

Информация давно уже стала условием нормального существования общества и человека. При этом потребители информации отбирают для себя как наиболее приемлемые носители информации, так и информационные потоки определенной направленности, что в принципе и подтвердили полученные данные нашего исследования.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, оценка уровня жизни за последний год показала, что говорить о резком улучшении жизни еще рано, поскольку на это влияют как внешние, так и внутренние факторы, но и говорить о массовом ухудшении тоже нет оснований.

Во-вторых, значительное число жителей города уже фиксируют острое состояние ряда неотложных проблем города и его территорий: в числе самых острых – уровень жизни (низкие зарплаты, пенсии и высокие цены), плохие дороги и тротуары, качество медицины, высокие тарифы, благоустройство города и трудоустройство населения.

В-третьих, нерасторопность либо бездействие местной власти приводят к негативной оценке со стороны горожан.

В-четвертых, основными источниками информации о работе местной власти является «маус-реклама» (разговоры с друзьями, знакомыми, родственниками, а также слухи и сплетни), а следом идут интернет, телевидение. Стоит обратить особое внимание на межличностное общение,

которое, как показывает практика, очень сильно влияет на формирование общественных настроений.

Для развития местного самоуправления и взаимодействия органов местной власти с населением, необходимо не только разово проводить социологические исследования, но и мониторить эту ситуацию. Опираясь на наш опыт, можно утверждать, что социологические исследования не только показывают реальную картину эффективности деятельности органов местного самоуправления, но и могут показать пути их решения.

Литература:

1. Анализ результатов исследования социально-политической ситуации в Евпатории: научный отчет МКУ «ЦИА и МТО», сентябрь 2017 г. / Е.Г. Городецкая – Евпатория, [б.и], 2017. – 64 с.
2. Европейская хартия местного самоуправления и ее значение // Полис. 1998. № 4. С. 170—172.
3. Городецкая Е.Г. Влияние средств массовой информации на формирование электорального поведения избирателей / Е.Г. Городецкая // Соціальні технології : збірник наукових праць. – Запоріжжя : КПУ, 2012. – Вип. 54. – С. 68-74.

УДК 316.455

ИНТЕГРАЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ КРЫМА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ¹⁷

Губарев И.В., аспирант

Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения,
Ростов-На-Дону, Россия

Аннотация: в работе рассмотрены этапы формирования греческой диаспоры Крыма, а также основные социокультурные и демографические изменения в ней после воссоединения Крымского полуострова с Российской Федерацией.

Ключевые слова: греки Крыма, греческая диаспора, социокультурное развитие диаспоры, демографическая ситуация.

Воссоединение полуострова Крым с Российской Федерацией 18 марта 2014 года повлекло за собой не только государственные, но и социально-культурные изменения в республике. Так, на территории изучаемого региона распространилось действие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Важным условием Стратегии является сохранение «этнокультурного многообразия народов России» [1]. В связи с этим, для достижения основной цели программы, возникает необходимость в построении общероссийской идентичности без разрушения этнокультурного самоопределения. Таким образом, новая идентичность должна быть надстроена над этнической. Традиционно, диаспора является основным агентом, поддерживающим социокультурное воспроизводство этноса. Одной из самых древних диаспор Российской Федерации является греческая, успешно поддерживающая этнокультурную идентичность.

Первые греки в Крыму появились задолго до образования Русского государства. В период вторичной греческой колонизации, поселенцы из Малой Азии достигли берегов Крымского полуострова в начале VI в. до н.э.,

¹⁷ Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН "Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности"

основав Пантикапей (современный город Керчь), Феодосию и др. Образовав в 480 г. до н.э. государство Боспор, греки активно сотрудничали с местными племенами-таврами и скифами. Начиная с III в. н.э. в Крыму стартовал процесс формирования местного греческого населения, впоследствии носившие самоназвание «ромей». Необходимо отметить, что южная часть Крымского полуострова входила в состав Византийской империи, а в Корсуни принял христианство киевский князь Владимир.

Дальнейшая история Крыма неразрывно связана с Османской империей. Христианское население было объединено в «милеты», а доля мусульманского населения увеличивалась не только за счет миграции населения из Малой Азии, но и благодаря активной ассимиляции местного населения [2]. Присоединение полуострова к Российской империи внесло свои коррективы в этно-социальное устройство. Реализация «Греческого проекта» Екатерины Великой повлекла за собой миграцию крымских греков на материковую территорию Юга России.

Следующим важным этапом для греческого населения Крыма и всего СССР стала Октябрьская революция и репрессии, последовавшие за ней. За период с 1929 по 1949 гг., по разным данным, было репрессировано от 110 до 120 тыс. греков. Несмотря на это, на момент последней Всесоюзной переписи населения, на территории СССР проживало около 360 тыс. греков [3]. По данным переписей, начиная с 1959 по 2001 года на территории Крыма наблюдался небольшой демографический прирост греческого населения, несмотря на низкий уровень социально-культурной дистанции с основными этносами полуострова.

В результате анализа данных переписи населения Российской Федерации 2010 г. и переписи Крымского федерального округа 2014 г., было выявлено, что на сегодняшний момент на территории России проживает 88517 греков. На Юге России – 67286 (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), из которых 2877 проживает на полуострове Крым. Городами с наиболее крупным по численности греческим населением являются Симферополь, Севастополь, Ялта и Феодосия; а Симферопольский, Белогорский, Кировский и Нижнегорский – муниципальными районами [4].

Крымские греки принимали активное участие в социокультурной жизни полуострова на протяжении всей его новейшей истории. Одним из основных институтов, деятельность которого была направлена на сохранение и поддержание этнической идентичности греческой диаспоры Крыма в период с 1992 по 2012 гг., являлась современная Таврическая академия Крымского федерального университета, на базе которой функционировала кафедра греческой филологии, активно и успешно поддерживающая тесные контакты с вузами Греции. В настоящее время Таврическая академия реализует образовательную программу «Новогреческий язык и литература»

по подготовке бакалавров. В 2014 году вышел первый выпуск программы «Эльпида» на крымском телевидении. Данный проект посвящен культурной и общественной жизни греческой диаспоры полуострова. Кроме того, в 2014 году национально-культурная автономия греков Республики Крым «Таврида» вошла в состав ФНКА греков России. Благодаря поддержке благотворительного фонда И.И. Саввиди, в 2015 году был создан телепроект, освещающий жизнь греческой диаспоры России и рассказывающий о современном состоянии Греческой Республики.

Таким образом, необходимо отметить высокий темп социокультурной интеграции греческой диаспоры Крыма в российское этнокультурное пространство. Связан данный феномен не только с древними историческими связями греческого населения с основным этносом Российской Федерации и низким уровнем социально-культурной дистанции, но и с активной работой, которую прделывает ФНКА греков России по поддержке и развитию греческой культуры.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа URL:<http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 26.03.2018 г.);

2. Карташян А. З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2013. №4. С.85-93;

3. Всесоюзная перепись населения 1989 года [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=6> (дата обращения: 26.03.2018);

4. Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (дата обращения: 26.03.2018)

УДК 316.43

**ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Гугуева Д.А.,

к.соц.н., ст. преподаватель, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс вхождения полуострова Крым в интернет-пространство Российской Федерации. Анализируются основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться крымчанам на этом пути.

Ключевые слова: интернет-пространство, интеграция Крыма в РФ.

Российская Федерация с радостью приняла полуостров Крым в свой состав, после того как его жители на референдуме проголосовали «за» такое присоединение. После этого последовал ряд санкций от западных государств, а республика Украина по-прежнему считает Крым своим субъектом.

Крымчане стойко переживают все трудности, связанные с переводом на «новые рельсы», – а это и политическая, и экономическая трансформация, – радостно воспринимают новости об открытии сначала нового энергетического моста, а затем и об открытии Крымского автомобильного и железнодорожного моста и с уверенностью смотрят в будущее.

В сложившейся ситуации интересно посмотреть какие изменения произошли в глобальной Сети Интернет. Так как по данным информационного агентства RNS интернет-аудитория в России в марте 2017 года достигла 87 млн. человек – это 71% от населения страны и полуостров Крым не является исключением.

При этом 66 млн. человек, или 54% от населения РФ, пользуются интернетом, в том числе, через мобильные устройства, а 20 млн. человек – 16% от населения страны – только с мобильных устройств.

Наибольший прирост зафиксирован в количестве пользователей российского сегмента интернета исключительно с мобильных устройств – за год показатель вырос на 24%. Количество пользователей мобильного

интернета за год увеличилось на 9%, количество пользователей интернета – на 2%.

Быстрее всего растет аудитория смартфонов: по состоянию на конец марта 2017 года 46% населения страны заходят в интернет со смартфонов – прирост составил 15% за год. При этом снижается доля населения РФ, использующего для выхода в интернет десктопные компьютеры (на 4 п. п. – до 54% населения) и планшеты (на 8 п. п. – до 19% населения)[1].

Присоединение Крыма к России произошло в марте 2014 года, а переход на услуги российских интернет-провайдеров завершился только в июне 2017 года, – об этом сообщило интернет-издание Segodnya.UA[3]. Связано это было с тем, что закупать интернет-трафик с территории Украины было выгоднее, чем с территории России, из-за более короткого пути его доставки до потребителя. Однако такая система связи не устраивала Россию, так как информация передавалась через украинские серверы, а значит, такой путь передачи не был до конца безопасным. После того как произошло слияние России и Крыма и в интернете, рассмотрим с какими сложностями приходится сталкиваться жителям полуострова.

Во-первых, повышение стоимости интернет-трафика по сравнению с той, которая была до 2014 года, – мы уже описали эту проблему выше.

Во-вторых, удорожание услуг мобильного интернета, который с момента присоединения Крыма и до сегодняшнего дня остается третьим в рейтинге дороговизны мобильного интернета в России.

В-третьих, сужение услуг электронной торговли, что связано не только с блокировкой на территории Крыма возможностей использования электронных денег по системе VISA и MasterCard, но и с уходом с территории полуострова крупных западных интернет-магазинов, таких как Ebay и Amazon.

Однако, в связи с отсутствием культурных и языковых барьеров, слияние интернета Крыма и России, фактически не произошло. Сложности возникли у всех россиян - пользователей интернета после вступления в силу так называемого «пакета Яровой» и запрета экстремистской деятельности в сети.

В итоге, мы можем сделать вывод, что интернет, после воссоединения Крыма и России, является той сферой, которая претерпела меньше всего изменений отчасти благодаря тому, что это глобальная сеть, которую закрыть от пользователей возможно, только если отключить интернет вообще.

Литература:

1. Доля пользователей интернета в России достигла 71% населения страны// [Электронный ресурс] <https://rns.online/internet/Dolya-polzovatelei-interneta-v-Rossii-dostigla-71-ot-naseleniya-strani--2017-04-19/> (дата обращения 01.05.2018 г.)

2. Платонова А.В. Интеграция печатных масс медиа Крыма в новое информационное пространство (2014-2016 гг.)//Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2017, № 7, с. 123-126.

3. www.segodnya.ua/regions/krym/v-krymu-zayavili-chto-otklyuchili-poluostrov-ot-ukrainskogo-interneta [Электронный ресурс] (дата обращения 01.05.2018 г.)

**Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО:
сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгеи,
Калмыкии⁰**

Денисова А.В.,

к.соц.н., старший преподаватель, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ результатов опроса учащейся молодежи и студентов в республиках Южного федерального округа, который был направлен на выявление языковых предпочтений, и в частности – изучения национальных языков. Автор показывает идентичность установок молодежи Республики Крым, Адыгеи, Калмыкии, что является основой для развития интеграционных процессов в границах ЮФО.

Ключевые слова: языковые предпочтения, молодёжь республик ЮФО, Крым, Адыгея, Калмыкия.

В 2016 г. Южный федеральный округ был расширен за счет включения в его состав Республики Крым. Эта событие объясняет необходимость укрепления силовых линий, связывающих различные регионы округа в единую общность. В отечественной науке до сих пор не утвердилось единое смысловое понимание категории «регион». Однако большинство исследователей сходятся на необходимости его комплексного видения, которое включает территорию (ландшафты), историко-культурную близость народов ее населяющих и этнокультурную их близость. Последние две характеристики определяют историческое формирование ментальности, характерной для населения региона. С этой позиции Крым существенно отличается от других субъектов РФ, расположенных в границах ЮФО. Более того, его объективное географическое (полуостровное) положение

⁰ Статья подготовлена в рамках проекта Госзадания № 12.885.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации...»

обуславливает изначальное психологическое восприятие обособленности Крыма.

Создание после 2014 г. масштабных инфраструктурных объектов – электростанций, Керченского моста, включая автодорогу и железнодорожную ветку, – открывает широкие возможности для экономической интеграции Крыма в ЮФО. Однако значительно более важной интегрирующей силой является культурная и языковая общность населения полуострова и населения других регионов России, которая была проигнорирована политиками при разделе СССР.

Исследование динамики этнополитической ситуации в Республике Крым, которая разрешилась республиканским референдумом и ее вхождением в состав России показывает, что именно языковая проблема, спровоцировала политическую активность крымчан. Опираясь на изучение языковой жизни всех этнических групп Крыма еще до событий 2014 г., этносоциологи пришли к выводу: «состояние этноязыковой ситуации в Крыму с традиционным преобладанием русского языка в повседневной жизни и в официальной сфере при одновременных усилиях принудительного внедрения государственного языка создавало у крымчан состояние унижения их национального достоинства и пренебрежения их региональной идентичности, в то время как они ощущали себя полуостровными жителями особого региона многорегиональной Украины» [1, с.59].

Языковая жизнь характеризуется масштабом использования населением языка (языков) в различных сферах повседневной деятельности, который обеспечивает уровень развития языковых компетенций населения. В регионах со сложной этнокультурной структурой населения языковая жизнь характеризуется многоязычием. Разные этнические группы могут использовать различные языки в разных сферах жизни. Современной международной нормой при этом является свобода развития языков всех народов.

По данным российской переписи населения Крыма 2014 в республике проживают представители 175 национальностей. Но более 95 % населения составляют три основные группы – 1млн.492тыс. русских (67,9 %), 344 тыс. украинцев (15,7 %), 232 тыс. крымских татар (12,6 %). Этносоциологические исследования на полуострове в 2012-2013 гг. показали, что 64 % русского населения сохраняли использование русского языка и одновременно владели украинским, а еще 46 % русских свободно говорили, читали и писали на украинском, но думали при этом – на русском. Основное большинство украинцев (87 %) владели украинским языком, и при этом все владели русским языком. Та же ситуация обнаружилась у крымско-татарского населения: при владении русским языком 95 % крымских татар владели языком своей национальности [1, с. 5].

В Республике Крым в соответствии с Конституцией РК, принятой на внеочередном заседании крымского парламента 11 апреля 2014 года, статус государственного языка был закреплен за русским, украинским и крымско-татарским языками. Этот принцип соответствует Закону РФ «О Языках народов РФ» и его реализации в республиках и обеспечивает принципы равноправия языков и многообразия культур.

Но такими же параметрами характеризуется языковая жизнь в республиках ЮФО – в Адыгее и Калмыкии, которые также обладают полиэтничным населением. В Республике Адыгея русские составляют 64 %, адыгейцы – 25%, армяне – 4 %, курды – 1 %. Все население владеет русским языком. При образовании Республики Адыгея в 1991 г. адыгейский язык получил статус государственного. Согласно закону «О языках народов Республики Адыгея», русский и адыгейский языки являются «равноправными государственными языками Республики Адыгея» и «гарантируется социальная, экономическая и юридическая защита языков народов Республики Адыгея, реализуемая в соответствии с Законом Российской Федерации».

Этническая структура населения Калмыкии включает: 57,4 % – калмыков, 30,3 % – русских, 2,7 % – даргинцев, 1,7 % – казахов, 1,3 % – турок-месхетинцев, 1,2 % – чеченцев. В Республике Калмыкия в начале 90-х годов тоже был принят закон о государственном статусе калмыцкого языка и тоже юридически утверждено официальное двуязычие.

В системе образования всех республик созданы разнообразные условия для удовлетворения потребностей в языковом образовании. Так, в системе образования Калмыкии всего 165 общеобразовательных организаций и во всех ведется преподавание калмыцкого языка и калмыцкой литературы, но в разных объемах. В частности, в 82 школах функционируют 207 национальных классов, в которых обучаются на калмыцком языке школьники 1 и 2 ступени. В обычных школах калмыцкий язык изучается как предмет на первой ступени (1-4 классы), 2 часа в неделю; на второй ступени (5-9 классы) – 3 часа в неделю; в старших класса (10-11 классы) – вновь 2 часа в неделю. В классах с углубленным изучением калмыцкого языка преподается на 1 час в неделю больше на всех уровнях обучения [2, с.103]. Такой же подход реализован и в Адыгее: в большинстве школ на начальной ступени преподается адыгейский язык, в меньшей степени он представлен в общей школе. В старших классах национальный язык преподается в качестве предмета по выбору или факультатива.

В Республике Крым в 2016/2017 учебном году получали образование на крымско-татарском языке 3 % учащихся, на украинском – 0,2 %, Всего в Крыму функционирует 15 общеобразовательных организаций с крымско-

татарским языком обучения (201 класс, 3651 учащихся) [3, с. 167]. Изучение национальных языков осуществляется на основании заявлений родителей.

В республиках национальные языки функционирует и воспроизводится, в основном, в моноэтнических семьях, в моноэтнических коллективах и в местах компактного проживания этнической группы. За исключением учебных заведений, его функционирование поддерживается телевизионными и радиопередачами, республиканскими газетами.

В высшей школе Крыма, Адыгеи и Калмыкии есть факультеты национальной филологии, где готовятся учителя для преподавания национальных языков и литературы, функционируют литературные кружки. Специализированные кафедры в университетах республик проводят большую научную, учебную и учебно-методическую работу по составлению учебной и учебно-методической литературы для национальной школы. При схожести ситуации, в каждой из рассматриваемых республик существуют свои проблемы в реализации образования в сфере национальных языков. Особенно актуальна проблема разработки учебной литературы и методических пособий для преподавания калмыцкого и крымско-татарского языков.

В 2015-2016 гг. в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем было проведено изучение этнокультурного образования и предпочтений в сфере изучения языков среди молодежи в ряде федеральных округов. В Крыму в 2016 г. опрашивались 3000 учащихся школ и студентов (по 50 % в каждой группе), в Адыгее и Калмыкии – по 300 школьников и студентов (по 50 % в каждой группе). Опросы показали, что во всех республиках при абсолютном доминировании русского языка во всех сферах жизни, значительная часть молодежи использует также национальные языки. В частности, в Крыму национальные языки использует не менее трети молодежи, в Адыгее – 49,7 %, в Калмыкии – 47,2 %. В Крыму 27 % учащихся и студентов заявили о том, что имеют две этнические идентичности. В Калмыкии такую позицию указали 15 % опрошенной молодежи. В Адыгее молодежь выбирает преимущественно одну этническую идентичность. Подавляющее большинство молодежи в рассматриваемых республиках не сталкивалась с дискриминирующими практиками по этнокультурным основаниям.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «За последний год приходилось ли Вам испытывать негативное отношение к себе из-за языка, на котором вы говорите, национальности, религии?»

Варианты ответа	Адыгея	Калмыкия	Крым
Да, из-за языка	3,9	1,6	4,8
Да, из-за национальности	2,6	7,4	7,8

Да, из-за религии	4,6	1,3	3,8
Не было никакого негативного отношения	88,6	89,6	76,0
Другой ответ	0,3	0	0

Однако по этническим группам Крыма ситуация несколько отличается: 9,7 % школьников и студентов с родным украинским языком испытывают негативное отношение в свой адрес по причине языковых отличий; об этом же заявили 8,2 % молодежи с родным крымско-татарским языком.[3, с.111]

За углубленное изучение национального языка в Крыму высказались 29 % украинских школьников и студентов, и 36 % крымско-татарских. В Адыгее эту позицию поддержали 14,7 % учащихся и студентов, в Калмыкии – 24,4 %. За стандартное изучение национальных языков в Крыму среди молодежи высказались 33 % украинцев и 45 % крымских татар, в Адыгее – 34 %, в Калмыкии – 38,4 %.

Опрос показал также и общность молодежи в языковых предпочтениях: во всех республиках молодежь больше ориентирована на изучение иностранных языков в школах и вузах в сравнении с изучением национальных языков. Так, в Республике Крым к углубленному изучению иностранных языков тяготеют 32,6 % молодежи, а к углубленному изучению национальных языков – 25,9 % [4, с. 206]. В Калмыкии углубленное изучение иностранного языка привлекает 48 % молодежи, а углубленное изучение национального языка – 23 %. В Адыгее готовность к углубленному изучению иностранного языка выделили 31,3 %, а углубленное изучение национального языка привлекательно для 26,7 %.

Проведенный сравнительный анализ языковых предпочтений молодежи республик ЮФО показывает общность этнокультурных процессов и культурно-языковую основу для развития интеграционных процессов на Юге России.

Литература:

1. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.)/Исследования по прикладной и неотложной этнологии. - М., ИЭА РАН. 2014. – Вып.239.
2. Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданственности и солидарности в регионах

- Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2017. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования. 2017.
3. Этническая и этнополитическая карты Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю.Зорин, Р.А.Старченко, В.В.Степанов). И., ИЭА РАН, 2017.
 4. Грива О.А., Чигрин В.А. Республика Крым / Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России/ Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2016.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОК НАСЕЛЕНИЕМ КРЫМА
И ДРУГИХ РЕГИОНОВ ЮФО
ХАРАКТЕРА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ⁰**

Денисова Г.С.,

д.соц.н., профессор, Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты опроса населения Крыма и других субъектов Южного федерального округа по вопросам межэтнических отношений. Автор показывает идентичность коллективных представлений респондентов различных регионов ЮФО, в том числе и Крыма, по актуальным проблемам, что свидетельствует об общности социального и культурного пространства ЮФО и Крыма как нового региона Юга России.

Ключевые слова: межэтнические отношения, социальное пространство ЮФО и Крыма, культурное пространство ЮФО и Крыма.

Указом Президента РФ от 28.06.2016 г. Республика Крым и г. Севастополь вошли в состав Южного федерального округа. Этот шаг административно закреплял уже предпринятые меры, которые применялись административными, образовательными, экономическими структурами регионов ЮФО в адрес аналогичных структур Республики Крым. Одновременно с этим, включение Крыма в ЮФО предполагает дальнейшую активную деятельность по интеграции региона в округ.

Геополитическая и историко-культурная специфика Крыма, его особая роль в формировании христианства на Руси, защите российской государственности придали мощный импульс укреплению процесса нациестроительства в России XXI в.

0

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН "Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности".

Этно-культурное многообразие населения Крыма выступает почвой для многочисленных спекуляций в современном медийном пространстве относительно взрывного потенциала данного региона в сфере межэтнических отношений. Эта ситуация объясняет широкий интерес к результатам опросов общественного мнения в Республике Крым по разным проблемам этнической идентичности, этно-демографическому состоянию, отношения к интеграции с Россией и др. Но не меньший интерес представляет сравнение оценок жителей Крыма и жителей других регионов ЮФО проблем межэтнических отношений и национальной политики. Такой подход позволяет выявить общность или различие общественных ожиданий в этой сфере, понизить уровень напряженности в обсуждении этих вопросов. Такой опрос был проведен творческим коллективом ЮФО в 2016 г. Сбор социологической информации проводился методом массового опроса пилотного типа. Опрос проводился в региональных центрах Республики Адыгея (380 чел.), Краснодарском крае (410 чел.), Республике Крым (400 чел.), Ростовской области (400 чел.). Выборка строилась по связанным половозрастным параметрам. Всего было опрошено 44,7 % мужчин, 55,3 % – женщин. Из них: 18-29 лет – 30,1 %, 30-44 года – 28,3 %; 45-49 лет – 22,7 %; 60 лет и старше – 18,9 %.

Характер межэтнических отношений измерялся по пятибалльной шкале и опрос выявил, в частности, примерно равный уровень оценки по всем регионам опроса (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете оценить характер межэтнических отношений на Юге России в целом?»,
%

Ответы	Адыгея	Крым	Крас. край	Ростов. Обл.
1. Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга	24,3	26,2	28,5	26,3
2. Отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	32,1	24,5	33,3	28,0
3. В отношениях существует некоторая напряженность	17,3	13,5	22,5	22,9
4. Имеются конфликты на национальной почве	6,4	5,0	8,1	11,7
5. Затрудняюсь ответить	19,9	30,8	9,6	11,1

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что межэтнические отношения по южному макрорегиону в целом жители Крыма оценивают более позитивно, чем жители других регионах ЮФО. В частности, на замкнутость, напряженность или конфликтность межэтнических отношений указывает меньшее количество респондентов в Крыму, чем в других регионах.

В сравнение с этим, оценка ситуации в своем регионе оценивается более позитивно (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете оценить характер межэтнических отношений в Вашем регионе?», %

Ответы	Адыгея	Крым	Красн. край	Рост. Обл.
1. Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга	43,4	44,6	48,0	30,8
2. Отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	35,0	28,2	27,1	41,5
3. В отношениях существует некоторая напряженность	8,6	10,0	11,6	11,3
4. Имеются конфликты на национальной почве	3,3	6,7	7,9	5,7
5. Затрудняюсь ответить	9,7	10,5	5,4	10,7

В оценке источников межэтнической напряженности доминирующую позицию на протяжении различных опросов, проведенных в ЮФО в 2000-х гг., сохраняет ответ «несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп». В целом, по региону в опросе 2016 г. этот ответ собрал 38,8 %. Но в Адыгее, Краснодарском крае и Ростовской области его выделили от 41,6 до 49,8 % соответственно, в Крыму – 29,4 %. Вторая по степени поддержки и близкая по содержанию позиция – «вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи», – собрала в целом по массиву 29,3 % (от 14,2 % в Крыму до 41,2 в Ростовской области). То есть в коллективных представлениях общества доминирующую позицию среди источников напряженности составляют неформальные правила поведения, которые определяются разными поведенческими кодексами, функционирующими в этнических группах.

Следует подчеркнуть также, что в опросе 2016 г. заметные позиции в ранжировании источников межэтнической конфликтности заняли экономические причины – конкуренция за рабочие места, за землю и стремление той или иной этнической группы доминировать в какой-либо сфере занятости. Вместе с тем иерархия этих позиций в регионах различна.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, что чаще всего служит источником межэтнической напряженности?», %

Ответы	Адыгея	Крым	Красн. край	Рост. Обл.
Несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп	41,6	29,4	47,1	49,8
Вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи	39,0	14,2	23,9	41,2
Конкуренция за рабочие места	29,6	19,9	29,5	13,7
Доминирование этнической группы в определенной сфере занятости	23,0	7,9	11,1	13,8
Нарушение гражданских прав из-за этнической / религиозной принадлежности	21,1	18,7	33,6	24,7
Ущемление этнических групп в сфере поддержания своего языка	15,3	13,1	19,1	11,4
Агрессивность в межгрупповых отношениях	17,0	20,6	18,4	26,5
Конкуренция (соперничество) за землю между представителями разных этнических групп	12,8	26,9	26,9	11,8
Требование предоставления особых прав и льгот тем или другим народам	11,5	29,7	12,6	12,6
Усиление криминогенной обстановки, вызванное приезжими	8,6	5,7	10,8	15,2
Сезонный приток мигрантов,	6,8	2,9	8,4	8,6

которые нарушают привычный уклад жизни				
--	--	--	--	--

Приведенные в таблице 3 результаты свидетельствуют том, что наиболее важными источниками напряженности в Крыму рассматриваются требования особых льгот тем или другим народам (что отличает этот регион от других регионов ЮФО), а также различие культурных норм, которыми руководствуются разные этнические группы, конкуренция на рынке труда и агрессивность в межгрупповых отношениях. Однако данные позиции выделяются респондентами и в других регионах ЮФО, иногда даже с большей интенсивностью.

В целом, по массиву четверть респондентов указали на наличие напряженности в их регионах между людьми разных вероисповеданий. При этом данный показатель на несколько пунктов выше в Ростовской области, и Краснодарском краях по сравнению с Крымом. В Адыгее этот показатель самый низкий – 13,5 %.

Рассматриваемые регионы различаются также и в оценке факторов, которые способствуют формированию межэтнической напряженности. Исходя из предварительного анализа межэтнической и религиозной ситуации в регионах [1; 2; 3], в инструментарии респондентам на выбор был предложен реестр факторов с просьбой, указать не более трех самых важных. При всех различиях регионов доминирующие позиции в этой иерархии заняли одинаковые причины: сложная экономическая ситуация и дефицит рабочих мест, недостаточный опыт работников администрации, занятых в управлении данной сферой отношений; недостаточное внимание к межэтническим отношениям со стороны государственных органов, высокий уровень коррупции в органах власти.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы способствуют формированию межэтнической напряженности?», %

Ответы	Адыгея	Крым	Красн край	Рост. Обл.
1. Ошибки в работе правоохранительных органов	19,4	14,7	19,1	12,2
2. Недостаточное внимание	27,4	25,4	29,5	32,1

вопросам межэтнических отношений органов власти				
3. Отсутствие должного финансирования программ поддержки развития культур различных этнических групп (народов)	12,6	15,0	23,2	10,7
4. Недостаточный опыт и компетентность официальных работников в регулировании проблем межэтнических отношений	28,1	26,1	27,9	27,4
5. Сложная экономическая ситуация, дефицит рабочих мест	53,3	30,2	31,0	30,6
6. Активный рост численности мигрантов	18,4	11,0	27,3	31,1
7. Конфликтность в соседних республиках Северного Кавказа	9,3	5,5	20,8	27,1
8. Усиление влияния радикального ислама	24,1	22,0	19,2	25,0
9. Высокий уровень коррупции в органах государственной власти	37,1	26,9	14,8	23,2
10. Рост влияния криминальных структур	3,3	4,2	7,5	6,3

Приведенные данные демонстрируют совпадение иерархии факторов напряженности при том отличии, что в Крыму их выделяют с меньшей интенсивностью. В последние годы возникла новая угроза, которую отметили почти четверть респондентов во всех регионах опроса, – радикальный ислам как фактор, способствующий формированию межэтнической напряженности. Этот фактор выделяют даже в тех регионах, где ислам не является широко распространенным вероисповеданием.

Проведенное исследование оценок характера межэтнических отношений в разных регионах Южного федерального округа свидетельствует о том, что коллективные представления крымчан мало отличаются от представлений населения других регионов. Эти оценки свидетельствуют об общих проблемах, существующих в разных регионах ЮФО, общности ожиданий населения, что предполагает возможность опоры на общие подходы к решению выделенных проблем.

Литература:

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа : экспертный доклад 2015 г. / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Ростов н/Д., 2016;

2. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе : экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 г.) / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Ростов н/Д., 2016;

3. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа, 2015 год : экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Пятигорск; Ставрополь, 2016.

УДК 316.334.56

ГОРОДА ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ МЕГАСОБЫТИЙ КАК НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ

Дулина Н. В. ,

доктор социол. наук, профессор, Волгоградский государственный университет, Институт истории, международных отношений и социальных технологий, г. Волгоград

Икингрин Е. Н. ,

канд. социол. наук, доцент, Нижневарттовское отделение РОС, Нижневарттовск-Уфа, Россия

Аннотация. Спортивные мегасобытия всегда привлекают миллионы зрителей, влияют на престиж стран-организаторов и дают хорошую возможность усилить их позицию на мировом рынке. Чемпионата мира по футболу в 2018 г. (ЧМ-2018), матчи которого стартуют в 11 городах России, несомненно, относится к мегасобытиям. Города, принимающие на своей территории ЧМ-2018, столкнутся с его как отрицательными, так и положительными последствиями, одним из которых может стать привлечение потока туристов. В статье приводятся данные, полученные в ходе общероссийского исследования РОС «Чемпионат мира по футболу в оценках и мнениях молодежи».

Ключевые слова: спортивные мегасобытия, направления туристских маршрутов, туристические объекты.

Масштабные мероприятия, которым присущ глобальный охват массовой аудитории, принято относить к мега-событиям. Морис Рош утверждает, что мегасобытия – это «парады» и «шоу» современного общества, широкомасштабные культурные (коммерческие и спортивные) мероприятия, которые имеют драматический характер, привлекают массовое общественное внимание и обладают международным значением... [9]. Такие спортивные мероприятия проводятся в одном городе или распределяются по нескольким городам страны, привлекают большое количество участников и зрителей, вызывают интерес средств массовой информации и требуют от принимающей страны значительных инвестиций в инфраструктуру,

логистику и обеспечение безопасности [8]. Важно, что отличительными чертами событий такого рода считается наличие значительных последствий (как позитивных, так и негативных) для принимающего города и страны в целом.

Отличительными чертами мегасобытий могут выступать внутренние и внешние характеристики данного мероприятия. Внутренние характеристики – это, в первую очередь, его продолжительность и масштаб (количество участников и зрителей, количество мероприятий – игр, сеансов, таймов и пр., и уровень организационной сложности). Внешние характеристики в основном включают в себя освещение мероприятия в СМИ и его туристскую привлекательность, а так же оказание влияния на развитие принимающего города.

Мегасобытия могут быть подразделены на культурные, политические, спортивные и др. К спортивным мегасобытиям в настоящее время относят Олимпийские игры и Чемпионат мира по футболу, данные мероприятия привлекают наибольшую аудиторию, участие и победа в них считаются наивысшими достижениями в жизни спортсменов [2]. Мегаспортивные мероприятия, как правило, служат импульсом к вовлечению бизнеса и власти в необходимые инфраструктурные инвестиции, например, сервис и туризм.

Уже упомянутый выше М. Роше в своих работах обращает внимание на то, что мегасобытия – это краткосрочные события с долгосрочными последствиями, причем эти последствия не только экономические, но и социальные, политические, культурные. Опыт проведения спортивных мегасобытий в России свидетельствует, что города, принимавшие на своей территории спортивные мероприятия мирового масштаба, по их окончании привлекают большое количество туристов, что подтверждается результатами социологических исследований, выполненных, в том числе и с нашим участием (см., напр., [2–4] и др.).

Станет ли проведение Чемпионата мира по футболу (ЧМ–2018) точкой роста для городов, принимающих его на своих стадионах, покажет время. Пока же студенты страны следующим образом оценивают факт того,

удачно ли, по их мнению, выбраны города для проведения матчей ЧМ-2018⁰ (см. табл. 1, в таблице знаком н/д обозначено отсутствие данных, иначе говоря, студенты этих городов участие в опросе не принимали, а потому не представляется возможным отобразить их мнение, и, соответственно, разницу в сравнении с общероссийским массивом данных).

Таблица 1

Оценки студентами степени удачности / не удачности выбора городов-хозяев чемпионата, индексы*

Город-участник ЧМ2018	Оценка по массиву	Оценка студентов данного города	Разница
Сочи	0,686	н/д	н/д
Москва	0,681	0,746	0,065
Санкт-Петербург	0,646	0,667	0,021
Казань	0,624	0,741	0,117
Екатеринбург	0,338	0,491	0,153
Ростов-на-Дону	0,309	н/д	н/д
Нижний Новгород	0,242	0,396	0,155
Калининград	0,234	0,095	-0,139
Волгоград	0,174	0,250	0,076
Самара	0,065	0,020	-0,045
Саранск	-0,126	0,361	0,486

* Индекс измерялся от «-1»(неудачный) до «+1»(удачный)

По мнению, студентов наиболее удачными для проведения матчей ЧМ –2018 являются четыре города – Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Казань. Все эти города имеют опыт проведения спортивных мегасобытий, соответственно, уже и апробированную инфраструктуру для их проведения. Напомним, что только в последнее время наша страна впервые провела на

0

Всероссийское социологическое исследование «Чемпионат мира по футболу 2018 в оценках и мнениях молодежи», выполненного под эгидой Российского общества социологов (РОС) с 1 ноября по 30 декабря 2017 года. Территория исследования включала в себя более 30 городов страны, в том числе 9 из 11 городов, в которых будет проходить ЧМ-2018. В опросе приняли участие студенты 70 вузов. В массив данных для обработки было отобрано 4703 анкеты. Подробно технические параметры выполненного исследования представлены на официальном сайте РОС.

своей территории достаточно большое количество спортивных мероприятий мирового масштаба. Так, в 2013 году были проведены Всемирные студенческие игры – Универсиаду (г. Казань) и Чемпионат мира по легкой атлетике (г. Москва). В 2014 году в Сочи прошли Олимпийские и Паралимпийские игры, Чемпионат мира по водным видам спорта – 2015 года (г. Казань). Наименее удачными студента назвали – Саранск, Самару и Волгоград. При этом нельзя не заметить, что, как правило, студенты, обучающиеся в городах проведения ЧМ – 2018, оценивают удачность выбора своего города значительно выше, чем его оценивают студенты в целом по стране. Полагаем, что во многом это объясняется тем, что студенты городов ЧМ – 2018 воочию наблюдают за размахом строительства и делают заключения о возможных последствиях для города самостоятельно. Что касается Калининграда и Самары, то даже студенты этих городов признают их выбор не очень удачным.

Заметим, что оценки студентов степени удачливости выбора городов для проведения матчей ЧМ-2018 совпадают с оценками социально-экономических эффектов для этих городов, выставленных специалистами. Доктор экономических наук А. В. Павлова отмечает, что «доходы в разрезе городов, принимающих турнир, будут неравномерны вследствие разного потенциала туристических территорий. Очевидно, что львиная доля доходов придется на такие города, как Москва и Санкт-Петербург, являющиеся “традиционными зонами притяжения” туристов, а также Сочи и Казань, получившие международную узнаваемость после проведения Зимней Олимпиады-2014 и Универсиады-2013. Сочи можно выделить отдельно, так как этот город, имеющий значительный туристический потенциал, подкрепленный курортной составляющей. Наименьшим туристическим потенциалом обладает Саранск» [7, с. 66].

Подтверждением тезиса о привлекательности городов, принимающих ЧМ – 2018, могут служить ответы студентов на другой вопрос анкеты о формах участия в ЧМ – 2018 (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение студентов об их возможных формах участия в ЧМ – 2018, %%

Как Вы будете следить или участвовать в ЧМ-2018?	Территория исследования		
	Города – участники ЧМ-2018	Города – не участники ЧМ-2018	В целом по России
Участвую /планирую участвовать в чемпионате в качестве волонтера	14,8	3,8	11,4
Буду посещать матчи чемпионата (в качестве зрителя)	14,4	8,1	12,5

Буду активно смотреть все трансляции матчей	14,8	16,8	15,4
Буду выборочно смотреть интересные трансляции матчей	28,7	26,5	28,0
Буду узнавать о событиях из новостей	32,3	30,3	31,7
Буду узнавать о событиях от друзей, знакомых	26,4	25,1	26,0
Вообще не буду следить за ЧМ2018	21,6	24,0	22,3
Другое	1,1	0,4	0,9
Затрудняюсь ответить	5,7	8,9	6,7

* Общая сумма по столбцу превышает 100 %, поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Если нижняя часть таблицы демонстрирует совпадение оценок студентов вне зависимости от территории проживания, то две верхние позиции свидетельствуют о значимых различиях в оценках. Города, принимающие ЧМ –2018, предоставляют иные возможности, и количество желающих воспользоваться этими возможностями заметно увеличивается, закладывая иной вектор формирования молодежных потребностей и интересов.

З. М. Кузнецова с соавторами пишут о том, что наследие крупных мероприятий является одной из главных целей МОК. Они выделяют три причины: позитивное наследие предоставляет доказательства того, что мероприятие было положительным для города / страны – организатора; он оправдывает использование ограниченных государственных ресурсов для инфраструктуры мероприятия; позитивное наследие мотивирует другие [6].

Будем надеяться, что проведение матчей ЧМ – 2018 в 11 городах России, заложит не только новое отношение к спорту в целом, но и заложит новые траектории туристических маршрутов, втягивая в эту орбиту и города, которые пока у молодежи не пользуются популярностью. А «Если говорить о спортивных и туристических объектах Сочи, вся инфраструктура постолимпийского наследия привлекает все большее число туристов. В прошлом году здесь отдохнули 6,5 млн. человек. Олимпийские объекты используются практически круглый год, – подчеркивает **премьер-министр России Дмитрий Медведев**. – Здесь тренируются сборные команды, проходят спортивные соревнования, в том числе международного уровня. Доходы в бюджет края с территории Сочи увеличились в 3,5 раза» [1].

Литература:

1. Богатое наследие. Пригодились ли Сочи объекты Олимпиады?// «АиФ-ЮГ» № 5 1/02/2017 http://www.kuban.aif.ru/sport/events/naravne_s_poletom_gagarina_kak_izmenila_stranu_olimpiada-2014_v_sochi дата доступа: 19.04.2018.
2. Галанин С. В. Спортивные мегасобытия как фактор внутренней консолидации и усиления межкультурных связей // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 27.
3. Давыдова С. А., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Коричко А. В., Коричко Ю. В., Лубышева Л. И. Олимпийские игры в Сочи в оценках и мнениях населения страны // Теория и практика физической культуры. 2014. № 12.
4. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Постолимпийский Сочи – новая точка притяжения студенческой молодежи (по итогам социологического исследования) // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета физической культуры и спорта Нижневартовского государственного университета (г. Нижневартовск, 20–21 марта 2015 г.) / Отв. ред. Л. Г. Пашенко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та. 2015.
5. Дулина Н.В., Икингрин Е. Н. Феномен Олимпийских игр в социализации студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года). Часть II. / Отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та. 2015.
6. Кузнецова З. М., Грэттон К., Пройс Х. Увеличение воздействия Олимпийских игр путем создания наследия // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта». 2012. № 3 (24).
7. Павлова А. В. О прямых и косвенных социально-экономических эффектах от проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году // Журнал «Наука и спорт: современные тенденции». Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма. Казань, 2015. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uhimik.ru/6180/index.html>.
8. Airton Saboya Valente Junior, Joan Noguera Tur. Mega Sporting Events and Legacy: The Case of the 2014 World Cup. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.regionalstudies.org/uploads/Airton_Saboya_Valente_Junior.pdf (дата обращения 19 марта 2018 г.).

9. Roche, M. *Mega-events & modernity*. – London: Routledge, 2000. London Reference Collections shelfmark: YC.2003 b.2166.

УДК 346.4

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ⁰

Жаде З.А.,

д.полит.н., профессор, Адыгейский государственный университет, юридический факультет, г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье анализируются особенности государственной политики интеграции российской нации. Обосновывается тезис о том, что интеграция российской нации представляет собой фундамент функционирования социально-политической структуры и обеспечения национальной безопасности, основным конструктом которого является народ. Определяются направления процессов интеграции российской нации в административно-управленческой сфере.

Ключевые слова: интеграция, российская нация, государственная политика

Обеспечение единства российской нации в условиях многообразия особенностей страны и этнокультурного развития общностей и регионов является одной из актуальных проблем не только социогуманитарных наук, но и современной этнополитики. В этой связи возникает необходимость сконцентрировать внимание на концепции российской нации, которая, по нашему представлению, является главным инновационным ресурсом «*Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года*» [1]. Этот доктринальный документ предполагает постановку и решение многих актуальных проблем, в нём признаются важность и актуальность акцента на национальном вопросе и формулируются основные цели национальной политики: укрепление общероссийского гражданского единства наряду с сохранением и развитием этнокультурного разнообразия народов, населяющих страну.

0

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-6738.2018.6 «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)».

В Стратегии отражена формула межнационального согласия в современной России, которая одновременно выступает и формулой практической деятельности институтов государства и гражданского общества. В основу положена забота о состоянии всех народов, а также непрерывное утверждение в жизни страны единства народов как граждан России.

В России, объединяющей множество этносов, национальная политика является важнейшим компонентом государственной политики. Специфическая черта – существенное различие населяющих ее народов по своей психологии, менталитету и социокультурным особенностям, характеру экономического поведения, формам организации общественной и государственной жизни. Это, наряду с интеграционными процессами, обусловленными преимуществами объединения различных народов в едином государстве, объективно порождает центробежные тенденции. Основная задача национальной политики – максимально способствуя интеграционным тенденциям, обеспечить гармонизацию национальных интересов и дальнейшее развитие всех народов в составе единой и неделимой России.

Проблема интеграции российской гражданской нации стала неотъемлемой частью политической повестки дня. Следует подчеркнуть, что в нашей стране с 2012 года разрабатываются проекты по формированию российской нации, приняты существенные управленческие решения в сфере государственной национальной политики. В этом же году создан Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, работа которого направлена на объединение усилий органов власти, экспертов и национально-культурных объединений в этой сфере. Ключевым шагом стало утверждение в декабре 2012 года Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. В этот период созданы также профильные подразделения Администрации Президента и Правительства Российской Федерации.

В 2015 году образован специальный орган в сфере межнациональных отношений – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН РФ), главной задачей которого является раннее прогнозирование конфликтов, которые имеют или могут приобрести межнациональную окраску. В этой связи в ФАДН создана Система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, призванная обеспечить анализ состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в стране, обеспечивать возможность оперативного реагирования на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций.

Еще раз подчеркнем, что новая стратегия развития России требует для своего осуществления сплоченности российского народа, обеспечения

национального единства страны и мобилизации всех ее ресурсов. Такое единство может быть обеспечено лишь на основе высоких духовных ценностей, формирующих в общественном сознании чувство принадлежности к единому российскому государству. Сегодня эта задача является самой важной, и поэтому именно она должна стать приоритетной в государственной политике России, первостепенное значение для которой имеет «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Об этом речь идет и в других программных документах страны. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» указывается на необходимость поддержки программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности; в Постановлении Правительства РФ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)» отмечается, что «поддержка общественных инициатив и мероприятий, направленных на формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности» активно поддерживается в России сегодня.

Об этом же говорят и ведущие политические деятели, когда заявляют о необходимости формирования «русской нации» и «новой российской идентичности». Так, 20 июля 2017 года на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, посвященном реализации на региональном и муниципальном уровнях Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года, Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул: «все, что связано с национальной идентичностью, с традициями, – сфера тонкая и очень чувствительная, и действовать здесь следует крайне деликатно и мудро. В целом за последние годы в этой области наработан немалый и, главное, результативный опыт. Достаточно упомянуть рост числа граждан России, считающих отношения между людьми разных национальностей доброжелательными. Сегодня их почти 80 %. Еще лет 10-15 назад ситуация была совсем иной. Наша задача – сберечь согласие, которое достигнуто в обществе, в первую очередь, обеспечив постоянное взаимодействие и конструктивный диалог власти и институтов гражданского общества» [2].

Представляется, что интеграция российской нации предстает фундаментом функционирования социально-политической структуры и обеспечения национальной безопасности, основным объектом которого

является народ. Принимая во внимание то обстоятельство, что население России полиэтнично, постоянный поиск путей оптимизации межэтнических отношений становится объективно необходимым условием достижения социально-политической стабильности, межэтнического согласия и межконфессионального мира. Это, несомненно, ключевая задача государственного управления, без позитивного решения которой вряд ли возможно динамичное функционирование и развитие страны.

Важнейшими направлениями в процессе интеграции российской нации в административно-управленческой сфере являются:

- разработка федеральных и региональных проектов по упрочению российской нации;
- формирование с помощью СМИ толерантной общественной среды, прежде всего, в том, что касается отношений между людьми различных культур, национальностей, вероисповедания и происхождения;
- поддержка и систематическое проведение органами государственной власти мероприятий по взаимному ознакомлению с культурными достижениями народов и этносов нашей страны под девизом «К российской идентичности через диалог культур».

Укрепление единства российской нации при обеспечении этнокультурного развития народов Российской Федерации – это генеральное направление реализации государственной политики, ключевыми аспектами которой являются, с одной стороны, создание общегражданского российского проекта идентичности на основе политико-правового равенства, общности идеологии, гражданских институтов и территории; с другой стороны, актуализация достойного, общего для всех граждан исторического прошлого, поддержка традиций, формирующих патриотическую позицию.

Рассуждая об особенностях государственной политики интеграции российской нации, затронем и проблемы социокультурной интеграции крымчан в российское общество. Как известно, Крым является регионом с исторически сложившимся полиэтничным социумом особого типа (без выраженной титульной составляющей). По данным последней переписи населения, в Крымском федеральном округе проживает 2 млн. 284,4 тыс. чел. Этническая ситуация имеет неоднозначный характер: Крым находится в сложном этнополитическом положении и имеет статус региона с потенциалом развития этнических конфликтов. По мнению аналитиков, в Крыму на протяжении последних лет осуществляется действенная национальная политика и нет радикального этнического противостояния [3, с. 81].

Исследуя тенденции трансформаций идентичности крымского сообщества, А.В. Баранов приходит к выводу о том, что «региональное сообщество Крыма является многосоставным, с сегментацией на русское, украинское и крымско-татарское сообщества. Русская этническая идентичность крымчан своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую и гражданскую российскую идентичности. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Внутрирегиональные конфликты наиболее вероятны по линии «славяне – татары». Радикальный ислам либо этноцентристские проекты могут нарушить конструктивный баланс идентичностей: необходима стратегия реинтеграции Крыма и России на основе распространения гражданской идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Залог ее прочности – прочная интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов согласования и представительства политических интересов» [4, с. 17].

Таким образом, в современных условиях, когда одной из основополагающих задач государства и общества является интеграция российской нации, в иерархии ценностных приоритетов на первое место следует поставить укрепление гражданской идентичности, ее утверждение на всех уровнях – человека, социума, государства. Есть все основания полагать, что в этой ситуации именно объединение российской нации превращается в один из главных ресурсов обеспечения безопасности страны. Выделение и обоснование данного феномена позволит выработать меры по укреплению российской государственности, разрешить конфликтные проблемы в функционировании российского социума и сформировать имидж страны как великой державы.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru/news/17165> (Проверено 22.04.2018).
2. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (Проверено 22.04.2018).

3. Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 84-94.
4. Баранов А.В. Трансформации региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымчан в контексте воссоединения Крыма и России // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 5. С. 4-18.

УДК 338.484

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БРЕНДИНГА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Журавская Я.А.,

магистрант, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Севастополь, Россия;

Д.В. Смирнов,

старший преподаватель кафедры туризма, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Севастополь, Россия

Аннотация: актуальность работы заключается в том, что российская практика бренд-менеджмента нуждается в формировании единых основ профессиональной лексики. Об этом свидетельствуют разнообразные варианты интерпретации термина «бренд», которые порой противоречат друг другу. Для успешной реализации проектов в любой сфере деятельности всегда необходимо оперировать идентичными терминами. В данной статье приведена классическая терминология бренд-менеджмента, основы которой зародились еще в 1993 году. Рассмотрены практические и теоретические аспекты развития концепции бренда; проанализированы подходы, которые максимально раскрывают содержание термина «бренд». Особое внимание уделено раскрытию понятия «бренд территории». На примере Республики Крым продемонстрирован реальный пример работы над формированием бренда территории, внедрение концепции бренд-лайна в жизнь общества; показан пример того, как используется созданный бренд, спустя два года после его создания. Результаты данного исследования способны расширить знания о методическом потенциале сферы туризма и помочь предпринимателям в развитии собственного бизнеса, формируя качественный и успешный бренд.

Ключевые слова: товарный знак, бренд, бренд территории, брендинг мест, бренд-лайн, маркетинг территории, фирменный стиль, туризм, туристский бренд, дестинация, социология.

Современное общество живет в изобилии товаров и различных предложений. С одной стороны, это порождает свободу выбора, но, с другой стороны, задача для потребителя весьма усложняется – среди всеобщего разнообразия торговых марок сложнее идентифицировать достойный продукт. Следовательно, производитель для достижения успеха у

потребителя, вынужден внедрять не только маркетинговые каналы сбыта, но и осуществлять грамотную политику создания и развития собственного бренда.

Американская маркетинговая ассоциация дает следующее определение: «бренд – это название, слово, выражение, знак, символ или дизайнерское решение, или их комбинация в целях обозначения товаров и услуг конкретного продавца или группы продавцов для отличия их от конкурентов» [1].

Рассматривая бренд с правовой точки зрения можно выделить такой важный его элемент как товарный знак, обозначающий производителя и подлежащий правовой защите. Потребительская психология говорит о бренде как об информации, сохраненной в памяти общества.

Аналогично характеризуют бренд следующие два подхода:

– первый подход говорит о том, что бренд – это задача и индивидуальная атрибутика: название, логотип и визуальные характеристики (шрифт, дизайн, цветовое решение, символы), которые позволяют выделить компанию или продукт в сравнении с конкурентами;

– второй подход имеет более глобальные черты: бренд – это образ, имидж, репутация продукта, услуги, территории в глазах клиента, партнеров и общественности.

Первый подход логичнее применять в бизнесе для грамотного позиционирования продукции или для создания устойчивой корпоративной культуры, второй подход раскрывает концепцию развития бренда территории.

Понятие бренда территории зародилось еще в 1993 году, когда Дональд Хайдер, Филипп Котлер и Ирвинг Рейн в книге «Маркетинг территорий» отметили, что в современном мире граждане становятся потребителями, а территории (города, регионы, страны) – товарами [2]. В 2002 году Саймон Анхольт – один из ведущих мировых специалистов в области брендинга – обосновал термин «брендинг мест». В теории Анхольта бренд территории состоит из шести важных элементов: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди [5].

Термин «бренд территории» является достаточно популярным среди представителей туристической индустрии и органов федеральных, региональных и местных властей Российской Федерации. При этом часто совершается одна и та же ошибка: используется броский лозунг или абстрактный логотип, но отсутствует целостный образ территории, следовательно, нет понимания того, что именно получит турист, посещая данное место. Именно это ярко продемонстрировал национальный конкурс идеи создания «Туристского бренда Крыма», проведенный в 2016 г. Данный конкурс показал, что для дальнейшей работы над брендом недостаточно подготовить только лишь

техническое задание для дизайнеров. Известные на весь мир бренды, такие как Оксфорд, Нью-Йорк, Париж, появились не как результат специальных брендинговых кампаний, а формировались на протяжении веков естественным путем. Для успешного создания и продвижения бренда важно анализировать текущее восприятие Крыма как туристской дестинации и туристами, и крымчанами.

Позже работу над созданием бренда Крыма поручили профессионалам, в ходе чего была разработана концепция бренда, состоящая из трех частей:

- платформа бренда – это общее смысловое поле бренда, описание уникальных отличительных свойств бренда, а также совокупность его визуальных, имиджевых и маркетинговых атрибутов;
- фирменный стиль – это единство элементов стиля, идентифицирующих принадлежность всего, на чем размещаются эти элементы (товары, средства коммуникации) к конкретной фирме. Товарный знак, логотип, фирменные цвета являются графической частью фирменного стиля;
- концепция продвижения – это позиционирование торговой марки и создание системы коммуникаций с рынком [6].

Итогом этой работы стала разработка бренд-лайна Крыма, слоган которого звучит как «Я.Крым. Точка притяжения».

«Эти четыре слова и точка легли в основное понятие, что такое Крым, которое мы несем. Этот бренд-лайн имеет два уровня. «Я.Крым» – это значит, что у нас происходит некая персонализация Крыма. Крым как бы говорит от собственного лица. Каждый крымчанин может сказать «я тоже немного Крым и от меня зависит, каким Крым увидят наши гости», – поясняет Ольга Степанова, председатель Крымской организации Союза дизайнеров России и главный разработчик данного бренд-лайна. В свою очередь, «Точка притяжения», по ее словам, означает поиск так называемых крымских магнитов – достопримечательностей, фестивалей, природных факторов [4].

Бренд-лайн «Я.Крым. Точка притяжения» был представлен широкой публике в декабре 2016 года. С этого момента прошло уже более года, следовательно, уже можно подводить некоторые итоги того, насколько хорошо работает концепция продвижения данного бренда.

Для более детального исследования был проведен социологический опрос, в ходе которого были получены следующие результаты:

- 96% респондентов показали недостаточную осведомленность в вопросе существования туристского бренда полуострова;
- 43% опрошенных не узнали актуальный брендовый логотип Республики Крым среди предложенных вариантов (существующий бренд Крыма и работы в рамках национального конкурса).

В ходе проведения интервьюирования было определено, что разработанная концепция бренда в данный момент не является достаточно узнаваемой среди крымчан. Следовательно, существует необходимость в проведении более активной маркетинговой политики для продвижения созданного бренд-лайна.

В настоящее время Министерство курортов и туризма Республики Крым использует разработанную в 2016 году концепцию бренда при проведении туристских выставок, таких как «Открытый Крым 2018», «МИТТ-2018», «Интурмаркет-2018». Создано мобильное приложение «Я.Крым – точка притяжения», где можно ознакомиться с информацией о городах республики, объектах размещения и питания, достопримечательностях, актуальных и интересных мероприятиях, проходящих на полуострове [4].

Все вышеизложенные проекты реализуются при поддержке правительства Крыма.

Безусловно, внедрение концепции бренда территории логичнее всего начинать именно с государственного аппарата, но необходимо проводить более активную маркетинговую политику. Бренд-лайн «Я.Крым. Точка притяжения» имеет хорошие перспективы стать узнаваемым не только среди крымчан, но и среди туристов, российских и иностранных инвесторов.

Таким образом, для создания и продвижения бренда важно, чтобы не только все части концепции (фирменный стиль, графическая часть, методика продвижения) стали единым целым в формировании положительного имиджа, но и произошло грамотное внедрение всего бренд-лайна в жизнь

общества. Когда бренд станет узнаваемым, тогда работу можно будет считать успешно выполненной.

Литература:

1. American Marketing Association. Marketing Definitions: A Glossary of Marketing Terms. – AMA, Chicago, IL., 1960.

2. Котлер, Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы [Текст] / Асплунд, К., Рейн, И., Хайдер, Д. – СПб : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 376 с.

3. Полегенько, А. В Симферополе презентовали новый туристский логотип Крыма [Текст] / А. Полегенько. // РИА Новости Крым. – 2016. – № 243.

4. Стрельбицкий, С.В. При поддержке Минкурортов РК разработано и запущено бесплатное мобильное приложение «Я.Крым – точка притяжения» [Текст] / С.В. Стрельбицкий. // Пресс-служба Министерства курортов и туризма Республики Крым. – 2017. - № 5.

5. Чернякина, А.О. Брендинг туристской территории: ошибки и ключевые аспекты создания в рамках кластерного подхода развития туризма [Текст] / А.О. Чернякина. // Вестник ТГПУ. – 2012. – №127. – с.47-51.

6. Толкачев, А. Реклама и PR в бизнесе [Текст] / А. Толкачев. – М.: Эксмо, 2017. – 522 с.

УДК 316.346.32

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОДВИЖЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДЕ МОЛОДЁЖИ – СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Загутин Д.С.,

д.ф.н., доцент, профессор, Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен социально-философский аспект продвижения нравственных ценностей в молодежной среде. Установлено влияние современных ИТ на сознание представителей молодёжи и формирование ценностных ориентиров в процессе социализации. Перечислены риски, сопровождающие данный процесс.

Ключевые слова. Молодёжь, нравственные ценности, информационно-коммуникативные технологии.

Развитие информационно-коммуникативных технологий [3], массовое распространение социальных сетей интернет вызывает трансформацию морально-этической системы координат подростка в процессе его социализации.

Данные тенденции формируют принципиально новую модель общества, в которой доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных акторов, участвующих в формировании личности молодого гражданина, движимых собственными мотивами и не обладающих для этого достаточным опытом взаимодействия внутри общества [10].

В современную эпоху информационных технологий возрастает роль и значение сетевых структур в вопросе становления этических компетенций подростка [10].

Сегодня в научной литературе можно выделить большое количество исследований, посвященных различным типам контактов людей с новыми технологиями, цифровой средой.

Насущной потребностью сегодня, нам видится, в выстраивании механизмов нравственной социализации подростка, направленной на создание такого социального поведения, при котором он (подросток) будет стремиться к высокой культуре развития и активно стремиться к созиданию новых культурных ценностей в процессах взаимодействия внутри общества [2].

Сегодня в молодежной среде наблюдается эффект культурной дезориентации. Данный эффект усиливается, в том числе, в силу вовлеченности молодых людей в социальные сети и неконтролируемого использования информационных технологий в повседневной и образовательной среде. И здесь важную роль играют регуляторы социального поведения.

Одной из целей данной статьи является определение роли интернет-маркетинга как регулятора социального поведения.

В интернет-маркетинге продвижение в социальных сетях называют SMM (Social Media Marketing). SMM – это процесс привлечения внимания интернет аудитории, реализуемый с помощью социальных медиаканалов [11]. Поскольку продвижение в социальных сетях существенно отличается от других направлений интернет-маркетинга, таких, как продвижение сайта в поисковых системах, контекстная реклама, постольку в современном интернет-маркетинге выделяется отдельное направление – SMM.

Рассматривая вопросы эффективности SMM в области регуляторов поведения, повышения морально-этического уровня подростка, нельзя обойти вниманием проблемы целеполагания.

Известно, что целью маркетинга является удовлетворение нужд, потребностей клиентов посредством обмена [3]. Следовательно, вопрос повышения культуры личности необходимо перевести в плоскость потребностей самого подростка.

Цель рекламы – создать осведомленность, предоставить информацию, убедить, напомнить, склонить к решению, в нашем случае к решению повышения собственной культуры [4].

Именно социальные сети сегодня – самый простой способ поделиться отзывом, впечатлением, ознакомиться с соответствующей социальной информацией, на основании которой можно делать умозаключения. Исследования ряда агентств уже показали, что 65% пользователей прислушиваются к рекомендациям своих друзей и лидерам мнения [1]. Однако, если в первые десятилетия развития SMM основной его целью и было генерирование отзывов о продукте, то в настоящее время продвижение в социальных сетях – это полный комплекс маркетинговых и других технологий, позволяющий формировать спрос, обратить внимание к проблеме нравственной социализации подростка на пути формирования высококультурного, морального общества.

При объективном рассмотрении роли гаджетов для подростка в образовательной среде, с необходимостью напрашивается вывод о том, что современные информационные технологии создают в сознании молодёжи иллюзию знания, формируют иллюзорные компетенции.

Социальное поведение личности может быть сформировано в процессе целенаправленного воспитания при социализации. Проецируя социальное поведение на социальные сети, можно увидеть, что в качестве субъекта поведения выступает личность молодого человека и социальная группа, к которой он себя относит. Результатом социального поведения является развитие взаимодействий и взаимоотношений личности с другими людьми и общностями в интернет пространстве [9].

В социальном поведении интернет-пространства, особое место занимают действия по отношению к другим участникам коммуникации, группам, обществам и предметному миру. К сожалению, специфика социальных сетей такова, что эти действия регулируются только на уровне заявлений, правил, на которые никто не обращает внимания в силу достаточно высокого уровня анонимности.

Сегодня социальные сети превратились в общественный институт, который оказывает непосредственное влияние на профессиональную социализацию, в том числе и сотрудников полиции формируя шаблоны социального поведения. Можно определить виртуальные социальные сети как набор формальных и неформальных правил, норм, установок, регулирующих различные сферы деятельности индивида и организующих их в систему ролей и статусов [4].

Литература:

1. Лубский А.В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // Информатика и образование. 2007. № 6. С. 10–14.
2. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. — 181с.
3. Фокин Н.И. Актуальные проблемы формирования образовательной стратегии как ключевого фактора обеспечения национальной безопасности России // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2014. - №4(36).
4. Захараш Т.Б. Теоретические основы формирования индивидуального и коллективного опыта у студентов. // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 5. С. 165-172.
6. Косинов Н.Ю., Егорова А.Г., Загутин Д.С. Коммуникационные технологии образовательной среды в процессе формирования творческого мышления инженера. Вестник непрерывного образования. 2015. № 3. С. 67-73.

7. Социальная психология для бакалавров: учебник / А.М. Руденко и др.; под ред. А.М. Руденко. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 332с.:ил. – (Высшее образование).

8. Профилактика молодёжного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в ростовской области Загутин Д.С., Ивченко М.В. Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. с. 82-89.

9. Russia in search of national integration model Lubsy A.V., Lurje A.G., Popov A.V., Serikova I.B., Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. № 4. С. 209-214.

10. Социальные сети как социальный институт социализации молодёжи Самыгин С.И., Попов М.Ю., Загутин Д.С., Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 46-49.

11. Кавасаки Г., Клососки С. Разработка digital-стратегии. Новейшие инструменты и технологии [Электронный ресурс] URL: <http://www.likeni.ru/events/Gay-Kawasaki-Nuzhno-umet-vorovat-pravilnye-idei/> (дата обращения 10.02.18)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Захарова В.А.,

Крымский филиал ФНИСЦ РАН, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье раскрывается значение исследования ментальных установок населения Республики Крым в отношении базовых экологических ценностей, анализа императивных составляющих экологического сознания в контексте интеграционных процессов и перспектив развития рекреационного пространства региона. Указывается на необходимость экспертизы содержания экологических программ, в частности, предназначенных для реализации в Республике Крым, на предмет экофильности их мировоззренческих оснований.

Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» содержит указание на то, что в последние годы усложняется экологическая ситуация на полуострове, усиливается техногенная нагрузка на окружающую природную среду промышленных зон Крыма. Нерационально используется существующий природно-ресурсный потенциал – рекреационный, биоклиматический, минерально-сырьевой, энергетический, прежде всего в сфере применения нетрадиционных источников возобновляемой энергии (ветровой, солнечной, геотермальной), отсутствуют системные природоохранные меры по сохранению уникальной флоры и фауны Крыма, природных ландшафтов. Обостряется проблема эрозии земель, угрожающий характер приобретают оползневые и абразионные процессы, разрушающие береговую линию, в особенности в прибрежной рекреационной зоне, повышается уровень загрязнения поверхностных и подземных вод, в результате чего под угрозой оказываются многочисленные санаторные комплексы, жилые дома, инженерно-транспортные коммуникации и сооружения. Обостряется проблема утилизации бытовых отходов. Несистемными являются меры по очистке прибрежных территорий и акватории моря от боеприпасов и созданию условий для безопасного освоения этих территорий и акватории. Неблагоприятные природные процессы, усиленные воздействием антропогенного фактора, осложняют экологическую обстановку, делают невозможным комплексное и рациональное использование природных

ресурсов с точки зрения перспектив рационального, устойчивого хозяйствования, могут вызвать сокращение продолжительности курортного сезона и рекреационного потока [6].

Как видим, рекреационное пространство региона нуждается в оптимизации берегающих и эконоориентированных технологий развития, не усугубляющих антропогенное воздействие на экосистемы полуострова. Реализация такой стратегии требует серьезного финансирования, но эффективность ее реализации во многом зависит и от общей ментальной установки населения на восприятие ценности природы, экосистемы, среды, мировоззренческой позиции по отношению к статусу своего региона как серьезного рекреационного центра в масштабах страны с соответствующими экономическими выгодами.

По мнению современных авторов, рекреация представляет собой компенсирующее восстановление израсходованных человеком в процессе трудовой деятельности сил, а также создание определенного запаса сил для дальнейшей деятельности в интересах сохранения и увеличения физического и интеллектуального потенциала [3 с. 191]. Рекреационная деятельность тесно связана с экологическими основаниями сознания человека, поскольку значительная часть ее разновидностей связана с пребыванием в границах природных рекреационных территорий и непосредственным общением с природой. Качество такого общения определяет как эффективность рекреационного воздействия, так и сохранение, и расширение рекреационного потенциала территорий. Рекреационную деятельность можно рассматривать с личностных позиций, как комплекс действий субъекта по освоению рекреационного эффекта территорий, либо же с позиций организаторов отдыха как управление процессом формирования и функционирования мероприятий по обеспечению рекреационных потребностей населения. И в первом, и во втором значениях рекреационная деятельность опирается на определенную аксиологически-телеологическую основу, позволяющую воспринимать воздействие рекреации и определять ее оптимальное содержание в экофильном либо экофобном направлениях. Именно экофильность, как представляется автору, во многом выступает основой успешной рекреационной деятельности.

Сущность феномена экофильности можно определить как состояние сознания, ориентированное на уважительное отношение к правам природной среды и жизненную позицию, связанную с отказом от нанесения ей ущерба. Носителем ее может быть как представитель традиционного общества, еще сохранившегося на периферии современной цивилизации, так и житель мегаполиса. Только в первом случае среди путей формирования такой

позиции превалируют передаваемые из поколения в поколение традиции гармоничных отношений с природной средой, соответствующего характера религиозные верования и повседневное непосредственное общение с природой, даже в виде любования ею, а в другом, по большей части, – привитие уважительного отношения к правам природной среды, с помощью арсенала воспитательных средств, таких, например, как образование, просвещение, пропаганда, агитация и т.п.

Как показывают исследования, восприимчивость к экофильным императивам деятельности различается у носителей определенных культурных традиций. К примеру: говоря об этносах, проживающих на территории Российской Федерации, С.В. Шефель указывает, что «признание возможности экологизации сознания населения России во многом основывается на утверждении о его так называемой «пограничности», – характерной черте, сформировавшейся вследствие взаимного заимствования элементов европейской и азиатской культур». Акцент на «пограничности» и межцивилизационном характере такого типа сознания дает возможность подчеркнуть, что их можно рассматривать в качестве условий внедрения в жизнь россиян конструктивных элементов опыта экологического воспитания, присущего каждому из евразийских этносов. Сознание такого типа демонстрирует высокий уровень их толерантности, потенциал межкультурной коммуникации, способности осваивать полезный социокультурный опыт, базирующийся на разных системах ценностей, и, при этом сохраняя самобытность, тот «стереотип поведения», который Л.Н. Гумилёв характеризовал как признак самодостаточности этноса. Можно считать «пограничное» сознание, представленное у многих евразийских этносов, своеобразным «козырем» в арсенале отечественной экологической политики [7 с. 89]».

О том, что концепты экофильности, «спрятанные» в глубинах сознания, проявляются со временем все сильнее, свидетельствуют и тенденции внутри рекреационной сферы, к примеру, появление новых видов отдыха, позволяющего восстановить жизненные силы – любование природой. Как форма организации личного времени оно существовало и раньше, но сегодня составляет основу набирающего популярность вида туризма – экологического туризма, развивающегося, в том числе, и в рамках организованной туристской деятельности, приобретающей все больший спрос.

Однако, как отмечает О.А. Альмухамедова, «массовый и индустриализированный мировой туризм уже оказал и продолжает оказывать весьма неблагоприятное, часто разрушающее действие на природные

экосистемы многих туристских регионов. Особенно это касается пляжного и охотничьего туризма. Например, сплошная застройка побережий отелями, пансионатами и др. зданиями для проживания, а также концентрация огромной массы туристов в узкой прибрежной зоне, привели к значительному загрязнению не только побережья, но и прибрежных вод. Это привело к негативным изменениям в сельском хозяйстве и к ухудшению социальной обстановки» [1, с. 9].

Успешность развития рекреационной сферы, имеющей существенный экономический потенциал, напрямую связана с уровнем развития экологического и правового сознания населения региона, что возлагает дополнительную ответственность на законодателей и составителей региональных правовых актов стратегической направленности в сфере экологической политики, развития туризма и рекреации. Ведь право существует там, где имеет место зависимость между субъектами и объектами бытия, оно предполагает наличие взаимосвязи между ними, что, как свойство, отождествляется с феноменом экологичности – потребностью во взаимосохранении этих субъектов и объектов для утверждения тенденции к поддержанию жизни. Неслучайно наукой доказано, что потеря любого вида жизни не только уменьшает биосферное разнообразие, но и является условием нарушения необходимого баланса его жизненных сил, катастрофичного по своим последствиям для всех его элементов.

Чтобы обеспечить экологически безопасный способ существования, возникла и потребность в осмыслении феномена права как средства гармонизации субъект-объектных отношений в экосфере, а потому и появилась особая отрасль знания – эконософия права. Она дала понимание права как особого феномена реальности, который осознается человеком как универсальная ценность. Это позволяет идентифицировать человека как субъекта, который, в отличие от иных природных существ, осознанно создает правовое измерение своего существования, посредством правотворчества и правоприменения. Благодаря этому качеству, человек сознательно формирует правовую сферу как сферу и межчеловеческих, социальных отношений, и как сферу отношений со всеми элементами природной среды, определяя их как совокупность взаимозависимых субъектов и объектов правоотношений. В ценностной структуре в этой связи системообразующий, императивный характер приобретают нормы экологического и природоресурсного права.

Именно такое представление вносит в контекст социологического дискурса значимые для каждого человека понятия «природная среда», «жизнь», «экологическая личность», «экологическое право», «экосоциальная

сфера», «экологическая справедливость», «межвидовая солидарность», что позволяет, сопоставляя образ экологического права с образом человека, понять экологические основания сосуществования природной среды и социума, благодаря которым выявляется значение экософско-правовой методологии как основы природосообразного способа человеческого мышления и деятельности.

Смысл данного мировоззренчески-методологического подхода состоит в обосновании права как фактора гармонизации отношений в экосфере посредством экологизации правосознания субъектов права и утверждения его в качестве детерминанты поведения людей посредством использования логики творчества жизни как проявления экоправовой культуры. В этой связи, экософский подход выявляет себя и как способ осмысления предельных, внеюримических оснований экологического права и определения его места в правовой сфере вообще, и как способ познания феномена экологичности как универсального качества природы права. Он также выявляет себя как специфический метод, методологию, системную совокупность средств правопознания и правореализации, которые определяют особенности процессов экологизации правосознания и формирования экоправовой культуры как культуры правотворчества жизни. Он позволяет человечеству понять и реализовать себя и как правотворческий, и как правоприменительный фактор гармонизации субъект-объектных отношений в социоприродном пространстве.

Именно экософская рефлексия права имеет вполне закономерную цель, четко определяющую ее мировоззренчески-методологическое своеобразие в когнитивной сфере: она функционально сориентирована на воспроизводство ментальности сохранения и человеческого рода, и биосферы, и, тем самым, выявляет себя концептуальной основой системы экоправового воспитания как способа формирования генерации творцов экологической государственности. Используя такую процедуру в познании права, его субъект сможет осуществить собственную экзистенцию как процесс экосоциального моделирования, выявляющий его сущностное «Я» и подлинную гуманистическую экоправовую природу. Это открывает для него возможность, оставаясь самим собой, самосовершенствоваться, воспроизводя экологическую сущность собственной правосубъектности. Так, понятая субъектом права идея самореализации является условием освобождения его сознания от устаревших и мировоззренчески ограниченных стереотипов правопонимания и утверждения гуманистических экоправовых ценностей в качестве убеждений, побуждающих к воспроизведению стойких привычек правомерного поведения в процессе

экосоциальной коммуникации, целью которой выступает деятельность, направленная на созидание экоправовой государственности, правовой культуры творчества жизни и гармонизация правоотношений в экосфере.

Исходя из вышеизложенного, можно понять методологическую специфику экософско-правовой парадигмы и определить, какое место экософский подход занимает в системе средств познания и реализации права. Результатом его применения должна стать парадигмальная смена духовно-творческой ориентации правосубъектности человека, направленная на оптимизацию использования социумом природных ресурсов, в т.ч. и людских, которые, к сожалению, еще, как правило, затрачиваются на борьбу людей между собой и с природной средой, а также – переключение этих сил на сотворчество, как условие выведения каждого человека и человечества в целом на уровень сознательных субъектов гармонизации правоотношений в экосоциосфере.

Глубина угрозы последствий техногенного развития мировой цивилизации ставит в повестку дня, в т.ч., и для всех россиян, независимо от региона, в котором они проживают, как неотложную задачу – осуществление экофильного поворота в правосознании граждан, что предполагает создание адекватной этому глобальному вызову системы экоправового воспитания. Для Крыма же это представляется необходимым и в целях сохранения экологического и рекреационного потенциала территорий, и в целях серьезного экономического рывка в развитии региона. Экоправовое воспитание понимается как процесс целенаправленного воздействия на правосознание личности с целью активизации глубинных экофильных оснований ее правового бытия, и формирования активной позиции относительно соблюдения прав природной среды и обеспечения экологической безопасности, а также воплощения их, как основополагающих императивов стратегии жизнотворчества, прежде всего, с целью созидания экоправовой государственности.

На основании изложенного считаем, что экологическая перспектива Крыма – это его экологическая реновация. Ее обоснование предполагает смещение акцента с антропоцентристской позиции авторов ныне реализуемых в регионе, и в стране в целом, экологических программ [2; 4–6], на их экогуманистическую составляющую. Это означает их императивное переформатирование, с учетом соблюдения приоритета принципа верховенства правоохранительной функции в триаде мер по восстановлению, сбережению и использованию потенциала природной среды полуострова, прежде всего, для ее адекватного воспроизводства, а затем и внедрения

модели ресурсосберегающей экономики и развития рекреационной сферы на основе экотехнологий.

Литература:

1. Альмухамедова О.А. Роль экотуризма в устойчивом развитии рекреации // Известия ЮФУ. Технические науки. С. 8-16.

2. Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым на 2018-2020 годы» (проект). URL: <http://minek.rk.gov.ru/ru/structure/677> (Дата обращения 03.05.2018)

3. Колесник Е.Л. Социально-культурная сущность и основные функции рекреации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №1 (17). С. 191-192.

4. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: справочная правовая система. Версия Проф. Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013.

5. Отчет Министерства экологии и природных ресурсов Республики Крым об изменениях за время пребывания Республики Крым в Российской Федерации. URL: <http://minek.rk.gov.ru/ru/sitemap> (Дата обращения 03.05.2018)

6. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790

7. Шефель С. В. Экофильные традиции как ресурс межэтнической интеграции в современной России // Гуманитарий Юга России, 2016. Том. 19. № 3. С. 82-92.

УДК 316.4

**СОЦИОЛОГО-ПРАВОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ:
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В
КОНТЕКСТЕ КРЫМСКИХ РЕАЛИЙ**

Захарова В.А.,

Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия;

Шефель С.В.,

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые методологические аспекты экологического развития Крымского региона в рамках реинтеграции в РФ с учетом обоснования конкретных социолого-правовых рекомендаций.

Человечество как антропогенная по форме и социальная по содержанию общность, несмотря на свою двойственную природу, как и все, что входит в состав космологического универсума, обречено, подчиняясь действию его законов, корректировать собственные желания и процесс саморазвития для обеспечения режима самосохранения. Как это не удивительно, понимание этой аксиомы до сих пор еще не стало очевидным для определенной его части, прежде всего для политического и экономического менеджмента. Это можно квалифицировать как социетальное отклонение, не являющееся нормой в контексте ответственности их представителей по обеспечению необходимого баланса жизненных сил в экосфере, в частности.

Анализ условий возникновения экософии права и ее генезиса свидетельствует о ее неотъемлемости от сферы социальных знаний в качестве способа познания права и правотворчества, используемых человечеством для обеспечения своего существования посредством гармонизации отношений с природной средой. Именно с помощью экософско-правовой рефлексии четко была закреплена экофильная ориентация человека, позволившая ему осознать свою ответственность за поддержание природных условий жизни, что подтверждается выводами многих авторитетных экософов [1-5; 7].

Развенчать идеологию технократической политики и поставить надежный заслон угрозам экокатастрофы можно применяя данный тип рефлексии.

Экософская рефлексия права имеет цель, определяющую ее мировоззренчески-методологическое своеобразие в когнитивной сфере: она функционально сориентирована на воспроизводство ментальности сохранения всех элементов биосферы, что и выявляет ее концептуальной основой экоправового воспитания как способа формирования генерации творцов экологической государственности. Такая постановка вопроса выявляет родовое предназначение права, обосновывая тот неоспоримый факт, что оно является формой проявления инстинкта самосохранения посредством поддержания природных условий существования всех живых существ, в первую очередь за счет заботы об обеспечении воспроизводства жизненных сил биосферы на основе утверждения принципа верховенства экологического законодательства в правотворчестве, и правоприменении в рамках регулирования правоотношений между субъектами и объектами социоприродного пространства.

Выяснение сущности экософского подхода к познанию права позволяет понять его гармонизирующую роль. Это связано с анализом его специфики, осуществляемым посредством процедуры экстраполяции его результатов в плоскость характеристики предельных оснований права. Так, с точки зрения онтологического контекста экософской рефлексии права, приобретает значение понимание необходимости принципиальной смены парадигмального наполнения фундаментального уровня правовой реальности посредством утверждения в качестве ведущей такой идеи права в социокультурном пространстве, которая бы исходила из учета действия закона социоприродного гомеостаза, детерминируя парадигмальную трансформацию на уровнях правовой реальности: в содержании норм законодательства и правоотношениях.

Переосмысливая с позиций экософско-правовой парадигмы правовую антропологию, убеждаемся в том, что ведущим фактором желаемой эволюции социума является человек, правотворчество которого исходит из понимания экофильного характера природы права.

Определение аксиологического смысла бытия человека связано с экологизацией его правосознания как актом духовного обновления на основе обретения им знаний о роли права в гармонизации экосоциальных отношений, где решающая роль отводится фактору признания человеком ответственности в отношении объектов природной среды, т.е. осознания им гуманистической направленности своей правосубъектности в экосфере. Специфика такого типа правосознания позволяет ее носителю понять значение подчинения закону саморазвития природной среды, который обуславливает ее эволюцию, являясь феноменом обеспечения жизни одной

ее формы другими без чрезмерного истощения ими потенциала друг друга, или его уничтожения.

Экологизация правосознания в вышеуказанном смысле означает создание предпосылок для императивно-ценностного обновления субъектом права содержания нормы закона, в т.ч. и в рамках экологического законодательства, на основании применения в его конструировании принципов верховенства права (прежде всего, принципа признания равными в праве на жизнь как субъектов, так и объектов экосферы, и соблюдения верховенства этого принципа по отношению к нормам природопользования), справедливости (в т.ч. принципа экоправовой справедливости). Только используя такую процедуру в познании права, его субъект сможет осуществить собственную экзистенцию как процесс экосоциального моделирования, выявляющий его сущностное «Я» и подлинную гуманистическую экоправовую природу. Это открывает для него возможность, оставаясь самим собой, самосовершенствоваться, воспроизводя экологическую сущность своей правосубъектности. Так, понятая субъектом права идея самореализации является условием освобождения его сознания от устаревших и мировоззренчески ограниченных стереотипов правопонимания и утверждения гуманистических правовых ценностей в качестве убеждений, побуждающих к воспроизведению стойких привычек правомерного поведения в процессе экосоциальной коммуникации, целью которой выступает деятельность, направленная на созидание экоправовой государственности, правовой культуры творчества жизни и гармонизация правоотношений в экосфере.

Прибегая к экософско-правовой рефлексии, находим пути преодоления дихотомии антропогенного и социального начал в правотворчестве, связанном с имплементацией норм экологического и природоресурсного законодательства. Это предполагает воплощенные в природе человека экологично-гуманистические признаки, из образа его правового идеала, превратить в личностные убеждения, ценностные установки. Эти конструкты правосознания, как структурообразующие факторы системы способов утверждения жизни, трансформируясь в чувства людей, способны усилить креативный потенциал личности, выводя из структуры ее психики негативные эмоциональные схемы.

Изложенное выше позволяет понять методологическую специфику экософско-правовой парадигмы и определить какое место экософский подход занимает в системе средств познания и реализации права. Результатом его применения должна стать смена творческой ориентации правосубъектности человека, направленная на оптимизацию использования социумом

природных ресурсов, в т.ч. и людских, которые, к сожалению, еще, как правило, затрачиваются на борьбу людей между собой и с природной средой, а также – переключение этих сил на сотворчество, являющееся условием выведения каждого человека, как человечества в целом, на уровень сознательных субъектов гармонизации правоотношений в экосоциосфере.

Посредством экософской рефлексии право выявляется инструментом моделирования и конструирования человеческого способа жизни, который учитывает действие закона экоправовой справедливости, т.е. основывается на признании приоритета равного для всех существ права на жизнь, верховенства прав природной среды, в т.ч. и прирожденных прав человека, над его социально обретенным правом природопользования, и его ответственности по защите и сохранению природного разнообразия как условия обеспечения возможности полноценной самореализации субъектов и воспроизводства природных объектов для поддержания баланса социоприродных сил.

Убеждаемся, что с заявленных позиций в условиях трансформации отечественного социума следует подходить к обоснованию и реализации комплекса необходимых ему реформ с тем, чтобы, изменив ракурс рассмотрения нерешенными проблем, добиться его экологически устойчивого развития, созидая правовую и экологическую государственность.

Вывод. Не претендуя на безальтернативность положений, приведенных в сообщении, предлагаем властным институтам Республики Крым учесть рекомендации, целесообразность реализации которых не вызывает сомнений:

1) властным институтам Крымского региона необходимо скоординировать усилия с федеральными структурами в осуществлении мер по реализации стратегии созидания экологической государственности;

2) на уровне законопроектной работы в Госсовете РК в области экологического и природоресурсного права использовать подход в обосновании модели императивного согласования содержания их норм, исходя из принципа признания верховенства норм экологического права над нормами природоресурсного права, с целью обеспечения эффекта от их синтезированного применения для гармонизации субъект-объектных правоотношений в экосфере;

3) на уровне организационного обеспечения в регионе природоохранной деятельности следует реформировать структуру ее

управленческой системы в соответствии с потребностями созидания экологической государственности, исходя из необходимости имплементации в практике правоприменения в экосфере вышеуказанной модели императивного соподчинения норм природоресурсного законодательства требованиям экологического права;

4) исходя из приоритета принципа соблюдения мер по обеспечению экологической безопасности и поддержания тенденции к сохранению природного генофонда как условий устойчиво поддерживающего развития экосоциосферы региона, императивно сориентировать судебную практику на адаптацию вышеуказанной модели императивного соподчинения норм природоресурсного законодательства требованиям экологического законодательства;

5) профессиональную подготовку специалистов природоохранной сферы следует парадигмально обновить за счет изучения ими экософии права;

6) на уровне системы профессионального образования в учреждениях, осуществляющих подготовку специалистов природоохранного профиля, обеспечить создание факультативов по экологическому праву либо воспроизведение его содержания в курсе «Безопасность жизнедеятельности»;

7) подготовка творцов экологической государственности требует перехода к экоправовому всеобучу в Крыму, а потому в регионе необходима и подготовка педагогических кадров, его обеспечивающих, включая осуществление мер по налаживанию системы экоправового воспитания, способствующих привлечению молодежи к участию в природоохранной деятельности.

Представляется, что, реализуя приведенные рекомендации, социальные, прежде всего властные, институты региона способны решить комплекс задач государственной экологической политики РФ на период до 2030 года [6], тем самым обеспечив усилиями нынешнего поколения крымчан вклад Республики Крым в интеграционный процесс экологического развития России.

Литература:

1. Биосфера и человечество на пути к диалогу / [К.С. Лосев, В.А. Садовничий, И.С. Ушакова, С.А. Ушаков]. М.: МГУ, 2001. – 190 с.

2. Йонас Г. Принцип ответственности. В поисках этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. А. Ермоленко и В. Ермоленко. Киев: Либра, 2001. – 400 с.
3. Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. – М.: Научный мир, 2011. – 224 с. – 2-е изд., доп.
4. Майер-Абих К.М. Восстание в защиту природы. От природной среды к целостному социоприродному пространству / Пер. с нем. А. Ермоленко. Киев: Либра, 2004. – 196 с.
5. Окружающая среда: от новых технологий к новому мышлению / [В.Г. Горшков, К.Я. Кондратьев, В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев]. М.: ВИНТИ, 1994. – 27 с.
6. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: справочная правовая система. Версия Проф.Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013.
7. Шварцкопф Ф.Э. Метаморфоза данного: На пути к созданию экологии сознания /Пер. с англ. Н. Леняшин. М.: Идея-Пресс, 2000. – 232 с.

УДК 379.85

РАЗВИТИЕ МІСЕ-ИНДУСТРИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Зелинская Е.Л.,

преподаватель кафедры туризма, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И.Вернадского», г.Севастополь, Россия

Жеребкова А.Н.,

обучающаяся магистратуры направления подготовки 43.04.02. «Туризм», Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И.Вернадского», г.Севастополь, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ современного состояния индустрии деловых встреч, степени формирования и особенностей функционирования МІСЕ в Республике Крым на примере инфотура по Крымскому полуострову для федеральных МІСЕ и event-агентств в рамках проведения форума «Открытый Крым» с 19 по 23 февраля 2018 года.

Приведены статистические данные современного состояния рынка МІСЕ-индустрии в Крыму. В статье на примере организации инфотура показаны все аспекты его реализации в рамках делового туризма на полуострове. Рассмотрены проблемы рынка делового туризма Крыма, а главное, необходимость определить конкретные способы их решения и обеспечить развитие данного рынка.

Ключевые слова: МІСЕ-индустрия, деловой туризм, МІСЕ-рынок, туры, НАОМ, выездные мероприятия.

Постановка проблемы. Развитие событийного и конференц-туризма в мире отразилось и на деятельности предприятий индустрии гостеприимства в Крыму. Проведение встреч, конференций, конгрессов на территории средств размещения – это не только возможность «продлить сезон», но и необходимость привести в соответствие свои мощности для принятия гостей всех уровней.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросами развития МІСЕ-индустрии занимаются как ученые зарубежные, так и отечественные. Среди современных исследователей выделяются работы О.Г. Чимитдоржиева, Е.А. Горбашко, Е.В. Васильевой.

Цель статьи – провести анализ организации МІСЕ-тура на примере инфотура по Крымскому полуострову для федеральных МІСЕ и event-агентств, выявить основные проблемы развития рынка МІСЕ Крыма.

Изложение основного материала. «Жизнь современного делового человека сегодня – это постоянные деловые переговоры, деловые встречи, поездки, активное участие в различных обучающих программах, направленных на повышение профессионального уровня и квалификации. Поэтому в последние годы, как в России, так и в других странах неуклонно растет доля деловых путешествий, относящихся к бизнес-туризму, конгрессно-выставочному и научному туризму. Сфера МІСЕ-индустрии является одним из самых перспективных и активно развивающихся сегментов мирового туристического рынка и, по мнению подавляющего большинства специалистов, работающих в сфере туризма, в настоящее время – это самая высокодоходная сфера мировой экономики» [2,с40-41].

Современное направление и формирование индустрии встреч, а именно повышение инвестиционной привлекательности региона, развитие делового туризма, воздействие международных событий на развитие регионов, развитие проектов МІСЕ-индустрии при помощи социальных сетей являются на сегодня мощным стимулом внутреннего и внешнего делового общения и важным фактором инновационного регионального развития.

Существуют разные форматы проведения МІСЕ -деловых мероприятий: саммит, форум, съезд, конгресс, конференция.

Деловые программы сопровождаются разнообразными выездными мероприятиями, классификация и краткая характеристика представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация выездных мероприятий

Наименование типов деловых мероприятий	Характеристика результатов, полученных участниками мероприятий деловых	Характеристика результатов, полученных организаторами мероприятий деловых
Конгрессы, конференции, форумы	Обмен идеями, установление новых контактов, обучение новым способностям, навыкам	Повышение привлекательности для существующих клиентов и партнеров, поиск новых проектов, привлечение новых клиентов и

		партнеров, привлечение инвестиций
Семинары, тренинги	Обучение современным навыкам, обучение поведению в нестандартных ситуациях, повышение квалификации	Увеличение объемов продаж, повышение эффективности работы, увеличение дохода от проводимых мероприятий
Пресс-конференции, пресс-туры	Получение актуальной современной и достоверной информации из первых рук	Привлечение внимания СМИ, публикации, PR-поддержка, позиционирование компании как лидера, антикризисные действия

Источник: [3,С.48-50]

Экономика на современном этапе формируется стремительными темпами: появляются новые корпорации, открываются новые банки и инвестиционные фонды и компании, организуются новейшие подразделения, появляются новые проекты. Данная деятельность требует организации деловых встреч значительного числа людей. Каким образом можно грамотно организовать этот многоуровневый с точки зрения организации процесс, всегда является актуальным вопросом на современном уровне формирования туризма.

Главная задача организаторов, чтобы каждый участник МІСЕ-деловых мероприятий остался с позитивными эмоциями и с информационным багажом, который он мог бы использовать далее в своей профессиональной деятельности. Это и новые знания, и новые знакомства, и новые связи.

МІСЕ-индустрия в Республике Крым, молодая отрасль, начала развиваться активно с 2014 года. На сегодня МІСЕ и dmc-агентства в среднем проводят в год на территории Крыма 6-10 мероприятий, отели от 10 и выше. В 2017 года в Крыму было принято 35 МІСЕ групп, в 2016 году 17 групп, в 2014-2015 году всего 10. С 2016 года на территории Крыма активно работает НАОМ - Национальная Ассоциация Организаторов Мероприятий. НАОМ объединяет компании по организации деловых и торжественных мероприятий: event-агентства, продюсерские центры, концертные агентства, выставочные, а также компании, организаторов конференций и семинаров, компании, предоставляющие специализированные услуги в event-отрасли.

С 19 по 23 февраля 2018 года, в рамках проведения форума «Открытый Крым», Крымское отделение НАОМ совместно с Министерством курортов и туризма Республики Крым организовали инфотур по Крымскому полуострову для федеральных МІСЕ и event-агентств.

Отличительной чертой данного тура было то, что организаторы показали Крым с новой стороны: аутентичные локации, небанальные экскурсии, гастрономические изыски – и все это с характерной крымской душевностью.

Все 5 дней тура гостям была предоставлена возможность изучить наиболее достойные площадки, самые интересные идеи активностей и уникальные места полуострова, а также принять участие в ежегодном форуме «Открытый Крым» и круглом столе «МІСЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ 2018», где спикерами были Николай Андреев – председатель НАОМ, а также Ольга Левша, компания MaxMedium.

19 февраля

Начался тур со встречи в аэропорту и знакомства со строительством нового комплекса аэропорта Симферополь. Согласитесь, не каждый день удастся побывать на стройплощадке 3-го по величине аэропорта в России. Далее гости отправились в Евпаторию, где прошли по маршруту «Малый Иерусалим» в старом городе, а гостеприимные хозяева этнокомплекса «Джеваль» не только провели экскурсию с погружением в историю древней Евпатории, но и удивили всех мастер-классом по приготовлению кофе на песке, а также угостили аутентичными сладостями.

Вечером, в уютном еврейском ресторане «Йоськин-Кот», гостей ждал сам хозяин города Евпатория, он же Iron Мэр – Андрей Филонов, который покориł наших участников радушием и гостеприимством.

20 февраля

Этот день был посвящен деловой программе. С утра гости были доставлены в Симферополь, в современный выставочный центр Connect Center, где Министр курортов и туризма Республики Крым Вадим Волченко дал старт Форуму «Открытый Крым». Участники посетили выставочную часть программы, а также побывали на гастрономической сессии форума, в которой приглашенными спикерами были также участники тура – Бухаров Игорь, Председатель Федерации рестораторов и отельеров России и Шаповалова Екатерина, представитель проекта «Гастрономическая Карта России». После насыщенного трудового дня все отправились в Алушту, побывали с инспекцией в Спортивном комплексе «Спартак» и отеле Riviera Sunrise, ну а вечером отправились в уютный SPA Отель МОРЕ, где всех ждал отменный ужин и возможность познать Крым на вкус, ощупь и нюх в трендовом формате «с закрытыми глазами».

21 февраля

Утром этого солнечного дня все отправились на набережную Ялты, где

почувствовали себя в роли актеров фильма «Иван Васильевич меняет профессию», а после съемок участников согрели теплым чаем в ресторане «Чайка» на берегу моря. Основным наполнением деловой программы второго дня стал круглый стол «MICEКРЫМ. Перспективы» в рамках Туристического Форума «Открытый Крым 2018», в отеле MRIYAResort&SPA. Министр курортов и туризма Вадим Волченко поприветствовал участников сессии. Модератором обсуждения выступил Вадим Шпильман, генеральный директор туроператорских компаний OneTouch.Travel и Miceline, основатель школы Travel Business School, он вместе с коллегами–экспертами MICE-отрасли со всей России постарались сформулировать ответы на самые острые вопросы: «Какие критерии заявляют заказчики при выборе локации при проведении мероприятия? Что нужно сделать Крыму, чтобы войти в десятку лидеров-направлений бизнес-туризма России? Доступность объектов исторического наследия и экскурсионных локаций для проведения корпоративных мероприятий», и многое другое. На круглом столе с докладами выступили авторитетные спикеры: Ольга Левша, MaxMedium, рассказала участникам о временных тенденциях MICE рынка, а также об актуальных направлениях на внутреннем рынке.

Александр Колусенко, управляющий партнер Студии ярких событий КРЫЛЬЯ и руководитель Крымского отделения НАОМ, рассказал о том, как обстоят сегодня дела с MICE рынком в Крыму, а Алексей Федоров, генеральный директор SPRINGSOLUTIONS, поведал о возможностях, которые Крым представляет сегодня группам делового туризма. Далее Николай Андреев, генеральный директор компании BIGJACK и председатель правления НАОМ, рассказал о своем виденье шагов, которые следует предпринять в регионе для привлечения деловых туристов, а Александр Мальцев, управляющий директор проекта BEINRUSSIA, поделился опытом, как BeInRussia продвигают регионы России среди крупных корпоративных заказчиков. Также своими рекомендациями о гостеприимстве территорий поделился с участниками форума Мусин Ильдар, президент «Спутник Спорт энд бизнес Тревел» и президент Ассоциации национального гостеприимства России. Поделиться опытом в построении стратегии продвижении туристического региона приехала Оксана Саргина, амбассадор бренда Visit Tatarstan – это стало одним из самых интересных выступлений, с точки зрения маркетинга территории.

Участники Круглого стола «MICEКРЫМ. Перспективы» сошлись во мнении, что потенциал Крыма, как одного из основных направлений бизнес-туризма в России огромен.

Определены задачи MICE-рынка в Крыму:

- формирование информационного поля о MICE-возможностях Крыма.

- формирование пулла рекомендованных поставщиков МІСЕ-услуг.
- разработка стратегии развития региона Крым, как ведущего черноморского курорта России.

22 февраля

В этот день участники тура отправились в путешествие по Южному Берегу Крымского полуострова, посетив одни из самых живописных мест: Форосскую Церковь, Байдарские ворота и Байдарскую долину, а также провели инспекции в СПА Отель «PalmiraPalace» и «Сосновая Роща». Ну а позже все отправились на Инкерманский завод марочных вин, где их ждала увлекательная экскурсия в Инкермановские штольни и дегустация с фуршетом от кандидата в члены НАОМ.

Вечером все собрались в ресторане «Дельфин», СПА-Отель «Ливадийский», где состязались в интеллектуальной битве на знание Крыма, слушали камерный дуэт гитаристов и просто приятно проводили время в компании всех организаторов данного тура.

23 февраля

Ну а напоследок, в День защитников Отечества, наших участников ждал особенный сюрприз. По дороге в аэропорт группа посетила еще одну уникальную площадку в Крыму, созданную на основе реквизита со съемок легендарного фильма «Викинг», а именно Кинопарк «ВИКИНГ».

Здесь проявить себя в качестве «защитников» смогла не только мужская половина гостей, но и женская...

Тур стал не только замечательной возможностью знакомства с Крымским полуостровом для участников, но и отличным поводом для налаживания взаимодействия между собой команды организаторов, а именно членов Крымского отделения НАОМ. В рамках тура были рассмотрены проблемы рынка делового туризма Крыма, а главное, необходимость определить конкретные способы их решения и обеспечить развитие данного рынка:

- 1.Сезонность рынка
- 2.Уровень поддержки отрасли со стороны государства
- 3.Отсутствие комплексного представления Крыма как дестинации на внутреннем, и на международном рынке
- 4.Финансовые аспекты рынка делового туризма – тарифы на услуги
- 5.Не сложившийся понятийный аппарат, характеризующий основные категории рынка делового туризма
6. Отсутствие достоверной статистической информации об отрасли в Российской Федерации

Организаторы разделили зоны ответственности по дням и направлениям так, чтобы каждый проявил свою уникальность и ключевые преимущества агентства. К примеру, полное сопровождение группы на всех этапах, организацию круглого стола, взаимодействие с Министерством курортов и

туризма Республики Крым и ТК «Рюкзак путешествий» осуществляла Вита Саар, директор по развитию ООО «Ливадия Групп».

Сейчас одна из ярких тенденций в нашей индустрии – вовлекать участников не только во время праздника, но и для его подготовки. На протяжении двух-трех месяцев с людьми работают профессиональные режиссеры-постановщики, хореографы, гримеры, шьются костюмы. Такая творческая совместная деятельность вдохновляет, помогает осознать ценность своей роли в команде. И в разы повышает лояльность сотрудника к своему работодателю. Более того, через корпоратив доносится смысл и миссия компании в метафоричной форме, что повышает уровень вовлеченности не только активных сотрудников, но и всех участников данного события.

Сейчас для любого предприятия, все более важными становятся вопросы мотивации персонала и повышение привлекательности бренда работодателя. Многие задачи из этой сферы может решить event.

Площадкам и подрядчикам надо перестать относиться к организаторам как к назойливым посредникам, а начать выстраивать взрослые партнёрские отношения. Нам можно воспринимать друг друга как коллег, а не врагов и вместе строить рынок, где есть общие правила, законы и стандарты. От этого выиграет каждое звено: клиент, подрядчик, площадка, агентство. Только в том случае, если готов развиваться и работать честно. А остальным лучше поискать себе работу полегче. Потому что здесь скоро будет жарко. Но не от пролетающих пуль, а от накала горячих обсуждений, совместных проектов и скорости движения к новым вершинам.

НАОМ будет создавать правила рынка, учиться и делиться опытом, собирать вокруг себя тех, кому не все равно. Можно быть внутри движения, можно идти рядом в ногу, а можно сидеть в углу и ждать, что у нас ничего не получится.

Выводы. Подводя итог, хочется сказать, что реализовав этот проект, НАОМ в Крыму смог собрать и показать полуостров представителям MICE индустрии федерального уровня, наладить деловое взаимодействие с местной властью, а также объединиться и показать наши возможности. Также важной задачей по итогам встреч в рамках инфотура стало создание программы конкретных действий, по развитию MICE, которую будут готовы поддержать все участники. Данная программа должна быть сформирована на основании всех без исключения мнений и предложений участников тура. Срок формирования программы – не более месяца после завершения инфотура.

Литература:

1. Бронская Ю.В. Бизнес-туризм как фактор развития туристического рынка России. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2007
2. Кузнецова О.В., Сальчива Ю.В., Масленникова Е.Г. Аспекты MICE-туризма и его организации. ФГБОУ ВПО МО «Финансово-технологическая академия», Москва, РФ, 2013
3. Деловые мероприятия [Электронный ресурс]: URL: www.artpiknik.ru
4. Морозова Н.Н. К вопросу MICE-индустрии в структуре регионального рынка туристических услуг. Региональная экономика: теория и практика, 2012
5. MICE туризм — прибыльный, сложный и особенно перспективный [Электронный ресурс]: URL: <http://buyingbusinessstravel.com.ru/glossary/term/MICE/>

УДК: 379.851

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ СФЕРА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Зелинская Е.Л.

преподаватель кафедры туризма, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г.Севастополь;

Недина М.Н.

магистрант по направлению подготовки «Туризм», Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Севастополь

Аннотация. В данной статье рассмотрен туристско-рекреационный потенциал санаторно-курортного комплекса Республики Крым, уровень его развития и текущее состояние. Выявлены главные факторы и проблемы, благодаря которым не развивается туристско-рекреационный потенциал Крыма, в частности низкая конкурентоспособность санаторно-курортных комплексов. Отмечается, что будущее развитие санаторно-курортного комплекса Республики Крым связано со значительными вкладами со стороны отечественных инвесторов. В заключении предложены пути решения выявленных проблем, выдвигаются рекомендации по совершенствованию туристско-рекреационной сферы республики на современном этапе.

Ключевые слова: Республика Крым, туристско-рекреационная сфера, конкурентоспособность, развитие, санаторно-курортный комплекс, туризм.

Актуальность. Для Республики Крым сфера туризма одна из основных бюджетообразующих источников. Внутренний туризм важен для страны, так как капитал, доходы и налоги остаются в России. Крым обладает уникальными природно-рекреационными ресурсами. За счет этого республика может конкурировать с мировыми рекреационными курортами. Однако туристская отрасль в Крыму недостаточно развита, что не позволяет полуострову занимать должную нишу на мировом туристском рынке.

Постановка проблемы. Всемирные глобализационные процессы, которые обусловлены постоянным изменением экономико-социальных и политических систем, предусматривают конкурентное преимущество регионов. Преимуществом нынешнего этапа развития являются быстрые темпы роста

сферы услуг, где лидирующие позиции занимает туризм. Располагая исключительными природно-рекреационными и культурно-историческими ресурсами, Крым является стратегическим регионом, развитие в котором происходит, в первую очередь, туристской сферы. Одной из отраслей данной сферы является санаторно-курортный комплекс.

На сегодняшний день Крым является полноправным регионом Российской Федерации, который не лишен серьезных проблем во многих отраслях экономики. Одной из главных задач является развитие туризма в Крыму, так как данное направление является перспективной статьей бюджета не только полуострова, но и России в целом.

После того как Республика Крым перешла в состав Российской Федерации в марте 2014 г., было установлено, что туристская отрасль данного региона имеет большое количество проблем. Данные проблемы разделили на проблемы переходного периода и на фундаментальные проблемы, которые появились задолго до вхождения региона в состав Российской Федерации, они же и являются наибольшей угрозой для развития отрасли. К этим проблемам можно отнести как слабо развитую инфраструктуру, так и низкий уровень квалификации работников туристской отрасли. Поэтому большая часть туристов отдавали свое предпочтение зарубежным странам, в которых сфера туризма развита на должном уровне.

Нынешние экономические условия, обусловленные санкциями со стороны западных стран, неблагоприятно влияют на развитие полуострова. Но необходимо отметить, у российских инвесторов появляются хорошие возможности для вложений средств в экономику Крыма. К сожалению, они встречаются с рядом определенных экономических и законодательных проблем, которые обусловлены ростом налогов, доступностью финансовых ресурсов, экономическими санкциями, а также низкой конкурентоспособностью сферы услуг, которая определена инфраструктурными проблемами, к ним также можно отнести необеспеченность полуострова электроэнергией и водой в оптимальном количестве.

Как следствие, будущее совершенствование и функционирование санаторно-курортной отрасли республики неразрывно связано с большим количеством денежных вложений. В условиях интеграции Республики Крым в российские политические, экономические, финансовые и законодательные структуры, правительство Российской Федерации присвоило Республике Крым статус особой экономической зоны. Цель данного действия заключается в ускорении социально-экономического развития, посредством привлечения частных и отечественных инвестиций, а также использованием новейших технологий главным образом в туристско-рекреационном секторе.

Состояние изученности проблемы. В научной литературе за последние несколько лет появилось достаточно работ, которые описывают результаты как комплексных исследований туристско-рекреационного комплекса Республики Крым, так и конкретных аспектов развития туристской отрасли данного региона. К такой литературе можно отнести труды О.В. Белицкой [2], А.А. Лавриченко [5], М.Н. Нагорской и А.А. Пегушиной [6], А.Х Курбанова, Г.А. Симоняна и И.В. Турицына [4]. В данных работах основное внимание направлено на неразвитость туристско-рекреационной сферы полуострова. На основании данной литературы, было проведено дальнейшее исследование, направленное на повышение конкурентоспособности рекреационного потенциала Республики Крым.

Изложение результатов исследования. Понятие «туристско-рекреационная сфера» понимается как совокупность предприятий, род деятельности которых связана с организацией и реализацией санаторно-курортных, лечебно-оздоровительных, культурно-познавательных и других услуг на территории с высоким рекреационным потенциалом.

Крым – один из известных и крупных курортов, который обладает уникальным культурно-историческим и природно-климатическим потенциалом. Как отмечают М.Н. Нагорская и А.А. Пегушин: «Полуостров Крым занимает лидирующее место среди курортов СНГ по количеству санаториев, домов и пансионатов отдыха из расчета на 1000 человек местного населения. Большая часть рекреационных территорий находится в приморской зоне, которая составляет 35% от всей площади Крыма» [5, с. 125]. Полуостров располагает 825 санаторно-курортными и гостиничными организациями, 470 из которых реализуют специализированное санаторно-курортное лечение, остальные 355 – услуги временного проживания. Общая протяженность пляжей Крыма составляет 520 км. По состоянию на 1 апреля 2017 г. на территории республики насчитывалось 560 пляжей, 69 из которых являлись лечебными по функциональному назначению, относятся они к санаториям. 58 – пляжи других лечебно-оздоровительных комплексов, 71 – пляжи детских оздоровительных комплексов, 360 – пляжи общего назначения.

На территории республики находится свыше 12 тыс. памятников истории, культуры и архитектуры разных эпох и разных цивилизаций. В Крыму находится 26 месторождений лечебной грязи и рапы, более 100 источников минеральных вод, насчитывается 6 государственных заповедников, 33 заказника, 80 памятников природы, 10 заповедных урочищ, 850 карстовых пещер, 50 из них пригодны для посещения туристами, более 30 парков-памятников садово-паркового искусства общегосударственного и мирового значения [6]. Исходя из вышеперечисленного Республика Крым обладает необходимыми возможностями для эффективного функционирования, и быть конкурентоспособным регионом в

туристско-рекреационной сфере в целом.

В настоящее время, Крым на мировом туристском рынке значительно проигрывает другим аналогичным регионам. Предоставляемые туристские услуги в Крыму довольно низкого качества. Развитость инфраструктуры желает лучшего. Большое количество изношенных зданий и сооружений. В связи с этим многие отечественные туристы предпочитают сравнительно дешевые курорты Турции, Египта, Болгарии и других стран с более развитой инфраструктурой, высоким качеством обслуживания.

Неконкурентоспособность курортов Крыма также обуславливается неэффективностью использования инвестиций, так как они направлялись главным образом в уже развитые санаторно-курортные комплексы Южного, Юго-Восточного и Западного берегов Крыма, на которые приходится основной поток туристов.

Проводя анализ проблем отечественных курортов, нельзя не отметить низкий уровень обслуживания, отсутствие желания работников туристско-рекреационной отрасли создавать положительный имидж, что привлечет постоянных клиентов. Это достигается не только за счет строительства роскошных гостиничных комплексов, а также за счет повышения качества обслуживания.

Выводы. Подводя итоги, следует отметить, что Крым довольно важный регион для России, так как они тесно связаны общей культурой и историей. Туризм в Крыму является одним из самых перспективных направлений экономики. Республика Крым обладает богатейшими туристско-рекреационными ресурсами и огромным потенциалом для эффективного развития. Трехлетний опыт доказал возможность эффективного развития туризма даже в условиях международной информационной войны. Для развития туристско-рекреационной отрасли Крыма, учитывая весь ресурсный потенциал, можно выдвинуть следующие рекомендации:

1. Главной причиной низкой эффективности функционирования является сезонность. Она выступает своеобразным барьером, который не позволяет накапливать необходимые средства предприятий, в дальнейшем используемых с целью его поддержание в межсезонье. К сожалению, за последние годы длительность сезона сократилась (1-1,5 месяца), приходится он на конец лета. Следовательно, главной задачей является увеличение туристской сезонности. В Крыму необходимо формировать сегмент массового, достаточно недорогого, но качественного сертифицированного туризма.

2. Модернизация туристских комплексов путем создания необходимых условий, которые заключаются в правильной организации, управлении, реализации, размещении и повышении уровня обслуживания туристских потоков.

3. Необходимо максимально использовать природно-рекреационный потенциал Крыма и осваивать новые рекреационные местности полуострова.

4. Необходимо создание разнообразных видов туризма посредством введения нестандартных форм. Например, круизный, подводный, экстремальный и другие.

5. Внедрение эффективных механизмов маркетинга, который в свою очередь позволит повысить качество и количество информации о предлагаемом отдыхе.

6. Вовлечение отечественных бизнесменов в будущее развитие крымской инфраструктуры и материально-технической базы.

Учитывая нынешнюю экономико-политическую ситуацию, правительству РФ необходимо принять все возможные меры на создание нормативно-правовой и инновационной базы. Это позволит усовершенствовать туристскую отрасль региона и решить вышеперечисленные проблемы в ближайшей перспективе. Крымский полуостров – это быстро развивающийся регион, имеющий ряд серьезных проблем, однако имеющий огромный туристский потенциал, способный к масштабному развитию, и который в нынешнее время представляет колоссальный интерес для отдыхающих. К счастью, имеющиеся проблемы Крымского полуострова не являются уникальными, следует полагаться на положительный международный опыт и приспосабливать под реалии Российской Федерации.

Литература:

1. Постановление Совета Министров Республики Крым от 22 марта 2016 года № 104 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2015-2017 годы» // URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.04.18).

2. Белицкая О.В. Экономический потенциал и перспективы развития Республики Крым // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ (Кубанского социально-экономического института), 2014. № 2 (62). С. 223–229.

3. Козлов Д.А., Лайко М.Ю., Попов Л.А. Прогноз развития туристского комплекса Крыма. В сборнике: Роль экономических наук в развитии общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 2014. С. 61–63.

4. Курбанов А.Х., Пахомов В.И., Плотников В.А. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2014. № 4. С. 29–37.

5. Лавриченко А.А. Региональные аспекты инновационно-инвестиционного развития санаторно-курортного комплекса АР Крым // Балтийский гуманитарный журнал, 2014. № 3. С. 62–65.

6. Нагорская М.Н., Пегушина А.А. Идентификация конкурентной среды на рынке санаторно-курортных услуг // Вісник економічної науки України, 2011. № 2. С. 124.

7. Республика Крым макроэкономическое обозрение январь–ноябрь 2014 года // Министерство экономического развития Республики Крым, 2014. 18 с.

8. Симонян Г.А., Турицын И.В. Основные тенденции развития туристско-рекреационного сектора Крыма в постсоветский период // Современная научная мысль, 2014. № 3. С. 172–182.

9. Сайбель Н.Ю. Современное состояние и перспективы развития туристского рынка в Республике Крым [Текст] / Сайбель Н.Ю.– М.: Молодой ученый, 2016. – 800 с.

Содержание

Пленарные доклады:	
Горшков М.К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки, задачи и перспективы	3
Волков Ю.Г. Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму	9
Лубский А.В. Особенности ментальных программ и моделей социального поведения в Крыму	21
Маркин В.В. Пространственное развитие России: новые вызовы и социальные смыслы региональных политико-управленческих практик	28
Скворцов Н.Г., Пусько В.С. Роль социально-гуманитарного образования в решении проблем социокультурной интеграции	34
Сулейменов И.Э., Фалалеев А.П. Социоэкономические аспекты инновационной деятельности	40
Узунов В.В. Формирование патриотизма в молодежной среде и его влияние на гражданскую идентичность: опыт Республики Крым	46
Чигрин В.А. Научная миссия и гражданская ответственность социологов Крыма	53
Секционные доклады:	
Алиев Ш.И., Бурцев С.А., Талалаев Н.В. Проблемы жизненного проектирования молодежи на Юге России	57
Баранов А.В. Состояние и задачи социокультурной интеграции крымской молодежи в российское общество (по материалам пилотажных опросов)	63
Бедрик А.В., Верещагина А.В., Узунов В.В. Патриотические практики в полиэтническом пространстве Юга России	68
Бунецкий Л.Л. Местное самоуправление в Севастополе: репрезентации муниципальной власти, проблемы перезагрузки и парадоксы развития	73
Вагина В.О., Пантелеев В.Г. Воссоединение Крыма с Россией: проблематика интеграции в социально-экономическое пространство	87
Верещагина А.В. Демографические индикаторы развития Крыма и его интеграции в общероссийское пространство	95
Воденко К.В., Сергеева Н.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию духовных ценностей России как общей платформы конструирования российской идентичности	101
Войтенко В.П., Пусько В.С. Современное образование как фактор	106

формирования российской гражданской идентичности в полиэтнических регионах Юга России	
Войтенко В.П., Вялых Н.А., Беспалова А.А., Филимонова М.А. Социальные проблемы здравоохранения Республики Крым в контексте реинтеграции в состав РФ	116
Гетман А.В. Процессы политической институционализации на Юге России: опыт сравнительного анализа	125
Гонтаренко Н.Н. «Информационные войны» как объект международных отношений в контексте реинтеграции Крыма	130
Городецкая Е.Г. Оценка эффективности работы органов местного самоуправления (социологический аспект)	135
Губарев И.В. Интеграция греческой диаспоры Крыма в социокультурное пространство России	143
Гугуева Д.А. Формирование единого интернет-пространства республики Крым и Российской Федерации: проблемы и перспективы	146
Денисова А.В. Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгеи, Калмыкии	149
Денисова Г.С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений	155
Дулина Н. В. , Икингрин Е. Н. Города проведения спортивных мегасобытий как новые направления туристских маршрутов	162
Жаде З.А. Государственная политика интеграции российской нации	168
Журавская Я.А., Смирнов Д.В. Теория и практика брендинга на примере Республики Крым	173
Загутин Д.С. Современные методы продвижения нравственных ценностей в среде молодёжи – социально-философский аспект	178
Захарова В.А. Экологические ценности как основа развития рекреационного пространства Республики Крым в контексте интеграционных процессов: ментальные основы	182
Захарова В.А., Шефель С.В. Социолого-правовая рефлексия экологических проблем: некоторые методологические аспекты в контексте крымских реалий	189
Зелинская Е.Л. Развитие МІСЕ-индустрии в Республике Крым	195
Зелинская Е.Л., Недина М.Н. Туристско-рекреационная сфера Республики Крым: современное состояние и перспективы развития	203
Содержание	209

